

Глафира Коварная

Дневник между мирами

Книга 1: Аранум

Госпожа Фрашка

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Глафира Коварная

**Дневник между мирами. "Книга
1: Аранум. Госпожа-чудачка."**

«Автор»

2026

Коварная Г.

Дневник между мирами. "Книга 1: Аранум. Госпожа-чудачка." /
Г. Коварная — «Автор», 2026

Она выжила в аварии, которую нельзя объяснить. Убила демона, и тут же её едва не принесли в жертву безумцы. Её спасли, полюбили — и вот она уже жена А потом в одну ночь всё рухнуло. Муж погиб на глазах, друзья пали один за другим, магия исчезла, а она оказалась пленницей Тирана. Под сердцем — наследник, единственное, что осталось от мужа. В её распоряжении — только гнев, да горькая память. Она притворится безумной, затаится и будет ждать. И когда придёт час — нанесёт удар. Но пока она должна просто выжить. Ради того, кто ещё не родился. Ради него она вытерпит всё.

Содержание

ПРОЛОГ "Дневник, который перевернул всё"	5
Глава 1 "Доконай меня окончательно и выиграй мобильник!"	10
Глава 2 "Ни одно доброе дело не останется безнаказанным..."	15
Глава 3. "Мужчины как правительство..."	31
Глава 4 "Русская закалка плюс здешняя магия".	49
Глава 5 «Экзамены, раны и несданный зачет по чувствам».	61
Глава 6 «Студенчество – лучшие годы жизни...»	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Дневник между мирами. "Книга 1: Аранум. Госпожа-чудачка."

ПРОЛОГ "Дневник, который перевернул всё"

ПРОЛОГ.

«Дневник, который перевернул всё!»

Меня зовут Лаари. Мне сто семнадцать лет — по меркам аранумарцев это возраст, когда ты уже не ребёнок, но ещё и не взрослый. Достаточно, чтобы успеть натворить глупостей, и недостаточно, чтобы научиться их не совершать. Я — пра-пра-пра-правнучка (а сколько там этих «пра» — я сбилась со счёта где-то после десятого колена) той самой Эрики Тулкониэль, которую в школьных хрониках величают «Спасительницей Аранума», а в церковных балладах — «Святой королевой».

Прошло почти шесть тысяч лет с тех пор, как она правила. Шесть тысяч лет, за которые Аранум успел несколько раз распасться и снова собраться, магия угасала и возрождалась, а легенды о Королеве-воительнице обросли такими слоями лжи, что правду уже никто не помнит. Даже я, её потомок, знаю о ней лишь то, что написано в официальных хрониках: кроткая набожная женщина, с короной на голове и практически игрушечным мечом в руке.

Скукотища.

Мне сто семнадцать лет, я не умею носить корсеты, не выношу, когда меня называют «Ваше высочество», а в прошлом месяце на спор оживила статую дракона в столичной магической академии. Статуя, надо сказать, тоже отличилась и устроила небольшой пожар. Профессора из-за этого «случая» до сих пор заикаются. А родные не устают твердить, что я — вылитая Эрика: та же упрямая, авантюрная душа, что не терпит оков. Но в последние годы я стала замечать, как они смотрят на меня: с надеждой и с болью. Слишком много веков главный трон формально пустовал. Слишком много веков Аранум ждал кого-то, кто поведёт за собой.

Мой отец — король Фириат, «Тёмный огонь», как его прозвали при дворе, — правит уже пятьсот лет. Он устал. И я знаю, о чём он думает, когда смотрит на меня.

Вчера, после очередного моего «невинного» розыгрыша с огнедышащим драконом, он мрачно помянул всех сущностей нижних миров и объявил, что «с него хватит».

Я думала, меня снова временно отправят в монастырь или, на худой конец, посадят под домашний арест. Но отец повёл меня в свою тайную личную библиотеку — укромное святилище в сердце дворца, куда мне раньше входа не было. Высокие своды, усыпанные паутиной тысячелетий, полки из чёрного дуба, где тома шептали заклинаниями. Воздух, тяжёлый от аромата пергамента, ладана и пыли веков.

Он подошёл к стене, скрытой гобеленом с изображением древнего сражения — того самого, где Эрика будто бы сокрушила армии сарцев, — коснулся рун, и панель отъехала. В небольшом хрустальном ящике, переливающимся внутренним светом, хранились несколько древних рукописных тетрадей.

— Дневники Легендарной Королевы, — сказал отец. — Эрики Тулкониэль. Их не видел никто, кроме правителей.

Я уставилась на них с сомнением. История — это скука, пыльные свитки и бесконечные даты. Но отец кивнул на портрет, висевший над столом: слишком реальное и живое изображение рыжеволосой девушки с зелёными глазами, горящими дерзким огнём, и лукавой полуухмылкой на лице. Отец сказал, что портрет был написан самим Архимагом Равэоном, который, как гласит легенда, «ушёл за Грань следом за Королевой».

— Говорят, ты очень похожа на неё, — продолжал отец. — Она тоже не хотела быть ни королевой, ни принцессой. Мало того, она этому яростно сопротивлялась.

Я перевела взгляд с портрета на дневники. И в груди шевельнулось любопытство.

В этот миг я заметила, что в углу библиотеки, прислонившись к косяку, стоял мой брат — Арээла, «Золотой ястреб», как его прозвали за острый ум стратега и дипломата. Ему двести сорок лет, и он уже давно ведёт переговоры по делам королевства от имени отца. Он стоял, скрестив руки на груди, и с лёгкой усмешкой наблюдал за разворачивающейся сценой.

— Могла бы просто сказать «нет» твоему кавалеру на том балу, — заметил он, поправляя манжеты. — Но, нет, тебе же нужно было устроить это представление с драконом. В твои сто семнадцать лет пора бы уже знать меру.

— Заткнись, Арэ, — буркнула я.

Он — старший. И именно он должен унаследовать трон. У него это отлично получится. У него вообще всё отлично получается — балансировать на острие ножа между древними традициями и новыми веяниями. А я... я просто хочу, чтобы меня оставили в покое.

Но отец, как назло, упёрся.

— А если не поможет, — лениво протянул Арээла, — отправим её в монастырь? Или замуж за какого-нибудь древнего герцога, которому тысяча лет?

Я показала ему кулак, а отец лишь вздохнул.

— Читай, Лаари, читай! — произнёс он, и его голос, обычно твёрдый, как королевский эдикт, задрожал от волнения. — Может, это принесёт тебе хоть какое-то просветление.

Он вышел, оставив дверь приоткрытой. А я взяла первую тетрадь, забралась с ногами в массивное кресло напротив стола и открыла её.

Странная тетрадь. Переплёт из неизвестного материала, гладкого, как шёлк паутины, и страницы из белоснежной бумаги, что не желтела со временем и казалась почти живой. Магия, которой уже никто не владеет. На обложке, выцветшими, но чёткими буквами, начиналось: *«И чтобы помнить о каждом из вас, мои верные и мои вечные, я буду вести этот Дневник...»*

Внутри, между страницами первой тетради, лежали три листа бумаги — зачарованные, пульсирующие лёгким магическим теплом. Я взяла их в руки и они зашелестели, как осенние листья, хотя в библиотеке не было ветра.

Первый лист был подписан: **«Равэон, регент Королевства, Советник Лотиона Руадхри... об Эрике Леие Тулкониэль».**

Я пробежала глазами листок: *«Главная особенность этой женщины заключалась в поразительном контрасте между её внешним обликом и внутренней сутью. Со стороны она казалась неуверенной, даже робкой — скромной, застенчивой, не склонной к решительным действиям. Но за этой маской скрывалась железная воля, выкованная в огне испытаний. На деле мы получили королеву, которая умела быть жёсткой, когда того требовала необходимость, и оставаться человечной, когда наступало затишье. Она была сильным политиком, тонким стратегом, но, при этом, не утратила ни искренности, ни способности посмеяться над собой. Её отличали редкое мужество, верность тем, кто шёл с ней рядом, и честность, порой граничившая с безрассудством. Красота её не бросалась в глаза с первого взгляда, но общение с ней, отмеченное редким обаянием и глубокой внутренней теплотой, навсегда врезалось в душу. И я любил её так, как не любил никого до и никого после.*

И теперь каждый день, после того сражения, когда она сгорела в пламени Кукольника, закрывая нас собой, уничтожив его, я просыпаюсь и заново переживаю потерю. Говорят, она ушла за Грань. Ложь. Я видел, как пламя пожирало её. Я слышал её последний крик. Я не успел тогда. Портал сработал слишком поздно. Мы потеряли доли секунды. Она — единственная рана, которая не заживает, и единственный свет, который не меркнет для меня. Я люблю её даже сквозь смерть, сквозь пепел, сквозь невозможность её вернуть. И эта любовь — моя

вечная казнь и моё единственное спасение. Если ты читаешь это — знай: она погибла как герой, а я... я остался жить с этим. Равэон ».

Я присвистнула. Равэон — тот самый Архимаг, чей портрет висит в Зале Славы рядом с троном уже шесть тысяч лет. В учебнике его называли «верным советником», а о смерти Эрики писали сухо: «Королева ушла за Грань, передав правление наследнику». Ни слова о пожаре. Ни слова о Кукольнике. Ни слова о том, что она сгорела заживо.

А здесь, на этом клочке бумаги, он писал... с такой болью, словно потерял не просто королеву, а собственное сердце, вырванное из груди. И эти слова — «я видел, как пламя пожирало её», — заставили меня замереть. Он был там. Он видел. И жил с этим. Ошеломляло не только «я любил её», но и то, что он не врал себе: она не ушла, она погибла, а он остался.

— Дай посмотреть, — Арээла бесшумно подошёл и выхватил листок из моих рук. Прочёл, и его брови поползли вверх. — Это он о нашей пра-пра... о Эрике? Той самой, которую изображают святой?

— Отдай, — я вырвала бумагу обратно.

Второй лист был от другого человека: **«Лотион ноэ Руадхри, барон, супруг Эрики, регент Королевства, правитель Королевства».**

«Я помню её не только в короне и доспехах, но и в то утро, когда она, нечесаная и сонная, ругала меня за то, что я стащил у нее ночью одеяло. Глубина и тонкость её переживаний скрывались за грубыми манерами и шокирующим поведением. На деле за этой маской таился трезвый расчёт и здоровое мышление, острый взгляд и глубокое понимание происходящего. Моя хрупкая, смешная, невыносимо родная баронесса была красива неувольнимой красотой — не той, что бросается в глаза, а той, что проникает в сердце и остаётся там навсегда. Уже тогда в её лёгкой, почти летящей походке чувствовалась поступь будущей правительницы. И я, глупец, понял это не сразу, а когда понял — полюбил её навсегда. Любил, когда она смеялась надо мной, любил, когда она плакала по погибшим друзьям, любил, когда она сидела на троне, уставшая, но негибкая».

Она подарила мне сына и подарила мне смысл жить. И даже тогда, перед лицом настоящей опасности, она, единственная из нас, сохранила полное самообладание и спокойное мужество.

Мы с Равэоном вместе рванули к ней, когда поняли, что Кукольник вновь появился в нашем мире. Мы открыли портал одновременно, вышли в одно мгновение — и опоздали на доли секунды. Я протянул к ней руку. Равэон уже готовил заклинание. Но она уже горела. Её крик, её глаза, в которых не было страха — только боль и прощание, — они до сих пор со мной. Она успела только прошептать: «Люблю. Живите». И пламя сомкнулось. Она победила, а мы... мы опоздали.

Я не спас её. Мы не спасли её. Самые сильные маги Аранума стояли и смотрели, как горит наша Рика... наша Эрика. А потом мы просто смотрели друг на друга — я и Равэон, — и оба знали: мы не простим себе этого никогда. Столько лет прошло, а я всё ещё жду, что она выйдет из своих покоев для аудиенции, улыбнется нам и скажет «Дурак рыжий!».

Со временем я полюбил другую — Эрику Лесную, её верную подругу, которая стала моей женой. Но это иная любовь — тихая, спокойная, как утренний свет, что ложится на траву. Она не сжигает, а согревает. С ней я нашёл покой. Но то, что я чувствовал к Эрике-Королеве... то было пламя, которое не угасло до сих пор. И я никогда не забуду её, ту, что подарила мне сына, ту, что отдала жизнь за всех нас. Такова была мать моего сына, моя первая любовь, мой самый близкий друг — моя королева Эрика ».

Первый супруг. Лотион. Тот самый, который, по легенде, погиб на Кровавом балу — событии, о котором историки до сих пор спорят, потом внезапно воскрес. В учебнике об их отношениях написано мало. А здесь — исповедь. Слова о любви, о том, как он помнит её смешной и нежной, как она дразнилась по утрам. И — ещё страшнее — свидетельство: они

с Равеоном вместе вышли из портала и вместе опоздали на доли секунды. Не один, не поодиночке — вдвоём, самые близкие ей люди, и всё равно не успели. Эта фраза — «опоздали на доли секунды» — заставила меня содрогнуться. Оба были там. Оба видели, как она горит. Оба не смогли её спасти. И оба прожили с этим всю свою жизнь.

Письмо Равэона было болью вечного одиночества. Письмо Лотиона — болью общей утраты, той, что не смыть даже временем. Оно выбивало почву из-под ног не меньше. И почему-то дневник стало ещё тяжелее читать. Потому что они были вдвоём, они любили её, они защищали её — и всё равно опоздали.

— Он её любил, — тихо сказал Арээла. — Оба любили. Но по-настоящему. Через шесть тысяч лет это читается так же остро, как если бы они написали это вчера.

Я хотела согласиться — он был прав, и спорить здесь было не о чем. Но что-то внутри дёрнулось, может быть, защитная реакция на эту чужую, такую огромную боль, про которую мы только что прочли. А может быть, просто неловкость от того, что брат говорит о любви с такой уверенностью, будто сам в ней что-то понимает.

— А ты у нас специалист по любви? — огрызнулась я, но в голосе не было злости.

Третий лист был самым старым — пожелтевший по краям, с почти выцветшими чернилами, намертво прикрепленный к первой странице Дневника Эрики. Почерк был изящный, с аранумарскими завитушками, таким писали в старину, в ее времена.

«Моей Эрике.

Я не умею говорить красиво — ты знаешь. Но сейчас, когда ты спишь в соседней комнате, а я пишу эти строки при свете единственной свечи, я, наконец, решаюсь сказать то, о чём я молчу слишком долго.

Я полюбил тебя в тот самый миг, когда ты появилась в моей жизни. Ты была хрупкой, злой, перепачканной кровью, притворившейся безумной — и прекраснее любой из придворных красавиц.

На том проклятом Кровавом балу, я увидел женщину, которая, несмотря на пережитый кошмар, боль и кровь, смерть близких друзей и мужа, отказывалась падать духом. Ты стояла напротив Раво, юного, глупого, марионетки Кукольника, стиснув зубы, с горящими глазами — и в этом безмолвном вызове судьбе было столько жизни, столько несгибаемой воли, что я просто замер, поражённый до глубины души.

И с тех пор я не переставал любить тебя ни на один день. Я любил тебя, когда ты училась владеть кинжалом во имя мести. Я любил тебя, когда ты танцевала под дождём на крыше, чтобы стереть свою боль. Я любил тебя, когда ты плакала о тех, кого потеряла. Я любил тебя, когда ты меня ненавидела. Я любил тебя, когда ты сражалась вместе со мной. Я любил тебя, когда ты сидела на троне, усталая, но несгибаемая.

Моя любовь не требует ответа и не ищет света. Она — та самая тишина, что ложится у твоих ног тенью, готовая укрыть тебя от бури и чужих глаз. Она — немое обещание подставить плечо в тот миг, когда мир покажется тебе слишком тяжёлым, и ты почувствуешь, что падаешь от усталости. И она — это моё желание, которое живёт глубже всех слов: видеть тебя счастливой. Всегда. Даже если твоя улыбка будет обращена не ко мне. Даже если дорога, на которой ты найдёшь покой, приведёт тебя к другому.

И сегодня я хочу, чтобы ты знала: я люблю тебя и буду любить тебя вечно, сколько бы ни отмерил нам этот мир. Ты можешь никогда не прочитать это письмо. Можешь прочитать и посмеяться надо мной. Можешь положить в самый дальний ящик твоего письменного стола и забыть. Но одно останется неизменным: где бы ты ни была, часть меня всегда будет с тобой, моя любовь всегда будет с тобой.

Вэон».

У меня перехватило дыхание. Арээла, заглянувший через плечо, молчал — редкий случай, когда у него не нашлось ни одной колкости для меня.

— В официальных хрониках о нём почти ничего нет, — тихо сказала я, откладывая листок. — Просто «верный соратник Королевы», «главный советник». Ни слова о том, каким он был на самом деле. Ни слова о том, что он чувствовал.

Арээла хмыкнул, но без обычной колкости.

— Ты же знаешь, кто переписал все эти хроники? — спросил он, хотя, скорее, утверждал. — Церковь Великого Творца. После того как Эрика ушла... или сгорела, церковь постепенно захватила власть. Сначала — советники, потом — судьи, потом — сам трон стал её марионеткой. Медленно, столетие за столетием. Они назвали это «божественным порядком». И, чтобы укрепить свою власть, они переписали историю. Образ Эрики превратился в святую куклу, а её соратников или вычеркнули, или сделали безликими тенями. Всё, что не вписывалось в их догмы, объявлялось ересью и уничтожалось.

Я посмотрела на стопку старых тетрадей.

— И эти дневники сохранились только потому, что кто-то спрятал их в тайной библиотеке?

— Да. Церковь не знает о них. Или знает, но не может достать. Потому что даже у них есть пределы власти — пока что, — Арээла помрачнел. — Но с каждым годом они влияют на всё большее количество решений в королевстве. Налоги, законы, даже на то, кого венчать на трон. Отец — лишь формальный правитель. Реальная власть — у Верховного Понтифика и его Совета.

Я сжала пальцы на обложке дневника.

— Значит, они не просто лгут — они сознательно стёрли правду, чтобы мы не знали, кем была Эрика на самом деле.

— А может, чтобы мы не знали, кто такой Кукольник, — добавил Арээла. — И, чтобы мы не знали, что жертва Эрики была реальной, а не «уходом за Грань».

Мы оба замолчали. В тайной библиотеке отца, где пахло воском и старым пергаментом, вдруг стало очень тихо. Только портрет Эрики смотрел на нас сверху — живой, насмешливый, словно знал какой-то секрет, которого мы ещё не поняли.

— Ещё одна ложь, которую мы привыкли считать правдой, — наконец сказал Арээла.

А потом я нашла короткую заметку, написанную её рукой — размашисто, торопливо, словно на бегу, с чернильными кляксами, которые за шесть тысяч лет не выцвели:

«Мои имена: Аля, Лейя, Эрика. Мои привычки: вести дневник, потому что у меня бывают провалы в памяти на самом интересном месте. И я буду вести этот Дневник: чтобы не потерять нить, чтобы помнить обо всём и обо всех, чтобы выжить в вихре, что зовётся судьбой».

Провалы в памяти? О чём она? И что за странные имена — Аля, Лейя? Ни одно из них не встречается в хрониках.

Арээла, который всё это время стоял за моим плечом, присвистнул.

— Знаешь, сестра, — сказал он, — возможно, отец не так уж глуп. Может, тебе действительно стоит это прочитать. Шесть тысяч лет никто не знал правды. А ты можешь узнать. Да и я с тобой тоже.

— Ты на чьей стороне? — спросила я.

— На твоей, — он пожал плечами. — Всегда. Даже когда ты ведёшь себя как идиотка. А сейчас — особенно. Потому что, если эти дневники раскроют, кем была наша прародительница на самом деле... это может изменить всё.

Я закатила глаза, но внутри что-то шевельнулось.

Эрика была не святой. Она была живой. Упрямой, влюблённой, ошибающейся — и при этом нестигаемой. Как я. Как, возможно, и Арээла, который прятал доброту за маской циника.

— Ладно, — я перелистнула страницу. — Посмотрим, как ты выкручивалась, прабабушка.

И я начала читать.

Глава 1 "Доконай меня окончательно и выиграй мобильник!"

ГЛАВА 1. «Доконай меня окончательно и выиграй мобильник!»

Слово не воробей!

Вyleтит неосторожное —

вернётся трёхэтажное!

(народная мудрость)

Господи... Дорогой боженька... ну как же голова-то болела! Не болела — она ревела, пульсировала, словно внутри черепа устроили оркестр из кузнецов с молотами, и каждый кузнец бил в свой момент, без такта и ритма. Откуда были эти вопли? Драную кошку асфальтовым катком раскатывали? А рядом ещё и бритвой по стеклу водили — раз за разом, с наслаждением садиста. Точно происходил какой-то конкурс: «Доконай меня окончательно и выиграй мобильник!» Мля...

Я очнулась — вернее, я попыталась вынырнуть из забытья, как утопающий, который уже наглогался воды и вдруг понял, что дышать больше нечем, — и снова рухнула в спасительную тьму. Она была мягкая, тёплая, словно пуховое одеяло, в которое заворачивают после долгой болезни. Я провалилась в неё с облегчением, потому что в той, другой реальности — где были звуки, боль и этот проклятый визг — ничего хорошего меня явно не ждало.

Второе пробуждение прошло легче. Не так резко, без ощущения, что череп вот-вот треснет по швам. Но визг не унимался. Он накатывал волнами — то приближаясь, то затихая, словно кто-то играл на нервах, как на струнах расстроенной гитары. «Круговорот похмелья в природе»: пьянка — головняк — сушняк — это я знала по рассказам подруг, сама никогда не доходила до кондиции «лежачий овощ». Тело ныло. Ныло везде: в мышцах, в суставах, даже в тех местах, о существовании которых я раньше не подозревала. Горло пересохло так, что язык казался наждачной бумагой. И эта жажда мучала меня — невыносимая, животная, заставляющая облизывать пересохшие губы в надежде набрать хоть каплю влаги.

А визг-то откуда? Я лежала с закрытыми глазами, перебирая в памяти все известные мне звуки, способные вызвать такую реакцию. Бензопила? Нет, слишком высоко. Крики чаек? Какие чайки зимой? И потом, этот звук был механическим и живым одновременно. Когда-то, ещё в прошлой, нормальной жизни, я случайно стала свидетелем, как на парковке у гипермаркета две женщины не поделили место. Их визг был такой, что у меня заложило уши на час. После этого я поклялась: меня ничем не проймёт. Оказалось, проймёт.

Я лежала в полутьме, пытаюсь собрать мысли. Но они ускользали, как песок сквозь пальцы — только соберёшь в горсть, а они уже просочились, оставив лишь ощущение пустоты и тревоги.

И, тем не менее, пора было определить свою ориентацию — в пространстве, разумеется, без всяких подтекстов. Где же это я оказалась и откуда такая дикая боль в голове? Я, конечно, любила выпить — особенно в Новый год, когда мир по традиции искрится шампанским и фейерверками. Но, во-первых, этот праздник я всегда встречала только в семейном кругу: за праздничным столом, с ароматом мандаринов и старыми комедиями, под которые мы дружно смеялись до слёз. А во-вторых, дома я никогда не теряла контроль над собой. В кругу родных я была тише воды, ниже травы, и даже бокал с шампанским держала с таким видом, будто это была святая вода. Это раз.

А два. В глазах больше не двоилось, боль постепенно утихала, превращаясь в терпимую пульсацию — как после удара, но без тошноты. Значит, пора было реконструировать предшествующие события: шаг за шагом, как в полицейском отчете, без лишних фантазий.

Я медленно, словно боясь потревожить воспоминания, принялась перебирать в голове последние часы перед «провалом памяти». Я ехала в автобусе. Я ехала к закадычной подруге с подарками. Новый год на носу, а там соберутся все наши «присердечные и закадычные» — компания, где воспоминания теплее вина, а смех не смолкает до утра. Я везла всем подарки — шоколадки в виде ёлочек, ароматические свечи с запахом корицы, плед с оленями (подруга фанатеет от этих рогатых). И я ехала по автомобильной развязке в общественном автобусе — стареньком, скрипящем на поворотах, с запахом мокрых сидений из кожаных и выхлопа бензина. Место мое было у окна, а рядом сидела какая-то тётка с сумкой, которая то и дело задевала меня локтем.

Сначала была лишь вспышка — ослепительная, как удар молнии прямо перед глазами. А затем сознание провалилось в глухую темноту, и только пульсирующая боль осталась единственным доказательством того, что я ещё жива. А когда темнота начала понемногу рассеиваться, боль вернулась, но уже иной — глубокой, ноющей, словно кто-то терпеливо и безжалостно перемешивал осколки моих мыслей.

Значит, дело не в похмелье. Авария — вот что со мной случилось. И, судя по всему, сильное сотрясение. А за ним, как я знала из книг и фильмов, часто приходят галлюцинации. Бред больного воображения. Скоро я очнусь в больничной палате, под капельницей, а надо мной будет склоняться улыбающийся врач и приговаривать: «Ну что, голубушка, легко отделались!».

Я открыла глаза и огляделась повнимательнее. Свет падал на меня откуда-то сбоку — не искусственный, не электрический, а живой, мерцающий, словно от костра. Он метался вокруг, выхватывая из мрака рваные очертания обломков и отбрасывая на них причудливые, живые блики. Наверное, спасатели уже работали. У них всегда были прожекторы. И меня скоро должны были спасти.

Я собрала остатки моих сил — их было примерно, как у дохлой мухи в янтаре, — и поползла на свет. На локтях и коленях, сквозь грязь и мелкие обломки, что царапали кожу, как когти разозлённого кота. Под ладонями хлюпала какая-то жижа — то ли растаявший снег, то ли технические жидкости из разбитых машин. Воняло горелым пластиком и чем-то сладковато-приторным, от чего к горлу подступала тошнота.

Я ползла медленно, но упорно, словно черепаха, которой пообещали вечность. В голове пульсировала одна мысль: только бы не отключиться снова, только бы добраться. Вокруг было темно, но чем ближе я подбиралась к источнику света, тем ярче он становился. А потом щель расширилась, и я, собрав последние силы, протиснулась сквозь неё — и вывалилась наружу, в прямую навстречу ветру и небу.

Я с трудом поднялась на ноги, пошатываясь, и попыталась осмотреться. И мир вокруг перевернулся. Нет, не так. Мир встал на уши и принялся отбивать чечётку.

Вместо асфальта и бетона — горы. Настоящие, зубчатые, с белыми шапками снега на вершинах, которые уходили куда-то ввысь, теряясь в облаках. Внизу, у подножия, темнел хвойный лес — густой, непроходимый, какими рисуют в иллюстрациях к сказкам братьев Гримм. И ни одного здания. Ни одного фонарного столба. Ни одного следа цивилизации.

Небо — не вечернее, серое, дымное от городского смога, а утреннее, бледно-розовое, с первыми лучами солнца, которые золотили вершины, делая их похожими на гигантские пирамиды из янтара. И внезапная тишина. Такая тишина, какой не бывает в городе. Она оглушала. В ней слышно было, как ветер перебирает хвою, как где-то далеко журчит вода. А потом, откуда-то из-за скал, из чащи, раздался этот звук, который я сначала приняла за механический, он вдруг оказался живым. Визг. Противный, режущий, настойчивый. Он приближался.

— Галлюцинации, — сказала я себе вслух, чтобы убедиться, что голос ещё работает. — Чистой воды бред. Сотрясение — страшная штука. Бывало, что люди месяцами видели зайчиков и слышали голоса.

Я попыталась встать. Получилось с трудом — ноги дрожали, колени подкашивались, но я устояла. Я подняла голову и осмотрелась. Вокруг — ни души. Только скалы, лес, небо и я. И этот визг, который становился всё громче, приближался.

— Это просто глюк, — мысленно уговаривала я себя. — Сейчас из-за кустов выпрыгнет розовый зайчик и начнёт танцевать ламбаду. Или нарисуетя гном с посохом. Главное — не паниковать.

Визг повторился — совсем близко, буквально в нескольких метрах.

Я замерла. Сердце колотилось где-то в горле, пульс отдавался в висках барабанной дробью. Я медленно повернулась на звук.

Из-за скал, обходя огромный валун, у которого рос чахлый куст, показалось нечто. И я, даже при всём своём скептицизме, не смогла назвать это розовым зайчиком. Потому что это была тварь. Самая мерзейшая тварь из всех, что я когда-либо видела в этой жизни — или, по крайней мере, в своих самых жутких снах.

Кожа её была серая, морщинистая, словно у столетнего слона, но при этом покрытая язвами и струпьями, будто обожжённая кислотой. Глаза — красные, без зрачков, полные голода и безумия. Морда — вытянутая, как у гигантской крысы, но с клыками, как у волка. Острые зубы, грязно-жёлтые, с налётом чего-то зелёного, похожего на патину от древней бронзы.

А рот — он был раззявлен в вопле, который и был тем самым визгом: пронзительным, раздражающим душу, словно нож двигали по стеклу. Только теперь визг был живой, осязаемо тёплый, он исходил из этой пасти, от которой пахло гнилью и смертью.

— Вот это глюк, — прошептала я, чувствуя, как мои волосы зашевелились даже на затылке. — Такого даже в страшном сне не привидится.

Тварь шагнула вперёд. Я шагнула назад — и наступила на что-то острое. Подошва сапога скользнула по грязи, и я поняла, что, если я сейчас упаду, то всё. Больше не встану.

— Стоять! — рывкнула я. — Не подходи! Я серьёзно! У меня... у меня есть оружие!

В руке оказалась склянка. Та самая, которую я нащупала ещё в завале. Стеклянная, с пробкой, залитой воском. Внутри плескалась мутная жидкость, от которой воняло так, что глаза слезились даже сквозь заложенный нос. Нашатырь? Возможно. А может, и нет. Но выбора не было.

— Гадина, блин, мерзопакость облезлая! — вырвалось у меня. — Не подходи!

Я сжала склянку крепче, размахнулась и, когда тварь сделала ещё один шаг, швырнула ей пузырёк прямо в пасть:

— Сдохни, сука страшная!

Стекло разбилось о клыки с хрустом, неприятным, словно ломались кости. Жидкость разлетелась вокруг брызгами. И тварь — взорвалась. Буквально. Разорвалась на куски во вспышке зелёного пламени, яркого, как фейерверк на Новый год. Чёрная, вязкая слизь брызнула в стороны, зашипела на земле, как кислота, оставляя после себя дымящиеся лужи.

Вонь ударила в ноздри с новой силой — смертью, гнилью, палёной плотью, словно сотня столетних мертвяков вырвалась из преисподней и решила устроить пикник прямо у меня под носом.

— Ух ты... — выдохнула я, прижимая ладонь к лицу, чтобы не дышать этим ужасом. — Даже в галлюцинациях я героиня.

Я медленно отошла в сторону и постояла немного, отдышалась под порывом свежего ветра. Ноги всё ещё дрожали, но теперь уже не от страха, а от адреналина. И тут я услышала шаги — быстрые, уверенные, топочущие по камням.

Из-за скал появились *двое парней*. Куртки с рунами, мечи на поясах, луки на спине. Настоящие средневековые воины — или бред моего больного мозга.

Они закричали что-то мне — резко, гортанно, и я не поняла ни слова. Чужой язык. Какой-то незнакомый набор звуков, гортанных и шипящих, похожий на смесь немецкого с арабским, но, ни тем, ни другим, ни даже эльфийским из «Властелина колец» это не было.

— Ладно, ребята, — сказала я, чувствуя, как мир снова начинает плыть, а ноги — подкашиваться. — Вы — мои глюки, и «моя твоя не понимай». Дайте просто проснуться.

Они затараторили быстрее, замахали руками. Один, тот, что повыше, в куртке с серебряной вышивкой, показывал на дымящиеся останки твари, потом на меня. В его голосе, как мне показалось, прозвучало удивление — или страх. Какая разница? Это же сон. Галлюцинация. Вот сейчас я закрою глаза, открою — и окажусь в больничной палате с капельницей.

Я закрыла глаза. Открыла. Ничего не изменилось. Воины стояли на том же месте, воздух вонял гарью, а небо было всё тем же бледно-розовым, чужим, незнакомым.

— Какой реалистичный сон, — пробормотала я. — Интересно, что мне в больнице вкололи?

Второй воин, помоложе, с длинными светлыми волосами, собранными в хвост, подошёл ближе. Он осторожно протянул руку, коснулся моего плеча — вежливо, даже заботливо, словно боялся напугать. И я почувствовала тепло его пальцев сквозь ткань моей толстовки. Настоящее тепло. Живое.

— Это сон не может быть таким... реальным, — прошептала я.

Он что-то сказал, но я снова не поняла. Только уловила в его голосе сочувствие. Или жалость.

А потом ноги мои окончательно подкосились. Мир накренился, и я уже готовилась встретиться лицом с землёй, но вместо этого почувствовала, как сильные руки подхватили меня — под спину и под колени, одним плавным движением. Меня подняли на руки. Этот светловолосый воин — тот, что был помоложе, — держал меня так легко, будто я весила не больше пуховой подушки. Я ждала, что он сейчас охнет или хотя бы выдохнет от напряжения: мышцы под его курткой заметно напряглись. Но он даже не подал виду.

— Ты чего творишь? — возмутилась я, хотя сил на настоящее возмущение уже не оставалось. — Поставь меня! Я сама... сама пойду...

Он не понял. Конечно, не понял. И не поставил. Только перехватил поудобнее, прижимая меня к груди. Сквозь куртку воина я чувствовала тепло — живое, настоящее, не «глючное». И запах — лесной, хвойный, с примесью чего-то металлического, то ли от оружия, то ли от застёжек одежды.

— М-да, — выдохнула я, обречённо откидывая голову ему на плечо. — Хорошо хоть не воняешь, как тот монстр.

Он что-то ответил — коротко, ворчливо, но я даже не пыталась разобрать. Мне было уже всё равно. Этот сон затягивался, но хотя бы в нём меня несли на руках, как принцессу из дешёвого романа.

— Ладно, — пробормотала я, закрывая глаза. — Неси. Только не урони.

Второй воин пошёл впереди. Он что-то резко сказал светловолосому, тот кивнул. Они обменялись быстрыми фразами — гортанными, чужими, похожими на шорох камней. Я не понимала ни слова, но в их интонациях угадывалась поспешность. Они куда-то торопились. Спасатели? Скорая? А может, санитары из психушки, которые везли меня в палату с мягкими стенами.

— Главное, чтобы, когда я проснусь, ёлка стояла и шампанское было, — прошептала я, чувствуя, как сознание снова уплывает. — И чтобы подруга не съела все шоколадки без меня.

Они что-то говорили надо мной — быстро, взволнованно, на своём чужом языке. А я смотрела в небо — бледно-розовое, чужое, неправильное, — и думала: «Какой всё-таки странный сон... И почему я до сих пор не проснулась?»

Но вопрос так и остался без ответа. Веки тяжелели, голоса таяли, превращаясь в неразборчивый гул, а розоватое небо расплывалось в серой пелене. Я перестала бороться. И тогда темнота сомкнулась надо мной, тёплая и мягкая, убаюкивающая в такт шагам незнакомца, который нёс меня неизвестно зачем и неизвестно куда.

Глава 2 "Ни одно доброе дело не останется безнаказанным..."

Глава 2. «Ни одно доброе дело не останется безнаказанным...»

В жизни всегда есть вакантное место подвигу!

...Надо только быть подальше от этого места.

(Народная мудрость)

И создал Бог женщину....

Существо получилось злобное, но забавное!

(Факт)

По странному, мерному покачиванию мне казалось, что я лежала в какой-то гигантской колыбели, укачиваемой ветром. Я медленно открыла глаза, пытаюсь разогнать остатки тумана в голове. Боль в затылке утихла до тупой пульсации, а мир, вместо того чтобы плыть, как в кошмаре, обрёл контуры.

Передо мной маячили спины двух мужчин — или, судя по широким плечам и уверенной осанке, воинов — в странных одеждах, что казались вышедшими из забытых эпох. Нет, определённо не приснится же такое.

Блин, один — «брюнетик» с тёмной косой, другой — «блондинчик» с золотистыми локонами. Жаль, видела я вас только со спины, без лица — без этой драматической харизмы.

— Что за ерунду я сейчас думаю? — промелькнула в голове шальная мысль, и я сама удивилась своей иронии: в такой момент мозг рисует фантастические картины, вместо того чтобы паниковать.

Я потихоньку осмотрелась вокруг, не шевелясь, чтобы не привлечь внимания, — осторожно окинув взглядом эту новую «действительность», словно разведчик во вражеском лагере. Лежала я на чём-то мягком, но колющем, что периодически «вздрагивало» от толчков и скрипело подо мной. Чуть скосив глаза в сторону, я увидела деревянный бортик — грубо сколоченный, с щелями, через которые просачивался холодный воздух, — и пучок соломы у моего плеча, жёлтый и пахнувший пылью и сеном. Я осторожно пошевелила пальцами — и нащупала ту же солому возле руки, сухую и колючую.

Осмотрев себя насколько это было возможно, я, наконец, сообразила, что еду в телеге, лежу на соломе, разложенной по повозке, что тащат эту повозку лошади. И почему-то я не мерзла... Хотя вокруг зима — снег искрится на полях, мороз щиплет щёки, а дыхание вырывается паром. Мои вещи на мне, очки на месте, сумка не пропала. Интересный сон... Хотя какой-то он странный, слишком детализированный — от запаха лошадиного пота до скрипа колёс по ухабам. Видимо, сильно я головой приложилась после аварии и мозг, спасаясь от реальности, плетёт эту паутину из воспоминаний о книгах и фильмах.

Но мой «сон» так и не желал пропадать — напротив, он упрямо крепчал, обретая краски и звуки. Одежда у «мужчин» явно была «средневеково-феодалская»: куртки, усыпанные металлическими заклёпками. Только куртки... какие-то необычные, гладкие, переливающиеся на свету, с лёгким свечением, словно пропитанные какой-то потусторонней силой.

Нет, не было таких тканей в Средневековье у простого сословия, это я точно помню из уроков истории и бесконечных сериалов: крестьяне ходили в грубой шерсти, а это — как у дворян из книг про фэнтези-миры. Стоп, вот я начала рассматривать их оружие: лук через плечо, колчан со стрелами, и было слышно металлическое дребезжание. А значит, вы, мужчины, далеко не «простое сословие» — воины, стражи или рыцари из баллады. Бредятина... Какой-то сон слишком реальный получился: лошади фыркали, телега скрипела, ветер нёс запах

хвои. А мне, что, Новый год вообще привиделся? Или вся моя жизнь до аварии — иллюзия? Бред!

И что тогда происходит? В голове закружились сценарии, как в детективе: два предположения, логичные на первый взгляд, но оба абсурдные, как сюжет плохого фантастического фильма.

Первое: я поехала отдыхать в пригород, есть шашлык в честь Нового года — лес, снег, мангал, — меня ушибло шишкой, неожиданно сорвавшейся с ветки или самой веткой (гравитация шутит жестоко). И спасли несчастную девушку, заблудившуюся в лесу и ушибленную шишкой или веткой, «ролевики» — энтузиасты, что разыгрывают средневековые с полной отдачей: от ткани до оружия. Шикарно, конечно, — романтика, костры, песни под луной, — но не реально, хоть и весело. Такое предположение вызвало у меня лёгкую улыбку — губы сами растянулись, несмотря на абсурд.

Впрочем, «мужчины» впереди, словно почуяв мою внутреннюю усмешку, вдруг стали о чём-то переговариваться — голоса низкие, ритмичные, с ноткой настороженности, что пробирала до мурашек. Я затаила дыхание: незнакомая речь, или это акцент такой сильный? Слова текли, как река — мелодичном, с гортанными переливами и шипящими согласными. Язык казался... живым, пульсирующим, словно созданным отдельно, а не простой имитацией для шоу. Сердце заколотилось сильнее: если это сон, то почему он не рассеялся? А если нет... Тогда что ждало меня впереди — пробуждение или новая реальность?

Под мерное покачивание телеги, под скрип колёс по ухабам, фыркание лошадей, холодный ветер, что нёс запах хвои и дыма от далёкого костра, в мои развесёлые галлюцинации постепенно стали возвращаться воспоминания о произошедшем со мною ранее. Не полностью — обрывками, словно кусочки странной головоломки, что появлялись и исчезали вновь и вновь, перетекая в калейдоскоп образов, перемешиваясь с окружавшей меня необычной действительностью: вот момент аварии — визг металла, падение, — а вот я ползла из-под обломков, швырнула склянку в серую тварь, и зелёное пламя вспыхнуло, как в кошмарном сне.

Почему я «взорвала» какую-то мерзкую язвенную тварь с волчьими клыками? И деревья вокруг... Эти ели какие-то странные, слишком ветвистые, с густой хвоей, что цеплялась за края телеги, словно живые пальцы. Красиво, практически рождественские ели — серебристые от снега, величественные, как в сказке, — но не помню я у нас таких елей: наши были скромнее, без этой эпической мощи. Я крепко зажмурилась на мгновение, с силой, надеясь, что это всего лишь сон — яркий, но рассеивающийся при первом усилии воли.

— Проснись, идиотка! — мысленно приказала я себе, считая до десяти. Но, открыв глаза, я опять увидела перед собой всё тот же лес — бесконечный, древний, с тенями, что плясали между стволами, — и спины странных мужчин в их «куртках», что теперь казались не бутафорией, а настоящей бронёй.

В общем, как говорил главный герой моего любимого фильма «Васаби», — тот крутой француз с молниеносной реакцией, — «Соображаю я, конечно, быстро, но дайте мне подумать!». Времени на размышления было мало, но меня пока не убили — значит, я была нужна им живой, что радовало... Пока радовало. Итак, вопрос номер один — первостепенный, жгучий, как открытый нерв: «Где я, чёрт вас всех дерь?».

Упс, кажется, я это произнесла вслух — слова вырвались хриплым шёпотом, эхом отразившись от бортиков телеги. «Мужчины» резко обернулись — движение было синхронное, как у тренированных стражей, — и я застыла в немом восхищении, дыхание буквально перехватило. Боже мой, Голливуд завидовал молча! Вот это были красавцы — черты их лиц были так прекрасны, словно были вылеплены умелым скульптором эпохи Возрождения: высокие скулы, орлиные носы, чувственные губы, глаза цвета грозового неба у одного и лесной зелени — у второго. Да они же просто божественны! Широкие плечи и мускулистые торсы, обтяну-

тые туниками, лишь подчёркивали их потрясающую мужественность — было бы написано в каком-нибудь женском романе.

Наверное, я уже в раю, и сие есть «ангелы небесные», хотя меня с моим «преlestным характером» — упрямым, язвительным, с долей цинизма — заждались в аду и уже давно, с вилами и котлом. Но какие у меня тогда миленькие черти в сопровождении... Я радостно улыбнулась моим «спасителям» — лукаво, как школьница, пойманная на шалости, — пытаюсь разрядить напряжение, но внутри всё сжалось от смеси страха и восторга.

А «блондинчик», тем временем, — тот, с золотистыми волосами, что сияли в лучах пробивающегося солнца, — наклонился, вглядываясь в меня с лёгким прищуром. В его глазах цвета лесной зелени промелькнуло что-то — забота? подозрение? — а затем он провёл рукой перед моим лицом: жест быстрый, уверенный, с лёгким сиянием на пальцах. Мир закружился в вихре света — мягком, гипнотическом, — и тьма накрыла меня снова, как занавес на сцене.

— Эх, разбудите меня утром! И веселые же у меня галлюцинации начались! — промелькнула запоздалая мысль. — Яркие, как фейерверк. Всё, столько пить я завязываю! Навсегда! Ну, или хотя бы до следующего Нового года!

Повторно очнувшись я уже в каком-то доме — скромном, но уютном, — в комнате с низким потолком, на широкой кровати с периной, что пахла свежевystираным льняным бельём и травами. И — о чудо! — я была всё ещё в одежде: толстовка мягкая, но на мне, джинсы, сапоги, сумка в ногах. А это значит, маньяков на горизонте нет, и, видимо, я всё-таки совершила тот полёт «в светлое будущее на верной маршрутке» — авария, обломки, и вот я здесь.

Ведь скорее всего далеко меня от автобуса выбросило — ветер, инерция, снег... Ушла, перепугавшись, далеко, упала в обморок в сугроб, а потом спасатели меня нашли, согрели. Мысль казалась логичной, но на больничную палату эта комната была не похожа.

Я потянулась, разминая затёкшие мышцы: тело ныло, как после марафона, но кости по ощущениям были целы, а голова ясная, без той пульсирующей боли, что я чувствовала раньше.

— Значит, так, — думала я. — Чтобы убедиться в реальности: мне был необходим бра-вый подъём с кровати. Затем следовало отмыть эту липкую грязь с лица и рук, чтобы почувствовать себя человеком. А потом неплохо бы мне было поспать, желательно уже без толстовки, в чём-то лёгком, под тёплым одеялом, чтобы стряхнуть этот кошмар.

Я резко вскочила с кровати на ноги — движение вышло слишком импульсивным, — и каблуки сапог глухо стукнули о деревянный пол, эхом отозвавшись в тишине комнаты. Пол был неровный, потемневший от времени, с ковриками у стен — не больничный пол. В углу стоял умывальник — медный, с кувшином воды, — значит, находилась я всё-таки в каком-то подобии гостиницы. Ну, спасибо и на том.

Только вот почему я до сих пор в толстовке? Она тяжёлая, пропитанная влагой, и ткань липнет к коже, как напоминание о пещере, твари и падении в руки «блондинчика».

Но тут мои радужные размышления были грубо прерваны. Дверь скрипнула, впуская сквозняк с запахом дыма и мокрой земли, и вошли мои «ролевики» — те самые, с лошадьми, телегой и мечами, теперь без курток, но в тех же туниках, что странно переливались в свете масляной лампы. Брюнетик и блондинчик замерли на пороге, переглянувшись, и один — блондин — шагнул ближе, протягивая ко мне руку с какой-то тряпицей.

Мой разум в очередной раз «помахал мне ручкой, до встречи!»: мир качнулся, тьма накрыла с головой, и я осела на пол, как подкошенная. Вообще, если честно, с такой резвой периодичностью я в обмороки в жизни ни разу не падала — ни от жары, ни от вида крови. Это уже не галлюцинации, а что-то системное: стресс, сотрясение? Или я, правда, сейчас в средневековье?!

Очнувшись я уже в другом «бреду» — причём с явно зловещим, полумистическим уклоном, где романтика с красавчиками-воинами уступала место ужасу. Я лежала в тонкой белой сорочке с кружевными оборками — прохладной, почти прозрачной, как саван, — на каком-

то каменном столе, холодном и твёрдом, что впивался острыми камнями в спину через ткань. Воздух был пропитан сыростью и ладаном, а тело моё зябло от сквозняка.

Как я сюда попала? Последнее, что я помнила, — те воины в дверях, а потом провал. Должно быть, меня снова похитили, пока я была без сознания. Похоже, мои «спасители» оказались не такими уж спасителями... Или это сделали другие. Я смутно припоминала чьи-то грубые руки, волокшие меня куда-то в темноту, и вонючую тряпку, прижатую к моему рту. А когда я очнулась — вот она, реальность. И ещё: мою одежду сняли. Значит, меня переодевали. Мерзость какая.

Повернув голову в сторону, я увидела справа от себя изображение какого-то демонического создания — фреску на стене: рогатое, с пламенем в глазах, высеченное в сером камне, словно страж из средневекового ада. Бросив взгляд в противоположную сторону, я буквально застыла на месте от дикого ужаса, сердце ухнуло в пропасть: какой-то бородатый мужик в синем балахоне — жрец? — стоял у алтаря, бормоча заклинания. Рядом с ним находилась странная девка в белом одеянии, с лицом, бледным, как воск, и глазами, горящими фанатизмом. А позади, как мне показалось, толпился народ — некие тени фигур в капюшонах, — которые что-то молитвенно завывали, голоса их эхом отдаваясь в сводах здания.

Шёл дождь — капли стучали по крыше, просачиваясь сквозь щели, — вокруг меня витал дым странный, густой, с примесью трав и серы, холод собачий пробирал до костей.

— Э-э-э, так я простыну тут, народ, скоро... Пустите птичку на волю! Жуткий кошмар... Почему я не просыпаюсь? Это уже не сон — ритуал какой-то, жертвоприношение? — в моей голове вихрем пронеслись клише из ужастиков: секта, древний обряд, и я — главная звезда на алтаре.

Я завозилась на столе, пытаюсь встать на ноги — тело инстинктивно рванулось к свободе, — но что-то мешало: запястья и щиколотки охватывало нечто ледяное, металлическое — браслеты? Цепи из серебра или железа, холодные, как могильный камень, впивались в кожу, почти не давая пошевелиться. Сердце отчаянно заколотилось, отдаваясь в ушах громом, и на меня накатила волна безумного, полумистического страха — того, что парализует, как тень смерти.

Я попыталась закричать — зов о помощи, что разорвал бы этот кошмар, — но горло словно сдавило невидимой рукой: из него вырвался лишь тихий, полный ужаса хрип, вибрирующий в груди, как предсмертный стон.

— Чёрт! Чёрт! Чёрт! Мамочки! — сердце лихорадочно застучало, адреналин хлестнул по венам, я рванулась сильнее, дёргая цепями, чувствуя, как металл царапает кожу, но девка — эта белая тень — с неожиданной силой уложила меня обратно, прижав ладонью к груди. Её прикосновение было холодным, как лёд, а глаза — пустыми, без жалости, глаза безумной фанатички. Мир сузился до этой клетки: я в ловушке, и выхода нет.

— Проснись, Аля... Проснись!

И на этом самом замечательном моменте — кульминации всего этого абсурдного фарса — я, наконец, заметила, что бородатый мужик с впечатляющим ножичком своей хилой, но уверенной рукой простёр его над моей головой, надо мной — многострадальной жертвой ритуального произвола. Лезвие сверкало в полумраке, отражая блики от свечей, — ритуальный кинжал, украшенный рунами, что казались выжженными на металле. Он что-то вещал нараспев, глаза мужичка закатились в фанатичном экстазе, а та девка рядом делала отменно почувствованное лицо — бледное, сосредоточенное, как у монашки, погружившейся в молитву, — и выла что-то такое молитвенное, мелодичное, но от того становилось ещё жутче.

— Ага, «фанатичка погрузилась в молитву — вернётся через полчаса». Сектанты, блин, чёрт, зараза! Вот попала, так попала! — в моей голове вихрем пронеслись все те идиотские фильмы ужасов: тайные общества, древние культы, и я — в главной роли на алтаре. — Почему именно я? За что этот бред?!

Страх смерти — тот холодный, липкий ужас, что сковывает тело, — неожиданно притушился, уступив место безрассудной смелости, той самой, что рождается на грани отчаяния. И я, конечно, как любой нормальный русский человек в подобной ситуации, привычным «русским матерным» — тем самым красноречивым, размашистым потоком, что вырывается из глубин души в моменты экстрима, — выразила всё своё отношение к происходящему событию: к свидетелям этого цирка — тем теням в капюшонах, что бормотали в унисон, а особенно к главным действующим лицам: мужику с ножом и девке — с упором на их сомнительное происхождение, запутанные взаимоотношения, мужские способности одного и плесень на одном месте у той особы женского пола. Слова летели, как пули из автомата: хриплые, яростные, эхом отскакивающие от каменных сводов. Это был мой протест — крик души, что разорвал тишину ритуала, — и на миг мне показалось, что даже эти фанатики дрогнули, услышав эту чужеродную, грубую речь.

И на этом самом проникновенном моменте моего монолога — когда я добиралась до кульминации, обещая всем «вселенскую кару» в виде северного пушистого зверька за их безумие, — мужик вдруг исказил лицо в «типа страшном» оскале: брови сдвинулись, губы искривились в гримасе ярости, и он замахнулся ножом, поднимая его высоко, как в театральной драме. Лезвие свистнуло в воздухе, а девка в этот миг — как по команде — заорала пронзительно, раздирая воздух таким воплем, что вздрогнули даже камни.

Я инстинктивно рванулась в сторону — тело дёрнулось, мышцы напряглись до боли, — но кандалы были закреплены слишком прочно: тяжёлые браслеты впивались в запястья и щиколотки, цепи звенели, не давая даже отползти назад, спастись от удара.

— Где вы, мои спасители? Те «ролевики» с лошадьми? Или это сон, и нож — всего лишь тень? — я снова попыталась закричать — зов о помощи, что эхом разнёсся бы по залам, — но горло снова сдавило: из него вырвался лишь жалкий хрип, полный паники и отчаяния. — Ма-моч-ки...

Сердце колотилось, как барабан войны, в ушах стучала кровь.

— Карала! — почти понятно завопили эти два «сектанта» хором, их голоса слились в унисон, вибрируя по стенам.

«Зрительный зал» — толпа в капюшонах, простые люди с лицами, искажёнными суевением, — повторил за ними, наращая громкость:

— КАРАЛА!

Слово эхом прокатилось по залу — «карала» — как приговор, что повис в воздухе, густом от дыма ладана и страха. Но на место страха пришла безумная ярость — горячая, ослепляющая, как вспышка молнии: она хлестнула по венам, заставив забыть о боли в руках.

— Ага, конечно, карала! Всех я карала — и ещё покараю за этот беспредел, творящийся в тенях! Только вот кандалы немного мешают: эти чёртовы цепи, холодные и неумолимые, приковали меня к столу, как жертву в древнем мифе. Вот выберусь — и придёт вам «вселенская северная пушистая карала», карать за каждый миг этого кошмара, — я дёрнулась снова, зубы скрипнули, мой взгляд впился в лицо жреца — мой вызов, чистый и яростный.

И тут, словно в ответ на мои безмолвные молитвы — или на ту бурю в душе, что разрывала её в клочья — ворвались они: КАРАТЕЛИ! В стиле «А теперь, внимание — сюрприз: к вам пришла ваша геройская смерть! Всем привет!»

Двери — или те щели в каменной стене, что служили входом, — распахнулись с грохотом, впуская хаос: вспышки света от факелов, топот сапог, крики, что перекрыли заывание жрецов. Мои «ролевики» — брюнетик и блондинчик, были теперь в полном боевом облачении, с мечами в руках и доспехами, что звенели металлом, они буквально вломились в зал. Дальше всё происходящее напоминало мне фэнтезийный фильм — хаотичный, эпичный, с замедленной съёмкой в голове: сектанты — или жрецы культа — ринулись в драку, размахивая импровизированным оружием; крестьяне из «зрительного зала» разбежались в панике, как

стадо; средневековые рыцари — мои спасители — рубились с грацией, выкованной веками; а я...

Я — жертвенная дева, закованная, но живая, лежала на каменном столе посреди этого вихря теней и стали. Клинки скрещивались, искры летели, кровь — надеюсь, не моя — брызнула на камень. И в этом безумии я, наконец, поняла: это не сон. Это реальность — дикая, чужая, но в настоящий момент моя!

Мой разрыв между осознанием и действием длился не больше секунды — а может, вечность, — но за это короткое «кино в голове» мир вокруг успел переписать сценарий заново. И первый кадр этого нового, кровавого блокбастера выглядел так.

Кадр первый — геройский, где реальность сливалась с кошмаром, а воздух пропитался запахом крови и ладана. Как раз в тот миг, когда нож жреца завис над моей грудью, словно приговор, — на торжественный помост справа от этих полоумных клириков-сектантов буквально влетел «блондинчик в образе». То есть: мускулистый, полуголый до пояса воин — этакий местный Конан-варвар после обесцвечивания волос, но с внешностью, что затмит любого голливудского атлета. Длинные белые пряди развевались на ветру, как знамёна бури, кошачьи зеленые глаза пылали демоническим огнём, а на руках были когти, острые, как серпы луны, что удлинялись в полёте. Он подлетел с грацией хищной птицы к бородатому мужику и, вот так запросто, словно попросил зажигалку для сигареты, схватил его за шею. Раздался хруст — короткий, хлёсткий, как сломанный стебель, — и голова отлетела в сторону, тело медленно осело на помост, заливая дерево алой рекой. Толпа — этот «зрительный зал» из суеверных крестьян и теней в плащах с капюшонами — ахнула в унисон, полный ужаса вздох эхом прокатился по своду, а я — замороженно, с замиранием сердца — смотрела на это, не в силах отвести взгляд. Это было не просто убийство: это был акт божественного возмездия, где красота и жестокость сплелись в одно.

А дальше был кадр второй — воинственный, где сталь пела свою песню, а кровь рисовала узоры на камне. Одновременно с блондинчиком справа от главных фанатиков словно материализовался брюнетик — уже без лишних трансформаций, но с мечом в руке, клинок которого блестел, как молния в ночи. Он двигался плавно, как тень: замах от плеча, дуга металла — и девка в белом, та самая с фанатичными глазами, распалась напополам, от ключицы до пояса, с фонтанами крови, что брызнули в воздух. «Mortal Kombat» локального средневекового масштаба, блин: никаких спецэффектов, только реальный ужас и запах железа в воздухе. Её разрубленное тело ещё раз дёрнулось в агонии, но брюнетик уже шагнул дальше, вытирая лезвие о плащ, лицо его было спокойное, сосредоточенное, даже, как показалось, без лишней жестокости. Сектанты в плащах закричали в смеси ярости и паники, и ринулись в атаку, но это лишь усилило хаос: кто-то споткнулся о тело, кто-то метнулся к выходу, а их вопли смешались с лязгом оружия.

— *Nasta la vista, baby*, — только и смогла прошептать я, изумлённо глядя на происходящее вокруг меня, так и не веря до конца в этот вихрь безумных событий. Слова эти вырвались сами — эхо из старого фильма, ирония спасения в абсурде, — но в голосе звенело облегчение, смешанное с тошнотой. Мир кружился: тела падали, крики эхом отражались от стен, а я — всё ещё прикованная — чувствовала себя зрителем в собственном кошмаре, где герои из моих «ролевых» спасителей стали реальностью.

И, наконец, кадр третий — гуманный, где ярость уступила место порядку, а страх — раскаянию под острым взглядом. После этого кровавого представления брюнетик повернулся к толпе — его фигура возвышалась на помосте, как фигура судьи в трибунале, — и он начал что-то грозно вещать: голос был низкий, гулкий, с рычащими нотками, что перекатывались по залу, как гром. И, видимо, в своей речи брюнетик ещё и очень прочувствованно «матерился» на своём странном наречии — ибо в момент этой проникновенной речи «зрительный зал» — крестьяне, жрецы, случайные свидетели — старался «врасти в землю»: кто-то пал ниц, бормоча

что-то похожее на извинения; кто-то скукожился за колонной, изображая невидимку; другие — притворялись растением, столбом, неподвижными тенями в углу.

А блондинчик, тем временем, встал рядом с брюнетиком и лёгким движением руки разорвал мои кандалы: когти сверкнули, металл хрустнул, как ледяная корка, и цепи осыпались с лязгом, оставив на коже красные следы. Он благосклонно кивнул мне — словно жестом защитника, — и тоже что-то изобразил перед толпой: скрестил руки на груди, обвёл мрачным взглядом зал, словно спрашивая: «Ищу жертву — добровольцы будут?». Его зеленые глаза полыхнули предупреждением, и толпа затихла окончательно, сломленная этим дуэтом — воином и демоном.

И в этом хаосе — от первого удара до эха раскаяния — время растянулось, как в замедленной съёмке: а я сидела на каменном столе, потирая запястья, сердце всё ещё колотилось, но страх ушёл, смытый волной адреналина. Нет, это был не фильм: кровь была теплая, запах был реальный, а мои спасители — живые, дышащие, с явно выраженным гневом на их лицах. Что дальше? Вопрос повис в воздухе, густом от дыма благовоний и надежды на адекватность происходящего.

И вот сидела я на краю этого проклятого «жертвенника» и тряслась от пронизывающего холода, словно лист на ветру. Зубы мои выбивали такую ритмичную дробь, что полк барабанщиков из оперы позавидовал бы: клац-клац, эхом отзываясь в каменном зале и смешиваясь с шумом дождя. А окрестности я теперь мрачно рассматривала в ближайшем разбитом окне — панорама открывалась откровенно унылая, но правдоподобная: на заднем фоне приютилась деревенька, сгорбленная под серым небом, — несколько покосившихся хижин с соломенными крышами, а вот дальше виднелись домики получше с дымком из труб. Снаружи был дождь со снегом, который смешивался в ледяную кашу, и порывами из разбитых окон внутрь здания налетал ледяной ветер, что замораживал всё до костей, холод был поистине собачий, пробиравший до мозга, словно дыхание зимы из могилы.

А на «жертвенном» столе стояли каменные чашки с огоньком, тусклым и дрожащим, как последние искры надежды, и сидела я, как типичное «Кентервильское привидение», бледная, как полотно, с посиневшими от холода руками и ногами, кожа моя была в мурашках, в глазах щипало от размокшей туши, что растеклась чёрными дорожками по щекам, волосы висели сосульками, слипшиеся от влаги, и в этой белой кружевной сорочке, что теперь липла к телу, как мокрый саван, как напоминание о только что пережитом аде.

Я слезла с жертвенного стола — медленно, осторожно, чтобы не поскользнуться на мокрых камнях. Еле подошла поближе к одной из тех чашек с огнём — и стала греть мои озябшие руки возле пламени: тепло было робкое, но спасительное, ласкающее кожу, как первый глоток чая в мороз. Пальцы покалывало, возвращая их к жизни, а я теперь полусидела на этом столе, чтобы не касаться ледяного пола, уставившись на огонь, и думала: «Ну вот, Аля, поздравляю, ты жива, но в каком ты цирке?»

Видимо, эти мои шевеления и отвлекли парней от их «поиска экзекуции» для народа, когда они, эти мои спасители, как раз набирали обороты в своих грозных речах, но теперь они замерли, повернувшись ко мне.

Блондинчик повернулся первым — его зеленые глаза, ещё миг назад горевшие яростью битвы, внезапно смягчились, наполнились виноватым блеском, словно он сам себя укорял за мою дрожь в этом ледяном аду. Разве что рукой по лбу не стукнул в раскаянии — и он рванул с помоста куда-то в сторону за разбитые двери, движения его были молниеносными, грациозными, как у хищника. Но через пару мгновений он вернулся — с роскошным меховым плащом в руках, поистине королевским сокровищем: мех был густой, бархатистый, золотисто-коричневый, с подкладкой из пурпурного бархата, что переливался в полумраке, как рубин в огне, и тонкой золотой вышивкой по периметру — руны или древние узоры, но мне это было неважно. Он завернул меня в этот плащ — нежно, но крепко, обволакивая теплом, что мгновенно про-

никло сквозь тонкую сорочку, — уселся на край помоста, прижал меня к своей широкой груди и начал укачивать, как ребёнка в колыбели. Ладонью он гладил меня по голове, по спутанным, мокрым волосам, и говорил мягким, низким голосом на своём загадочном наречии что-то такое доброе, нежное, но интонация его речи была универсальной: успокаивающей, обещающей, что всё позади, что теперь всё хорошо. Буквально в этот момент картина маслом нарисовалась — «Старший брат и его непутёвая сестра»: его объятия источали жар, а я, прижавшись к его груди, чувствовала биение его сердца, ровное и мощное, как барабан войны в мирном ритме.

Я понемногу согревалась, веки тяжелели, и на миг — всего на один предательский миг — мне даже показалось, что самое страшное действительно осталось позади. Что сейчас этот блондинчик дотащит меня до тёплой комнаты, уложит в постель, и я просто усну, а утром проснусь если не дома, то хотя бы в более внятной реальности. Но недаром говорят: если в фэнтезийном мире тебя укутали в царский мех, прижали к могучей груди и замурлыкали успокаивающие заклинания — жди подвоха. Моё чутьё, которое ни разу не подводило меня ни в драках, ни в аварийных ситуациях на дороге, вдруг ожило и завопило благим матом.

И что-то мне моя левая пятка запредчувствовала неладное, а правая полупопия моя уже точно уверяла: всё далеко не хорошо, и всё далеко не позади. Главная заварушка ещё намечалась — как туча на горизонте, — а это так была лишь репетиция оркестра. И даже репетиция перед одной из репетиций, скромная увертюра перед бурей.

Я постепенно согревалась — ещё бы: сидя на руках у «демонического Конана-варвара, секс-символа из легенд», который пылал жаром, словно живая печка, и, кажется, совершенно никогда не мёрз в этой своей жизни. Его тело буквально источало тепло, как вулкан в зимней ночи, прогоняя мой озноб. Кровь прилиwała к щекам, пальцы оттаивали, а дрожь уступала место ленивой истоме, но разум шептал: это затишье перед штормом. А брюнетик, тем временем, напоследок что-то страшно грозное рыкнул — голос его прогремел, как раскат грома над полем, — и кулаком толпе погрозил. Народ тут же пал ниц, мордами в грязь, в эту хлюпающую слякоть, что пропитывала одежды, а ручки свои умоляющие простёр, бормоча мольбы о пощаде. Мой спаситель прыгнул с помоста — ловко, как воин после триумфа, — опять кулаком толпе погрозил и рыкнул ещё раз, усиливая угрозу, эхом разнося её по площадке. С неба, словно в ответ на его ярость, грянул гром — мощный, оглушительный, — сверкнули молнии, разрывая серые тучи, и даже деревце одно неподалёку от этого «храма» вроде как загорелось: пламя лизнуло ветви, треща в сыром воздухе, добавив апокалипсического драматизма. На этом экзекуция народа закончилась — толпа замерла в покорности, сломленная этим союзом героической мощи и небесного гнева, — и тишина повисла, тяжёлая, как плащ на плечах.

Блондинчик, тем временем, не выпуская меня из крепких нежных объятий своих рук, просто прыгнул вниз с помоста лёгким, уверенным движением, что не потревожил даже моё избитое тело, и понёс «спасённую даму» в направлении той самой деревеньки: шаги его были размеренными, сквозь лужи и грязь, ветер хлестал по лицу каплями дождя, но в тепле его объятий таилась безопасность. Брюнетик последовал за ним, ведя за собой лошадей, молча, как верный страж, с мечом наготове, оглядываясь на толпу, что не смела даже шелохнуться. Мы уходили — из этого ада в неизвестность, — и в душе моей теплилась надежда: спасены ли мы на самом деле, или это лишь пауза в очередной симфонии бед? Время покажет, а пока у меня было тепло в крепких мужских объятиях, и это уже было победой.

— Странно, — мелькнула мысль, пока я, высунув кончик носа и один любопытный глаз из мехового плаща, в который меня так заботливо завернули, осторожно рассматривала окрестности. — Или здесь была поздняя осень, или зима выдалась необычно тёплой, или просто ранняя весна. Должен был быть снег — чистый, пушистый, укрывающий землю как одеяло. Здесь, определённо, должен был быть снег, который я видела в разбитом ведь мороз щипал кожу, а

воздух пахнул влагой и хвоей. Так где же он? Неужели этот мир — или что это такое — играл по своим правилам, где сезоны смешивались, как цвета в калейдоскопе?

В общем, эти «спасители» принесли меня с царственной небрежностью, видимо, в местную гостиницу: скромное здание из потемневшего дерева, с низкими балками и запахом дыма в воздухе. Народ внутри тут же пал ниц на пол — лица в пыли, плечи сгорблены в покорности, — хозяин, толстый, как бочка, втянул пузо в щёки, словно пытаюсь стать меньше, на карачках пополз к парням и что-то проскулил жалобно, на их таинственном наречии, словно умоляя о милости. А те просто прошествовали мимо них со мной на руках — величественно, не удостоив никого взглядом, ноль внимания на всех этих сломленных фигур, — прямо до «номеров», то есть комнат на втором этаже, где скрипели доски под ногами, а из окон виднелись силуэты деревьев в сумерках.

И ведь доставили они меня до знакомой комнаты — той самой, где я очнулась ранее, — до знакомой кровати с грубой, но чистой периной, вон умывальник знакомый виднелся в углу, медный и потрёпанный временем. Блондинчик сел на край кровати, меня из рук не выпустил — объятия его были тёплыми, надёжными, — и начал шептать что-то ласковое, низким, вибрирующим голосом, а по голове меня гладили его сильные пальцы, успокаивая, словно я была раненым птенцом. Брюнетик тем временем дверь открыл — с грохотом, что эхом разнёсся по коридору, — и что-то в проём рыкнул: короткий, рычащий приказ, полный авторитета. В результате чего, ровно через пару минут — как мне показалось в те мгновения расслабленной полудрёмы из-за всего пережитого и теплых мужских объятий, — слуги — несколько парней в потрёпанных туниках, с опущенными глазами — вкатили в комнату деревянную ванну: массивную, с резными боками, что пахла свежим деревом. Горячей водой её заполнили — пар поднимался клубами, обещая рай в этом холодном мире, — какие-то кувшинчики принесли, видимо с ароматными маслами и травами, и буквально ретировались из «номера» с «крейсерской» скоростью, пятясь к двери, чтобы не поворачиваться к моим «спасителям» спиной.

Блондинчик уже сидел на широкой кровати, прижимая меня к груди, когда к ней подошел брюнетик. Он просто опустился на край постели с другой стороны, повернулся к нам и замер. Блондин чуть ослабил объятия, но не выпустил меня, и они оба уставились на меня с таким виноватым видом, словно школьники, которых поймали на поджоге учительского стула. Они заговорили почти одновременно, перебивая друг друга, низкими, умоляющими голосами на своём странном наречии. Я не понимала слов, но интонация была предельно ясна: *«Прости меня, Васенька, дуру грешницу!»* — вот так, наверное, звучало бы их извинение на русском, с нотками древнего ритуала и искренней тревоги за мою судьбу.

А я смотрела на всю эту картину и размышляла:

— Ага, так вас, гады, так! Не укараулили, чуть не из-за вас меня, невинную, на амулеты от нечисти не порезали — в жертву отдали этим фанатикам.

И на этом моменте я уже окончательно уверилась в достоверности всего со мной происходящего: так натурально в бреду я бы зубами не клала от холода, так не мёрзла до костей, да и парни были слишком настоящие — тёплые, живые, с запахом лесных трав, пота и крови. А мужик с той девкой уж слишком уж натурально скончались на моих глазах, кровь их ещё, наверное, не высохла на том помосте. Что ж, значит, я оказалась в неизвестной потусторонней реальности — или параллельном мире, где магия реальна, а авария всего лишь — портал сквозь миры. И надо было что-то с этим делать: выжить, разобраться, найти путь назад. А это уже приводило меня к общему выводу о ситуации, что есть две приоритетные стратегические задачи передо мной в этом мире: первая — освоиться и не сдохнуть; а вторая — вернуться домой, к знакомому миру с маршрутками и Новым годом.

Послушала я их с минутку — слова лились потоком, полным раскаяния, эхом отражаясь от стен комнаты, — руку свою простёрла над кающимися, как благословение в старом обряде, и произнесла, заикаясь от остатков холода и усталости:

— П-п-парни, м-м-оя т-т-воя ни хр-р-ена не п-п-понимай! Ав-в-век п-п-плезир, м-м-не п-п-переводчика с р-р-русского на т-т-тарабарский.

Тут брюнетик одной рукой хлопнул себя по лбу — жест был таким выразительным, полным самобичевания, словно он только что осознал собственный грандиозный промах, — подошёл ко мне ближе, наклонился, и второй рукой провёл перед моим лицом: знакомый жест, эхом отозвавшийся в памяти от предыдущих «отключек», но на этот раз такой реакции не последовало. Наоборот — этот результат превзошёл даже все наши самые смелые ожидания: мир вокруг не потемнел, а, напротив, вспыхнул ясностью. В ушах моих вдруг зазвучали слова не как хаотичный поток шипящих звуков, а как чёткий язык — мелодичный, с древними корнями, где каждое слово несло оттенки значения: честь, покаяние, магия. Комната — скромная, но уютная, с треском поленьев в очаге, что грел воздух ароматами сосны и специй, — словно обрела новые контуры, а лица спасителей озарились в свете от единственной масляной лампы, висевшей на стене.

Брюнетик выпрямился, его глаза — тёмные, пронизанные раскаянием, — встретились с моими, и он произнёс низким, уважительным голосом:

— Светлая дева! Простите меня! Теперь вы можете нас понимать.

Я расхохоталась:

— Ага, дева я, светлая — особенно дева в мои-то года, когда те исторические времена канули в Лету, а в зеркале отражается женщина с опытом за плечами.

Кстати, в комнате-то натоплено: жар от очага лился волнами, прогоняя остатки озноба, и я даже согрелась окончательно, больше не изображая полк барабанщиков зубами. Пальцы мои всё ещё были онемевшими, но кровь уже постепенно приливала, возвращая ощущение реальности — этой странной, чужеродной, но уже понятной.

— Гранд мерси вам, милый юноша, за апгрейд моего сознания! — буркнула я брюнетiku, сарказм скользнул по языку, как привычный щит от хаоса. Голос мой всё ещё дрожал слегка от пережитого, но слова текли свободно, на их наречии, что теперь звучало в голове как родное, с лёгким акцентом моей былой речи. — А теперь, парни, я вас внимательно слушаю и настоятельно рекомендую рассказывать всё подробно: какого хрена я тут делаю, какого хрена меня фанатики хотели распотрошить на сувениры, что вообще в стране творится, какая политическая обстановка, как мне из всего этого дерьма выпутаться? И, внимание, главный вопрос — какого хрена я в сорочке? Где моя одежда, мать вашу, извращенцы чертовы?!

Едва отойдя от пережитого сегодня стресса — того вихря из теней, крови и цепей, что ещё эхом отдавался в висках, — я перешла в «нападение»: со мной так всегда бывало, когда нервы натягивались до предела, — я вдруг начинала резко хамить окружающим, сбрасывая накопленный негатив, как змея старую кожу. Мужчины замерли, их лица — смесь удивления и покорности — отразили мою ярость, словно зеркало: брюнетик опустил взгляд, блондин слегка потупился, но оба даже не шелохнулись, ожидая предстоящей бури.

— И ещё крайне настоятельно вам советую не доводить меня до состояния «Изволю гневаться», — добавила я, голос мой окреп, переходя в стальной тон, полный иронии и предупреждения. — И для справки: я не светлая и тем более не дева. В моём возрасте это уже просто неприлично — слишком много историй позади, слишком мало иллюзий впереди. Так что давайте по-честному: объясняйте, пока я не взорвалась, как та склянка на морде чудовища.

Парни удивлённо посмотрели на меня — их глаза, ещё недавно полные решимости воинов, теперь расширились от моего резкого тона, — но, видимо, они решили не обращать внимания на этот выпад, словно такие вспышки гнева были им привычны при общении с любыми «светлыми девами» или кем там они меня считали.

Они переглянулись, кивнули друг другу, и общий рассказ моих спасителей свёлся к следующему: они говорили по очереди, низкими, ритмичными голосами, что эхом отражались от деревянных стен комнаты, пропитанной теплом очага и лёгким ароматом трав. Блондин начал,

опустив взгляд, а брюнетик подхватывал, словно в ритуале, — и в их тоне сквозило глубокое раскаяние, подкреплённое виноватыми глазами, что блестели в свете лампы, как у провинившихся щенков.

— Простите нас, сиятельная госпожа! — произнёс брюнетик первым, склонив голову ниже, его тёмные волосы упали на лоб, скрывая морщину беспокойства. — Мы вас не уберегли. Мы думали, что в этой деревне вам ничего не грозит, и слишком мало охранных заклинаний поставили вокруг вашего пристанища.

Блондин кивнул, беря эстафету, и его глаза, уже преобразившиеся из жёлтых в привычные мне цвета зелёной листвы, миг потухли, отражая вину за допущенную оплошность.

— Мы вас случайно вызвали из другого мира заклинанием «Последнего призыва», — продолжил он, голос его стал тише, почти шёпотом, словно эти слова были тяжёлым бременем. — И так вышло, что вы спасли это графство от Краага — того древнего демона, что сеял хаос в наших землях, — убили его и выжили при этом. Но, пока мы отошли из гостиницы, вас успел похитить так называемый «Совет высших адептов Каралы».

Они снова обменялись взглядами, и брюнетик подхватил, его кулаки невольно сжались, вспоминая недавнюю битву.

— Ведь, если вы выжили после столкновения с демоном, то они решили, что именно вы и призвали Краага из нижнего мира, — объяснил он, слова его падали тяжело, как камни в воду. — Поэтому вас объявили «проклятой гаргульей нижнего мира» и решили принести в жертву Карале, древней богине мести и теней. Хотя в нашем королевстве уже тысячелетия как исповедуют веру в Великого Творца — единого бога света и порядка, но в отдалённых деревнях, как эта, люди всё ещё цепляются за старые верования, скрытые культы и обряды, что передаются шёпотом от поколения к поколению.

— Кроме того, в последнее время демоны из нижних миров прорывались всё чаще, — добавил блондин. — Они сильно различались по мощи: одних мог одолеть простой боевой заговор или даже деревенский маг со скромным талантом, а на других... на других ничего не действовало, кроме древней магии или жертвы, как той, что уготовили вам.

На этом лирическом моменте — когда их рассказ начал кружить голову, как вино из сказочного кубка, — я их прервала: меня слегка затрясло, словно от внезапного озноба, хотя очаг пылал жарко, бросая танцующие блики на стены. Услышанное заставило меня сильно нервничать — мир, что они описывали, казался паутиной из легенд и кошмаров, где я, Аля из современного мира, оказалась случайной нитью.

Я с силой вцепилась в край одеяла — пальцы побелели, ткань смялась в кулаках, — глубоко вздохнула, пытаюсь унять сердцебиение, и тихо произнесла, голос мой дрогнул, но слова вышли твёрдыми, как вызов:

— Значит, так, милые юноши, вопрос номер один: почему я должна была скоростижно скончаться после безвинного убийства вашего Краага от этого заклинания «Последнего призыва»? Вопрос номер два: почему понадобилось вытаскивать именно меня из другого мира? Мой мир далеко не нижний — он очень даже замечательный, верхний, с его развитыми технологиями и прочими простыми радостями, а не с демонами и ритуалами. И что, вам самим не судьба была прикончить этого Краага? Зачем невинной, хрупкой девушке — то есть мне, с её нежными руками и нулевым опытом в магии, — брать на себя бремя спасения какого-то зачуханного графства? Объясните, пока я не лопнула от любопытства... или от ярости.

Дальше они рассказали мне, что они — Равэон и Аланэтон, или Алан и Рав, как я их назвала про себя — прибыли в эти края по заданию какого-то Архимага, чтобы разобраться с нашествием демонов. Крааг оказался сильнее, чем ожидалось, и они применили запретное заклинание, которое должно было призвать существо из нижнего мира, способное уничтожить демона ценой собственной жизни. Но вместо демона появилась я, которая не только выжила, но и уничтожила Краага без всякой магии, какой-то взрывающейся склянкой. Это вызвало

переполох среди магов и, в конце концов, привело к тому, что местные фанатики сочли меня воплощением зла.

— Мы не знали, что они нападут, — покаянно добавил Алан, — мы думали, что, пока вы лежите здесь без сознания, никто вас не тронет. Но эти твари как-то пронюхали про чудо с Краагом... И вот результат.

— Ладно, с этим разобрались, — перебила я, чувствуя, как усталость наваливается, но и любопытство не отпускает. — Теперь главное: как мне вернуться домой?

Парни переглянулись. Рав ответил первым, осторожно подбирая слова:

— Это... сложно. Заклинание, которое вас призвало, было одноразовым и нестабильным. Мы не уверены, что портал можно открыть снова. Потребуется время, чтобы найти способ. Архимаг, возможно, сможет помочь.

— Да вы издеваетесь! — взорвалась я, вскакивая с кровати. — Меня вытащили в ваш безумный мир, чуть не зарезали, а теперь говорят, что обратная дорога — «сложно»?!

Я сделала несколько шагов по комнате, сжимая и разжимая кулаки, пытаюсь унять дрожь. Остановилась у окна, глядя на тёмную, беззвёздную ночь за стеклом. Снег всё падал, крупными хлопьями, укрывая землю белым саваном. Вдалеке, у края леса, мелькнул огонёк — волк? Или просто бродяга? Я не знала. И от этого незнания становилось ещё страшнее.

— Ладно, — выдохнула я, поворачиваясь к ним. — Допустим. Вы обещаете помочь мне найти дорогу домой?

— Клянёмся, — в унисон ответили оба, и в их голосах впервые прозвучала искренность, почти клятва.

— Тогда мы ещё поговорим, — проворчала я, садясь обратно на кровать. — А сейчас — рассказывайте, что за чёртов план вы там придумали с этим Архимагом?

Рав начал рассказывать, и я, честно говоря, слушала вполуха. Какие-то Советы магов, Архимаг, Зимний замок... В голове шумело от усталости и переизбытка информации. В конце концов, когда он заговорил о том, что пора бы помыться и отдохнуть, я только кивнула, соглашаясь.

— Значит, так, — подвела я итог, — завтра едем к вашему Архимагу, и пусть он мне всё объяснит на пальцах. А сейчас — вы оба в душ, потом будем есть, потом спать.

Парни переглянулись, но спорить не стали. Видимо, поняли, что с капризной попаданкой лучше не связываться.

После того как парни вышли мыться, я, наконец, осталась одна в тишине комнаты. Я подошла к своей сумке. Спортивная, чёрная, с длинной лямкой, она пережила аварию, похищение и жертвоприношение. Я растегнула молнию и запустила руку внутрь.

Телефон был на месте. Плеер был на месте. Наушники, косметичка, зарядные устройства, паспорт, кошелёк с рублями, сменная одежда — всё было там. На мгновение мне стало легче: эти маленькие кусочки моего мира — пластик, металл, тусклые экраны — казались якорем, который не давал окончательно провалиться в этот фэнтезийный кошмар.

Я закрыла глаза и позволила себе несколько минут просто не думать о демонах, магии и том, как я здесь оказалась. В груди заныло — тоска по дому, по семье, по подругам, по ёлке, которую мы так и не нарядили. Слезы навернулись на глаза, но я сдержалась. Не время раскисать.

Пока парней не было, я приняла ванну — горячую, с ароматными маслами, которые оставили слуги. С наслаждением погрузилась в воду, чувствуя, как тепло смывает грязь, кровь и страх. Отмокала я, наверное, с полчаса, позволив себе забыть обо всём. Потом вымыла голову какой-то мыльной пастой из кувшинчика — волосы стали мягкими и приобрели странный медовый оттенок. Вылезла, вытерлась мягким полотенцем. Надела чистую футболку, тёплые спортивные штаны, свежие носки. Сразу стало легче.

Вернулись парни — вымытые, в сухой одежде, с подносами еды в руках. Брюнетик нёс горячее мясо, блондинчик — хлеб и кувшин с вином.

— Мы подумали, вы проголодались, госпожа, — сказал Алан.

— А то, — буркнула я, но внутри шевельнулась благодарность.

Ужинали мы на полу, на расстеленном клетчатом ковре. Я плюхнулась прямо на него, скрестив ноги, — парни переглянулись, но промолчали и сели рядом. Ели мы молча, жадно, потому что я была голодна как волк, а они, видимо, после битвы и погони тоже. Мясо оказалось сочным, хлеб свежим, вино — терпким и тёплым. Я даже не стала возражать, когда Рав подлил мне второй кубок.

Когда последний кусок мяса был отправлен в рот, а дно тарелки засияло девственной чистотой, я отставила посуду в сторону и несколько мгновений просто сидела, прикрыв глаза, чувствуя, как сытость мягко разливается по телу, унимая остатки дрожи. Парни терпеливо ждали, не торопили. В комнате потрескивал камин, где-то за окном падал снег, и в этой почти домашней тишине мой разборчивый внутренний голос наконец скомандовал: хватит прятаться за едой, пора задавать вопросы.

Я с трудом поднялась с ковра — ноги затекли, но в теле, наконец, появилась хоть какая-то сила. Парни мгновенно вскочили следом, но я жестом остановила их порыв помочь мне встать. Сама, держась за край кровати, я забралась на высокую перину, кое-как устроилась в горе подушек и с наслаждением откинулась на спину, прикрыв глаза. Кровать оказалась неожиданно уютной — пахла травами и теплом, а подушки мягко облепили усталое тело. Не открывая глаз, я хлопала ладонью по покрывалу слева и справа от себя.

— Садитесь уже, — буркнула я. — И рассказывайте. Почему вы вообще решили меня спасти? Я же для вас — чужая, непонятная, без магии.

— Вы убили Краага, — просто ответил Алан. — Этого достаточно.

— И вы — наша гостья, — добавил Рав. — Пусть и неожиданная.

Я хмыкнула, но спорить не стала.

Я ещё посидела немного, прикрыв глаза под треск камина, а потом всё же заставила себя подняться и спросить у парней про уборную. К счастью, цивилизация в этом диком мире оказалась на некоторой высоте и уборная, находившаяся в соседнем помещении, имела признаки развитой цивилизации.

Вернувшись в комнату — чистая, расслабленная, в свежей майке и домашних штанах, — я забралась на кровать, подтянула к себе сумку и запустила руку в боковой карман. Плеер, старенький, потёртый, но верный, лежал на самом дне, аккуратно обмотанный наушниками. Я распутала провода, вставила штекер в гнездо, сунула наушники в уши и, не глядя, наугад ткнула «плей». Из динамиков зазвучала та самая композиция, которую я слушала перед аварией — странное дежавю, от которого к горлу подступил комок. Я откинулась на подушки, закрыла глаза и позволила музыке заполнить паузу между реальностями.

Но музыка вдруг прервалась, а экранчик плеера моргнул и погас. Я нажала на кнопку — ноль реакции. Батарейка села в ноль. Чёрт! А зарядки-то у меня с собой — пауэрбанк, но он ещё с автобуса в пути почти разряжен, телефон тоже дышит на ладан: процентов семь, не больше. Я прыгнула с кровати и вытащила смартфон — он еле светился, на дисплее мигала красная иконка. И тут меня накрыло отчаяние: если сядут гаджеты окончательно — я останусь совершенно одна, без связи с моим миром, без музыки, без фонарика, без хоть какой-то ниточки, которая держала меня за реальность.

— Да чтоб вас! — вырвалось у меня громче, чем хотелось. Я плюхнулась обратно на кровать, стиснула зубы и уставилась в потолок, чувствуя, как к глазам подступает злость пополам с обидой.

Парни, услышав мою тираду, переглянулись, а потом блондин — Рав — тихо поднялся и приблизился к краю кровати.

— Госпожа, что случилось? — спросил он, вглядываясь в моё лицо с искренним беспокойством. — Вы расстроены. Это из-за этих... странных предметов?

Он кивнул на плеер и смартфон, которые я сжимала в руках, словно утопающий — спасательный круг.

— *Батарейки* сели, — буркнула я, шмыгнув носом. — *Аккумуляторы*. Энергия кончилась. В моём мире эти штуки работают от *электричества*, а у вас его нет. Понимаешь? Нет *розеток*, нет *USB*, нет ничего. Я останусь без *связи*, без музыки, без возможности хоть как-то записывать происходящее. *Смартфон* мой — в кирпич превратится.

Алан нахмурился, затем повернулся к Раву и произнёс несколько быстрых фраз на их наречии. Рав кивнул, подошёл ближе, внимательно рассматривая мои устройства — прищурившись, как часовщик, перед которым поставили задачу века.

— То есть, — медленно проговорил Рав, — эти предметы работают на чистой магии? На энергии, запасённой в них самих? И когда запас иссякает — они умирают?

— Ну да, — удивилась я. — Примерно так. Но это не магия, это *ионы*, *электроны*, *химия* внутри *батарей*. Но сути это не меняет: энергии нет — гаджет превращается в бесполезный кусок пластика и кремния.

Брюнетик вдруг расплылся в улыбке — впервые за всё время. Улыбка у него оказалась неожиданно тёплой, почти мальчишеской, с лёгким блеском в глазах.

— Госпожа, но это же так просто! — воскликнул он. — Мы не умеем чинить ваше... *электричество*, но мы умеем наполнять вещи энергией. Прямой передачи, конечно, нет, но есть базовое накопительное заклинание энергии — любой маг первой ступени умеет его создавать. Оно преобразует окружающую магию в любой вид силы. Холод, тепло... и то, что нужно этим вашим вещам.

— Да ладно, — я недоверчиво прищурилась. — Не дурите мне голову.

— Сейчас проверим, — сказал Алан и щёлкнул пальцами.

В воздухе между его ладонями возник крошечный светящийся шарик — серебристый, пульсирующий, как живое сердце. Он мягко перетёк на мою ладонь, где лежал смартфон, и влился в корпус устройства. Экран телефона вдруг моргнул — и загорелся сам собой, показывая уже не семь процентов, а целых семьдесят семь. Плеер — я судорожно нажала на пуск — тоже ожил. Из динамиков ударили гитарные риффы, да так громко, что парни вздрогнули: для них это, конечно, звучало как колдовская какофония.

— Опа, — выдохнула я, таращась на заряженный смартфон, как на чудо. — Работает! Правда работает!!!

Рав усмехнулся, скрестив руки на груди:

— Это простейшая подпитка энергией. Ваши *батарейки* устроены очень примитивно, госпожа. Для нас это как вдохнуть — выпустить немного сырой энергии, и всё готово.

— И часто вы так сморкаетесь магией? — хмыкнула я, не в силах сдержать улыбку. На душе вдруг стало удивительно легко. Да, гаджеты починили — пусть и не электричеством, а магией. Но работает же! Я снова могу слушать музыку, фотографировать это безумие, записывать голосовые заметки. Маленькая, но победа.

— Любые ваши вещи, нуждающиеся в энергии, мы сможем подзаряжать, — добавил Алан. — Хоть каждую ночь. Это не сложно — как разогреть воду в котелке. Только скажите, когда они снова ослабеют.

— Обещаю, — кивнула я, пряча заранее заряженный смартфон под подушку (на всякий случай). — Спасибо, мальчики. Вы сегодня меня уже второй раз спасаете: сначала от ножа, теперь от *цифровой смерти*. Я уж было попрощалась с *плейлистом* навсегда.

Парни вежливо поклонились — мол, в порядке вещей, госпожа, обращайтесь, — и отошли к двери, но я их остановила.

— Слушайте, вы куда? На пол, что ли, собираетесь ложиться?

— Мы будем спать у окна и входа, чтобы защищать вас, — невозмутимо ответил Рав.

Я оглядела комнату: пол деревянный, холодный, сквозняк из щелей так и тянет. А парни, при всём их героизме, — такие же живые люди, как и я.

— На полу же дует, кости застудите, — сказала я. — Кровать вон какая широкая — места хватит на всех. Ложитесь рядом со мной. Вы и в тепле будете, и защита лучше — ни к двери, ни к окну никто не подкрадётся незаметно. Поколдуйте там ваших усиленных заклинаний охраны, например.

Алан поперхнулся воздухом:

— Госпожа, это совершенно неприлично! Вы — светлая дева, мы — воины, а спать на одной постели...

— Ах, оставьте свои средневековые заморочки, — усмехнулась я. — В моём мире парни и девушки часто ночуют в одной палатке или в хостеле, и ничего страшного. Тем более что вы мне доверяете, я вам доверяю. Мечтать начнёте о большем — пенделем разбужу, обещаю. Так что живо на кровать, и без препирательств!

Парни снова переглянулись — видимо, поняли, что спорить со мной бесполезно. Вдохнули, выбрали свои мечи и плащи и аккуратно, словно боясь разбудить саму кровать, забрались на свободные края: Рав лёг с одного бока, Алан — с другого. Между нами оставалось порядочное расстояние — одеял хватало всем, а в ногах даже осталось место.

— Вот так-то лучше, — удовлетворённо сказала я, зарываясь в подушку. — Никто не замёрзнет, совесть моя чиста.

Я надела наушники, включила только что зарядившийся плеер — на этот раз выбрала спокойную композицию в стиле альтернативного рока, с её грустным, но убаюкивающим мотивом, — и откинулась на подушки.

Парни, устроившиеся рядом, с явным любопытством косились на мои наушники: откуда доносились едва слышные, чужие для этого мира звуки — гитарный перебор и голос, который они, конечно, не могли понять.

— Что это за колдовство, госпожа? — не выдержал Рав. — Вы слышите голоса? Духи?

— Не духи, а музыка, — усмехнулась я, приподняв один наушник. — В моём мире люди сочиняют мелодии, записывают их на такие штуки и слушают в любое время. Чтобы успокоиться, взбодриться или просто не сойти с ума от одиночества.

— Станные слова вы говорите, — покачал головой Алан. — Никогда не слышал о таких заклинаниях.

— Это не заклинания. Ладно, не берите в голову. Для вас я, наверное, действительно госпожа-чудачка из другого мира со странными словами.

Они переглянулись, но возражать не стали — кажется, это определение их вполне устроило.

Я снова надела наушники, сделала звук тише и закрыла глаза.

Парни лежали неподвижно, как струны, боясь лишний раз пошевелиться, но постепенно их дыхание стало ровнее. Кровать под тремя телами слегка поскрипывала, но это даже убаюкивало.

— Госпожа, — тихо позвал Рав через пару минут.

— М-м-м?

— Вы... правда не боитесь спать рядом с нами? Мы же мужчины.

— А чего бояться? — буркнула я, не открывая глаз. — Вы мои билеты домой. Мёртвые билеты мне не нужны, а живые — очень даже. Спите давайте.

Он хмыкнул, но промолчал.

— И всё равно вы чудачка, — едва слышно добавил Алан откуда-то из-за моего правого плеча.

— А то, — повторила я, чувствуя, как уголки губ сами собой поднимаются в улыбке. — Спокойной ночи, мальчики.

— Сладких снов, госпожа-чудачка из другого мира со странными словами, — вдруг почти серьёзно ответил блондин.

Я едва не фыркнула от смеха, но сдержалась. Так и закончился этот бесконечный и безумный день. День, когда моя жизнь перевернулась с ног на голову.

Я лежала в тёплой постели под одеялом, чувствуя, как слева и справа ровно дышат два воина, спасшие меня сегодня от ножа, жертвоприношения и от холода, и думала:

— Ну что ж, Аля, ты всегда хотела приключений? Вот они — на всю катушку. Держись, девочка, и не пасуй. В конце концов, ты русская женщина — а мы, русские женщины, лошадей на скаку останавливаем и в горящие избы входим. А уж с магией, двумя телохранителями и демонами как-нибудь разберёмся.

С этими мыслями я провалилась в глубокий сон. Завтра намечался новый день, полный неизвестности и, возможно, опасностей. Но я уже была к ним почти готова.

Глава 3. "Мужчины как правительство..."

Глава 3. «Мужчины как правительство...»

Мужчины как правительство.

Красиво обещают,

и так же красиво объясняют,

почему не сдержали обещание.

(Народная мудрость)

Сон пришёл тяжёлый, вязкий, как старая патока, и такой же чёрный. Ни демонов, ни алтарей, ни криков — только глубокая, бесконечная пустота, в которой растворялось всё моё «я». Я проваливалась в неё, как в тёплое болото, и, кажется, даже не дышала. А потом пустота начала понемногу теплеть.

Сначала мне показалось, что это просто моя собственная кровь разгоняется по венам после долгого неподвижного сна. Но тепло становилось плотнее, осязаемее. Оно пахло мылом с травами, и чем-то неуловимо лесным, хвойным, горьковатым, как кора сосны после дождя. Я бессознательно потянулась к этому запаху, как цветок к солнцу.

Я не хотела просыпаться. Тело требовало ещё хотя бы полчаса забвения. Но подсознание, этот вечный бдительный страж, уже фиксировало детали одну за другой, складывая их в картину, которая с каждой секундой становилась всё более неловкой.

Моя щека уткнулась во что-то твёрдое, но определённо живое — широкая грудная клетка медленно вздымалась под ритм чужого дыхания. Моя левая рука лежала на чьём-то плече, пальцы сами собой вцепились в ткань рубашки — тонкую, льняную, теплую. Моя левая нога нагло, бесстыдно перекинулась через чьи-то бедра и устроилась между ними, колено упёрлось в простыню с другой стороны. И ещё одна нога, правая, тоже на ком-то лежала — чувствовалось тепло чужой поясницы под икрой.

«Это сон, — лениво подумала я, ещё не до конца проснувшись. — Просто очень реалистичный, тактильный, даже чересчур тактильный сон».

Но потом чья-то рука осторожно, почти боязливо погладила меня по спине — от лопаток до самой поясницы, едва касаясь, словно пальцы шли по раскалённым углям. Прикосновение было невесомым, но от него по позвоночнику пробежала россыпь мурашек. А вторая рука, тёплая и тяжёлая, спокойно лежала на моей талии, прижимая меня к себе. С другой стороны тоже кто-то дышал — ровно, глубоко, с лёгким присвистом.

Я замерла, всё ещё не открывая глаз. Сердце, только что дремавшее, пропустило удар, а потом заколотилось где-то в горле. В голове разом включилась паника, заглушённая было остатками дремоты.

*«Кто?! Какого чёрта?! Где моё одеяло?! Где **моя** сторона кровати?!»*

Я помнила вчерашние договорённости. Мы заключили самый настоящий договор — устный, но железный. Спать на одной кровати, потому что комната одна, но **отдельно**: каждый под своим одеялом, на своей подушке, без случайных касаний в темноте. Я помнила, как Рав перед сном поцеловал меня в макушку — легко, почти по-отечески, и это ещё было сносно, почти приятно, если честно признаться. Помнила, как Алан пожелал спокойной ночи и отодвинулся на самый край. Я же заснула последней. Устроилась демонстративно в **центре** этой огромной кровати — чисто из вредности и эксперимента, заявив: *«Это моя кровать. Вы тут временно. Спать без касаний. Нарушителей буду пинать во сне»*. Рав тогда хмыкнул, Алан что-то невнятно буркнул про «гордую независимость вредных девиц». Они погасили свечи, и я провалилась в сон под скрип половиц и треск догорающих углей в камине.

И надо же — проснулась, приклеившись к **обоим** одновременно.

Медленно, стараясь не делать резких движений, я приоткрыла глаза. Света в комнате было ещё мало — рассвет только начинал золотить узкие щели между тяжёлыми шторами, оставляя помещение в дымчатом, синеватом полумраке. Очаг давно погас, угли едва тлели, посылая вверх призрачные струйки тепла, пахнувшие пеплом.

Первое, что я увидела, — профиль Равэона. Он лежал на спине, слегка повернув голову в мою сторону, глаза закрыты. Ресницы — неожиданно длинные, светлые, почти белые — отбрасывали причудливые тени на высокие скулы. Рот чуть приоткрыт, дыхание ровное, без храпа. Одна его рука лежала поверх одеяла на моей талии — не грубо, не хозяйски, а как-то привычно, будто это место всегда принадлежало ей. Вторая рука была у меня под спиной, придерживая, словно боялся, что я укачусь.

Моя левая нога покоилась на его бёдрах, колено упёрлось в простыню с другой стороны. Правая нога, как я и подозревала, лежала на Алане — он спал на животе, отвернувшись к стене, и моя икра просто устроилась на его поясице, как на мягкой, тёплой подушке.

Живописная композиция. Картина маслом. *«Утро в гостинице после спасения от демонов».*

— Твою мать, — с чувством подумала я, чувствуя, как кровь приливает к щекам. — Вот это компрометация.

Надо было срочно, бесшумно, как мышь, отползти на свою часть кровати и сделать вид, что ничего не случилось. Осторожно убрать ноги, перекатиться, спрятаться под одеяло. Но в ту самую секунду, как я попыталась приподняться и высвободить левое колено, Равэон вздохнул глубоко, по-утреннему — грудная клетка под моей щекой поднялась, опустилась — и его рука на моей спине сжалась чуть сильнее, удерживая меня на месте. Не больно, но очень настойчиво.

Я замерла, затаив дыхание.

Он всё ещё не открывал глаз. Но уголок его губ вдруг дрогнул, и на бледном лице расцвела эта лёгкая, почти застенчивая улыбка — тёплая, как первый луч солнца.

— Не убегай, госпожа-чудачка, — прошептал он хриловатым со сна голосом. — Ты тёплая. И очень... шумно спишь. Ворочалась, кряхтела, что-то бормотала. Я думал, тебе снится кошмар. А ты просто искала, кого бы обнять.

Я оцепенела.

— Я не чудачка, — прошептала я в ответ, пытаясь придать голосу максимум ядовитости, но проклятый утренний шёпот вышел сиплым, прерывистым и каким-то совершенно несердитым. — Я не чудачка. Аля я.

Рав, наконец, открыл глаза. Зелёные, с тёплым внутренним янтарным блеском, они смотрели на меня насмешливо, но совершенно без злости. В них была какая-то тёплая, понимающая ирония — как у взрослого, который смотрит на ребёнка, спорящего о пустяках.

— Аля, — повторил он, пробуя имя на вкус. — Аля — это короткое? Или полное?

— Аля — это Аля, — буркнула я, пытаясь незаметно вытащить колено из его бёдер. — Домашнее. Для своих.

— А для чужих?

— Для чужих я... — я замялась. Левую ногу он придерживал рукой поверх одеяла, и высвободиться не получалось. Проклятый маг. — Для чужих, которые меня похищают и тащат в свои средневековые гостиницы, никакого имени нет. Есть только одно слово, начинающееся на букву «б».

Рав рассмеялся — тихо, беззвучно, одними плечами, но глаза его засияли.

— Не злись. Я серьёзно. Как нам тебя представлять в городе? Деревне? Перед портным? «Таинственная незнакомка» — это слишком величественно, а «странная беглянка» — небезопасно.

И тут мне в голову пришла шальная, совершенно идиотская мысль. Такие обычно приходят, когда спишь в центре кровати в обнимку с незнакомцем в мире, где есть демоны и магия, и жизнь висит на волоске. Я усмехнулась, не удержавшись.

— Ладно. Для чужих я Лейа.

— Лейа? — Рав приподнялся на локте, и его лицо оказалось опасно близко. Я чувствовала его дыхание на своей щеке — тёплое, с остаточным привкусом вчерашнего вина. — Звучит... нездешне. Словно ветер с другой стороны мира.

— Ещё бы, — я позволила себе улыбку и немного отодвинулась, упираясь рукой в его плечо. — Это из моего мира. Из одной очень старой космической сказки. Там была принцесса — её звали **Лея**. Организация повстанцев, звёздные войны, штурмовики, понимаешь? Нет, не понимаешь. В общем, принцесса с характером. В плену у злодея она не плакала, а душила его цепями. Я в детстве мечтала быть как она.

— И ты решила взять её имя? — Рав внимательно слушал, и мне показалось, что он даже понял про «звёздные войны» больше, чем говорил. Маги, они такие.

— В качестве шутки, — пожала я плечами. И тут же одёрнула себя: не хватало ещё перед ним распинаться. — Лейа — как маскировка. Карнавальный костюм. А для своих — Аля. Улавливаешь разницу, господин маг?

— Улавливаю, — он произнёс моё новое имя медленно, пробуя на вкус. — Лей-а. Звезда. Принцесса-чудачка.

— Не принцесса, — поправила я, хотя внутри что-то приятно ёкнуло от того, как это прозвучало в его устах. — Просто Лейа. Без титулов, звёзд и повстанческой армии.

— Хорошо, — согласился он. — Для всего мира ты Лейа — девушка с неясным прошлым и взрывным характером. А для нас с Аланом — Аля. Двойное имя для двойной жизни.

Я хотела огрызнуться, что никакой двойной жизни не планирую, но промолчала. Потому что, чёрт возьми, он был прав. Я уже жила двойной жизнью. Днём — злая, колючая, настороженная Аля, которая никому не даёт спуска. Ночью — человек, который во сне ищет тепло и прижимается к первому встречному, потому что так спокойнее.

— А что, Алан может проснуться в любой момент, — шепнула я, услышав, как дыхание с правой стороны изменило ритм.

— Алан спит как убитый после боя, — Рав убрал руку с моей талии, но не торопился отодвигаться. — Можешь не дёргаться. Он ничего не узнает.

— А если узнает?

— Скажем, что это ты меня обнимала. Тут и скажем.

— Я тебя сейчас обниму за шею, очень крепко, — прошипела я, но улыбка всё равно предательски выползла на губы.

Я всё-таки выскользнула из его рук — резким, кошачьим движением — и откатилась на свою часть кровати, натянув одеяло до подбородка. Сердце колотилось где-то в горле, но уже не от паники, а от странной, непонятной бодрости.

— Всё, хватит нежностей, — проворчала я, пряча лицо в подушку. — Ты своё «госпожа-чудачка» сказал, имя я придумала. Дальше по плану: завтрак, одежда и чтобы никаких поцелуев.

— А кто говорил про поцелуи? — невинно спросил Рав, поднимаясь с постели и поправляя рубашку.

— Я на будущее.

Он усмехнулся, подошёл к камину и мановением руки зажёг угасшие угли — золотистая искра сорвалась с пальцев, упала в труху, и огонь весело затрещал, прогоняя утреннюю сырость. В комнате сразу стало светлее и уютнее.

Я же вытащила из-под подушки дневник — потрёпанную тетрадь в твёрдом переплёте, попавшую сюда из моего мира, — и ручку. Я засунула его туда ещё вчера, когда ложилась спать

последней. Не хотелось, чтобы парни увидели мои записи, если вдруг решат обыскать комнату. Под подушкой же было самое безопасное место: туда никто не полезет без спроса, даже Рав с его «заботой». И при свете разгорающегося камина я написала несколько строк, стараясь, чтобы буквы не прыгали:

«Утро, кажется, второго дня в Арануме. Проснулась в центре кровати между Равом и Аланом. Моя нога была на нём. Моя рука — на нём. Моя щека — у него на груди. А вторая нога — на Алане. Рав назвал меня "госпожа-чудачка". Сказал, что я во сне ищу тепло и очень шумно сплю. Это почти нежно. Почти.

Решила: для чужих и здешних я буду Лейа. Это шутка, конечно. Принцесса Лея из "Звёздных войн" — та самая, что душила врагов цепями и командовала повстанцами. В детстве я хотела быть как она. Теперь вот, в другом мире, могу хотя бы имя одолжить. Звучит красиво. Звезда. Пусть будет.

А для парней я буду Аля. Короткое, домашнее, от детства, когда мама звала к обеду. Если Рав с Аланом начнут называть меня Лейа — не страшно. Имена — это тоже маски, а маски иногда становятся лицом.

Рав сегодня был почти милым. Это подозрительно. Возможно, он просто усыпляет мою бдительность. Буду настороже.

P.S. Алан храпит, когда лежит на животе. Теперь я знаю. И это знание делает меня сильнее».

Я осторожно закрыла дневник и сунула обратно под подушку, пока никто не видел. Алан всё ещё спал, отвернувшись и ровно дыша. Рав возился у камина, подкидывая мелкие поленья.

— Лейа, — позвал он, не оборачиваясь.

— Аля, — машинально поправила я.

— Лейа, — повторил он с лёгким нажимом, и я поняла: это проверка. Для здешних — Лейа. — Вставай. Нам нужно решить вопрос с твоей одеждой. Пока ты вчера отдыхала, мы с Аланом кое-что для тебя купили в лавке.

Я насторожилась. Что-то мне подсказывало: к этому «кое-чему» я буду не готова.

— Что именно вы купили?

— Увидишь, — Рав обернулся и улыбнулся той самой улыбкой, которая в любом мире означала: «Ты будешь в восторге, хотя, вероятно, нет».

Я вздохнула и села на кровати, поправляя сползшую футболку.

— Ладно. Показывай.

Алан, услышав голоса, заворочался, сел на своей стороне, протёр глаза и мрачно посмотрел на меня.

— Доброе утро, — сказал он своим ровным, ничего не выражающим тоном.

— Доброе, — буркнула я, чувствуя, как уши всё ещё горят от утренней близости с Равом.

Я выбралась из-под одеяла, слезла с кровати, натянула свою любимую спортивную кофту поверх футболки (единственный островок нормальности в этом безумном мире), сунула ноги в мои сапоги и направилась к креслу у камина, на котором уже красовалась аккуратно сложенная стопка вещей.

— Вот, — Рав кивнул на них. — Выбрали в лавке. Продавщица сказала, что это лучший вариант для девушки твоего... статуса.

Я подошла, подняла верхнюю вещь — и сердце моё рухнуло куда-то в пятки.

Это было платье. Тёплое, шерстяное, явно дорогое, очень женственное и... нежно-сиреневого цвета. С вышивкой. С цветочками по подолу и рукавам. С кружевным воротничком. К нему прилагался плащ того же оттенка, перчатки и даже сапожки на небольшом каблучке с бантиками.

Я подняла глаза на парней. Рав смотрел с надеждой. Алан — с уверенностью, что всё сделано правильно.

Я медленно, очень медленно выдохнула.

— Вы... вы это серьёзно?

— А что не так? — искренне удивился Алан. — Сиреневый идёт всем девушкам. И на меху тепло. Ехать нам долго, а там холодно.

Я закрыла глаза, мысленно считая до десяти. В голове крутились картины: как я, прыщавая и вечно недовольная собой в двенадцать лет, ненавидела пастельные тона всей душой. Как в пятнадцать поклялась никогда не носить розовое и сиреневое. Как в двадцать один сожгла подаренный бабушкой сиреневый свитер (ладно, не сожгла, отдала в секонд-хенд, но в душе сожгла). И вот теперь эти двое...

— Это... это полный *капец*, — сказала я вслух. — Я в этом буду похожа на привидение, которое нарядилось на выпускной. Или на куклу из магазина дешёвых безделушек.

— Ты драматизируешь, — бесстрастно заметил Алан.

— Я не драматизирую! — я швырнула платье обратно в кресло. — Я из другого мира! Я ношу чёрное! Кожу! Штаны! А вы предлагаете мне рассекать по вашему средневековью в вот ЭТОМ?!

— Другой одежды здесь нет, — жёстко сказал Алан. — Либо это, либо ходи в своей футболке и мёрзни, пока мы не доберёмся до нормального портного.

— А до портного сколько?

— Долго.

— Долго в этом? — я ткнула пальцем в сиреневое. — Да я...

— Аля, — мягко вмешался Рав. — Мы купили лучшее, что было. Хотели как лучше.

— Лучшее для кого? Для принцессы из идиотской сказки?

— Аля? — Алан поднял бровь, услышав моё имя.

— Она сказала, что для здешних будет Лейя, — тихо произнёс Рав. — А для нас — Аля.

— Странно, — Алан покачал головой. — Зачем два имени?

— Это шутка, — Рав усмехнулся, но без насмешки. — Из её мира. Там есть старая сказка. Принцессу звали Лея. Она была командиром повстанцев, душила злодеев цепями и не боялась говорить правду в лицо. Аля в детстве мечтала быть такой.

— И взяла её имя?

— Как маскировку, — Рав пожал плечами. — И как напоминание себе — не сдаваться. Она сказала: «Лейя — маска, Аля — я». Для чужих — одно, для своих — другое.

— Для своих? — переспросил Алан. — Мы уже «свои»?

— Не знаю, — честно ответил Рав. — Но она назвала нам свои имена. Это уже что-то.

— И что за имя — Аля?

— Короткое или просто домашнее. Она не объясняла. Но когда я называю её Алей, она не злится.

Алан покачал головой.

— Странная девушка.

— Странная, — согласился Рав. — Но запоминается.

А я в это время стояла, скрестив руки на груди, и смотрела на ненавистный сиреневый цвет, который уже начинал казаться мне личным оскорблением. Парни переглянулись. Алан вздохнул и вышел в коридор — кажется, проверять лошадей. Рав остался, молча глядя на меня.

— Ладно, — сказала я, наконец, очень спокойным, ровным голосом — таким спокойным, что Рав инстинктивно сделал шаг назад. — Оставьте меня. Я подумаю.

— Ты не думай долго, — сказал он на пороге. — Мы пойдём за завтраком. Оладьи с мёдом и горячее молоко.

Дверь за ним закрылась.

Я осталась одна. Посмотрела на платье. Посмотрела на камин, где весело потрескивали дрова. Посмотрела снова на платье.

— Ну, парни, — сказала я громко, обращаясь к пустой комнате. — Вы сами напросились. Я взяла платье за подол и поднесла его к огню.

Ткань занялась мгновенно.

Сиреневый шерстяной подол вспыхнул ярко, с весёлым треском, словно само платье радовалось, что его сжигают. Языки пламени лизнули кружевной воротник, цветочки на рукавах скрутились в чёрные пепельные лепестки, и воздух наполнился запахом палёной шерсти — едким, сладковатым, невыносимо победным.

Я стояла перед камином, сложив руки на груди, и смотрела, как сиреневая мерзость превращается в горстку пепла. В голове было удивительно пусто и спокойно. Никаких угрызений совести. Никакого «*а что они скажут?*». Только глубокая, первобытная радость уничтожения того, что тебя оскорбляет.

— Вот так, — сказала я пламени. — Поделом.

Огонь всё ещё пожирал остатки ткани, когда я отошла к окну. На улице морозно блестел снег, лошади у коновязи фыркали, пар шёл из их ноздрей. Какой-то местный мужик в тулупе тащил дрова. Всё так обычно, так нормально — и так бесконечно далеко от моей прежней жизни.

— Что бы сейчас сказала мама? — подумала я. Мама бы вздохнула, покачала головой и сказала: «*Аля, ты могла бы просто отказаться. Зачем же жечь?*» Но мама не знала, каково это — когда твоё тело переодевают без спроса, когда твою волю подменяют чужим решением, а потом удивляются, почему ты не благодарна.

А я давно устала быть удобной. Ещё в той жизни...

Через пятнадцать минут в комнату вернулся Рав. С порога он учуял запах гари, нахмурился, обвёл взглядом комнату и, наконец, заметил сиреневые догорающие остатки в камине. Его лицо вытянулось.

— Ты сожгла платье, — сказал он не вопросом, а утверждением.

— Сожгла, — спокойно подтвердила я, застёгивая свою кофту поверх футболки. — Оно было уродливым, неудобным, практичным как вата в сапогах и — о чудо — совершенно не моим. Извини, но я не собираюсь изображать девицу из женского романа с цветочками на подоле.

— Оно стоило пятнадцать серебряных, — в голосе Рава прорезалась сталь. — Мы покупали его не для красоты, а чтобы тебя не узнали. Ты выделяешься и так. Говоришь с акцентом, ходишь в странной одежде. А в этом платье ты была бы просто одной из местных.

— Я выделяюсь в любом случае, — огрызнулась я. — Потому что я не отсюда. Потому что я не знаю ваших правил, ваших проклятых цветовых гамм и того, чем отличается праздничное платье от повседневного. И знаешь что? Это не моя проблема.

— Тогда, может, нам стоило оставить тебя тогда на алтаре? — раздался холодный голос Алана.

Он стоял в дверях, подперев плечом косяк. Рука на поясе, меч на боку. Взгляд — колющий, оценивающий. Я впервые видела его таким.

— Чтобы не тратить серебро на неблагодарную? — закончил он.

В комнате повисла тишина. Напряжение было таким плотным, что, казалось, можно резать ножом.

— Неблагодарная? — я шагнула к нему, чувствуя, как внутри поднимается волна ярости, смешанной с обидой. — Я вам что, должна ноги целовать за то, что вы сделали то, что любой нормальный человек сделал бы на вашем месте? Вы спасли меня от демона — спасибо. Я помню. Я скажу спасибо. Сто раз скажу. Но это не значит, что вы теперь мои папаши и можете решать, что мне носить, когда мне спать и кто меня целует!

— Никто тебя не целует, — буркнул Алан.

— Пока нет, — парировала я. — Но я уже вижу, куда ветер дует. Сначала меня переодевают без спроса. Потом я просыпаюсь в обнимку с вашим другом. Потом вы покупаете мне платье, в котором я выгляжу как идиотка. Что дальше? Замуж выдадите за подходящего парня?

Алан дёрнул глазом. Рав глубоко вздохнул и провёл рукой по лицу.

— Лейа... Аля... послушай, — начал он, но я перебила.

— Что слушать? Что вы хотели как лучше? Лучшее — враг хорошего. Я сама решу, что мне носить. Вы не в моём мире, а я не в вашей армии. У нас равноправие или как?

Рав выдохнул и сел за стол, положив локти на столешницу.

— Хорошо, — сказал он устало. — Как ты предлагаешь решить вопрос с одеждой?

— Просто, — я взяла со стола лист бумаги и карандаш, который нашла в ящике комода. — Я рисую, что мне нужно. Ты отдаёшь портному. Он шьёт. Я плачу. Или вы даёте в долг, раз уж я сожгла платье, которое я не просила покупать.

— Договорились, — кивнул Рав.

Я села за стол и начала рисовать. Пальцы летали по бумаге, как будто тосковали по привычному движению — эскизы, наброски, выкройки. Руки помнили то, что голова уже почти забыла: как рисовать куртку с воротником-стойкой, как обозначить меховую окантовку, как сделать штаны в обтяжку, но не тесными. Сапоги на низком каблуке — ровно три сантиметра, чтобы не сломать ногу на первой же кочке.

Я чувствовала, как парни смотрят на меня через плечо. Алан — с недоверием. Рав — с любопытством.

— Ты серьёзно носишь такое? — спросил Рав, когда я закончила куртку и принялась за свитер.

— Серьёзно. И не пытайся меня переубедить. Чёрный цвет — классика. Не маркий, не кричащий, подходит ко всему. На этом всё.

— А юбки? — подал голос Алан.

— Юбки — по ситуации. Но не до пола и не с бантиками. И уж точно не, если я собираюсь ехать верхом или, не дай боги, убежать от демонов. В юбке я споткнусь на первой же кочке.

— Ты очень... практичная, — заметил Рав.

— Я умею выживать.

Я подняла голову и встретила его взгляд. Он смотрел на меня без насмешки. Серьёзно. Будто впервые видел во мне не «взбалмошную девицу», а кого-то, кто умеет постоять за себя.

— Сколько это будет стоить? — спросила я, возвращаясь к рисунку.

— Дороже, чем то платье, — вздохнул Алан. — Кожа, мех, ускоренная работа портного. Я думаю, около двадцати серебряных.

— У меня нет ваших денег, — призналась я. — Вообще.

Алан молча выложил на стол кожаный мешочек. Звякнуло серебро.

— Мы уже заплатили за платье. Ты его сожгла. Теперь платишь ты, — сказал он ледяным тоном. — Но у тебя нет денег. Поэтому мы даём тебе займы. Двадцать монет. Отработаешь или вернёшь, когда появится возможность.

— Я же сказала да, — кивнула я, чувствуя, как к щекам приливает кровь.

— Тогда дорисовывай, — Алан взял эскиз, повертел его в руках и передал Раву. — Я найду портного. Думаю, он сделает всё к вечеру. Но мы не можем ждать долго. Завтра рано утром выезжаем.

Я открыла рот, чтобы возразить, но он поднял руку.

— Не спорь.

— Я и не спорю, — я взяла мешочек с серебром, взвесила на ладони. Тяжёлый. Двадцать монет — целое состояние для этого мира. — Я просто скажу спасибо. И отдам, когда смогу.

— Будем считать, что это аванс за услуги, — буркнул Алан и вышел.

Мы остались вдвоём с Равом. Я сидела над эскизами, он стоял у окна, глядя на заснеженную улицу.

— Ты злишься, — сказал он тихо.

— Нет, — я отложила карандаш. — Устала. И да, злюсь. Но не на вас. На обстоятельства. Он повернулся, подошёл ко мне и положил руку на плечо. Я не отодвинулась.

— Я понимаю, — тихо сказал Рав. — Ты потеряла всё. Мир, дом, язык. Даже привычную одежду. Это тяжело.

— Ты даже не представляешь насколько, — я посмотрела на эскизы. — Вот, например, эти штаны должны быть чёрными, а этот свитер — тёмно-серым. А куртка — чёрная с белым мехом. А вы тут со своими сиреневыми цветами...

— Напиши на рисунках, — предложил он. — Портной поймёт.

— Я не умею писать на вашем языке, — призналась я. — Читать тоже.

— Почему ты сразу не сказала? — Рав взял мою руку с карандашом. — Это проблема.

— Я знаю, — я отдёрнула руку. — Но я не смогу выучить алфавит за один день.

— А с магией — сможешь, — он улыбнулся. — Не совсем выучить, но сильно ускорить процесс. Есть заклинание копирования навыков. Его используют при изучении языков. Хочешь попробовать?

— А это не больно?

— Нет. И не опасно. Просто на время твоя рука будет запоминать правильное написание слов, которые ты видишь или слышишь. И одновременно зрение начнёт узнавать буквы и складывать их в слова, даже если ты раньше никогда их не видела. Выученные буквы же в твоей памяти уже самостоятельно будут собираться в необходимые слова, и ты сможешь всё читать без проблем, будто знаешь язык с детства. А после заклинание рассеется, и часть навыка останется с тобой навсегда.

Я подумала секунду.

— Давай, — решила я. — Если ты меня в лягушку не превратишь.

Рав рассмеялся, взял лист бумаги, написал на нём красивым ровным почерком весь их алфавит, а ниже — несколько простых слов и короткую фразу: *«Привет, меня зовут Лейа»*. Потом положил лист передо мной, взял мою правую руку в свои ладони и что-то прошептал. Я почувствовала лёгкое покалывание в кончиках пальцев — тёплое, не неприятное.

— Теперь попробуй написать, — сказал он, отпуская мою руку.

Я взяла карандаш и — о чудо! — пальцы сами вывели букву за буквой, ровно, красиво, без ошибок. Я смотрела на написанное и не верила своим глазам.

— Это... невероятно, — прошептала я.

— Потренируешься пару дней — и сможешь писать без заклинания, — сказал Рав. — А пока попробуй подписать свои эскизы. Я прослежу, чтобы портной ничего не перепутал.

Я быстро, уже уверенно, написала на каждом рисунке цвета и ткани. Потом посмотрела на Рава.

— Спасибо, — сказала я тихо. — Это правда очень помогло.

— Будем считать, что мы в расчёте, — он взял эскизы. — Ты не сожгла больше ни одного платья, а я учу тебя писать.

— Честный обмен, — усмехнулась я.

— Честнее некуда.

Я смотрела на буквы, которые моя рука теперь узнавала, и чувствовала, как внутри поднимается странное, тёплое чувство — благодарности, что ли? Или чего-то большего? Я отогнала его.

Не время. Не место. Не с ним.

— Я правда хотел помочь, — сказал он. — И Алан тоже. Мы, может, и не всегда умеем выбирать женскую одежду. У нас ведь были только казармы и магические академии.

— Я поняла, — я подняла на него глаза. — Но в следующий раз лучше меня спрашивайте. Ладно?

— Ладно.

На следующее утро за завтраком, который нам принесли прямо в комнату — хозяин гостиницы, всё ещё не оправившийся от визита магов, предпочитал не показываться на глаза, а Алан, хмуро глядя в окно, сообщил нам:

— Дороги завалило. Метель будет ещё дня три, не меньше. Придётся ждать.

— Чудно, — пробормотала я, жуя гренку с мёдом. — Значит, я заперта в этой дыре с двумя магами, и с кучей местных, которые хотели принести меня в жертву.

— Сектантов мы убили, — напомнил Рав, прихлёбывая травяной чай. — Остальные селяне теперь нас боятся. Никто не сунется.

— И на том спасибо, — я вздохнула. — Ладно, будем считать это отпуском. Только без теплого моря и солнца.

Алан, как всегда, промолчал, но я заметила, что он смотрит то на меня, то на Рава с каким-то странным выражением — словно прикидывает что-то в уме. И действительно, ближе к вечеру, когда я уже начала клевать носом, он вдруг поднялся с кресла и потянулся.

— У нас с Равом отдельная комната, дальше по коридору, — сообщил он. — Но кто-то должен дежурить здесь. На случай, если тебе станет плохо или сектанты всё-таки решат вернуться.

— Я в порядке, — возразила я.

— Ты вчера стонала во сне, — напомнил он. — Так что дежурство — мера разумная.

Я хотела возмутиться, но Рав, сидевший у камина, вдруг произнёс:

— Я могу остаться. Ты, Алан, и так почти не спал прошлой ночью.

Алан перевёл взгляд с него на меня, потом обратно. На его лице мелькнуло что-то странное — то ли усмешка, то ли понимание, — но он тут же спрятал это за своей обычной невозмутимостью.

— Хорошо, — сказал он. — Рав останется. У него это получается лучше.

Он развернулся и вышел, а я осталась сидеть с открытым ртом.

— Что это было? — спросила я, глядя на закрывшуюся дверь.

— Понятия не имею, — ответил Рав, но в его голосе мне почудилась нотка смущения. — Алан иногда говорит загадками.

С этого дня повелось: днём они оба были рядом, а по ночам дежурил Рав. Алан всегда находил какой-то странный предлог, чтобы не оставаться со мной на ночь — то ему нужно проверить лошадей, то разобрать оружие, то просто «выспаться, чтобы завтра быть в форме». И всякий раз, уходя, он бросал на нас короткий взгляд, в котором мне чудилось что-то неуловимо хитрое. Будто он знал что-то, чего не говорил вслух.

В первую же ночь их «дежурства» мне приснился кошмар. Каменный стол, бородатый жрец, нож, толпа, скандирующая «Карала!». Я закричала и села в кровати, дрожа, чувствуя, как фантомная боль в запястьях пульсирует в такт сердцу.

Рав мгновенно оказался рядом — он не спал, сидел на стуле у камина с книгой. Отложив её, он опустился на край кровати, и его руки осторожно легли мне на плечи.

— Тише, тише, — его голос был низким и спокойным. — Это сон. Всё закончилось. Ты в безопасности.

— Они опять... опять меня резали, — прошептала я, вцепившись в его рубашку, пытаюсь отдышаться.

— Никто тебя не тронет, — твёрдо сказал он. — Я здесь. Слышишь? Я не уйду, пока ты не уснёшь.

— Расскажи что-нибудь, — попросила я, всё ещё не отпуская его. — Что угодно. Отвлеки меня.

Он помолчал, потом осторожно высвободился, подбросил дров в камин и сел на стул рядом с кроватью.

— Что ты хочешь услышать?

— Про себя расскажи... Откуда ты?

— Меня нашли на поле боя, — начал он негромко, глядя в огонь. — Я был изранен, без памяти, в луже крови. Думали — мёртвый. Но местный правитель, объезжавший поле после битвы с демонами, заметил, что я ещё дышу. Приказал забрать и выходить. Его лекари возились со мной несколько недель. Когда я очнулся, выяснилось, что я не знаю, кто я, откуда, сколько мне лет. Ни имени, ни дома, ни прошлого. Только странная светлая коса и странная способность к магии, которая проявилась гораздо сильнее, чем у остальных. Правитель написал рекомендательное письмо в Академию и отправил меня туда. Вот так я и оказался в Академии, обрезал косу, стал Архимагом.

— Совсем ничего о себе не помнишь? — тихо спросила я.

— Ничего. Но иногда мне снятся сны — ледяные горы, бескрайние снежные равнины, ветер, который поёт на непонятном языке. Но когда просыпаюсь — ничего не могу удержать. Только холод остаётся. Всегда холод.

Он замолчал, и в комнате повисла долгая пауза, нарушаемая лишь потрескиванием дров. Я смотрела на его профиль, освещённый пламенем, и впервые видела перед собой не странного мага, а человека, который потерял всё и собрал себя по крупицам. Но в этой тишине в моей голове вдруг всплыл совсем другой вопрос — тот, что мучил меня с момента пробуждения.

— Рав, — осторожно позвала я. — Можно спросить?

— Спрашивай.

— Ты Архимаг. И скорее всего сильнейший маг. Как тогда получилось, что какие-то деревенские сектанты смогли выкрасть меня прямо из гостиницы, пока вы с Аланом были здесь? Ты ведь должен был почувствовать. Должен был...

Он вздохнул и провёл рукой по лицу. Видно было, что этот вопрос терзает его самого не меньше, чем меня.

— Эта деревня стоит на мёртвой зоне, — негромко ответил он. — Место, где магия почти не работает. Я не знаю точно, почему так: может быть, здесь когда-то прошла битва с демонами и земля до сих пор помнит ту боль. Может быть, наоборот — здесь никогда не было сильных магических потоков, и сама почва отторгает чары. В таких местах даже Архимаг становится почти обычным человеком. Мы поставили охранные заклинания вокруг твоей комнаты, но они сработали в разы слабее, чем должны были. А когда тебя похитили, мы вообще ничего не почувствовали.

— То есть ты хочешь сказать, что здесь, в этой гостинице, ты не можешь колдовать? Совсем?

— Не совсем, — он покачал головой. — Простейшие заклинания — зажечь камин, подсушить одежду, наложить лёгкое заклинание запоминания — ещё получаются. Но что-то серьёзное — сильные боевые чары, защитные барьеры, телепортация — почти невозможно. Поэтому я и не смог тебя уберечь. И до сих пор злюсь на себя за это.

Я смотрела на него и видела, как тяжело ему даются эти слова. Архимаг, привыкший, что его боятся и уважают, сейчас сидел передо мной и признавался в собственной беспомощности. И от этого он казался мне ещё более... живым. Настоящим.

— Ты не виноват, — тихо сказала я. — Ты не знал. И всё равно пришёл за мной.

— Чудом успел, — он горько усмехнулся. — Ты сама себя вытащила. Мы просто ворвались и добили тех, кто остался. А ты сидела на жертвенном столе и жутко ругалась на неизвестном языке.

— Это моя защитная реакция, — я слабо улыбнулась. — Когда страшно, я начинаю орать и ругаться на всех.

— Эффективно, — он посмотрел на меня с теплотой, и в его глазах больше не было привычной насмешки. Только усталость и что-то ещё — то ли благодарность, то ли нежность, — чему я пока не могла дать названия.

Мы замолчали. За окном по-прежнему выла метель, но в комнате было тепло и тихо. И я впервые за долгое время почувствовала себя в безопасности — не потому, что меня охраняла магия, а потому, что рядом был человек, который честно признался в своей уязвимости и всё равно остался.

А на следующий день я проснулась с ощущением, что голова набита мокрой ватой. В горле першило, нос не дышал, а тело ломило так, будто по мне проехала телега. Попыталась встать — комната покачнулась.

— Лежи, — раздался знакомый голос.

Рав сидел на стуле у моей кровати с книгой в руках. Судя по закладке, он был здесь уже давно. На тумбочке стояли тазик с водой, чистая тряпица, кружка с отваром, горшочек с мёдом и несколько склянок.

— Даже умирающую девицу нельзя оставить без присмотра? — прохрипела я.

— Особенно умирающую, — он отложил книгу и приложил ладонь к моему лбу. Его рука была прохладной, а прикосновение — осторожным, почти невесомым. — Жар ещё держится. Как ты умудрилась?

— Наверное, когда босиком по комнате ходила, — пробормотала я. — Или от окна дует. И на том алтаре простыла.

— Алан притащил травы от местной знахарки. Я приготовил отвар. Пей.

Он поднёс кружку к моим губам. Я выпила, поморщилась — горько.

— Ты меня травишь?

— Это единственное, что работает здесь, — он усмехнулся. — Серьёзные заклинания для выздоровления здесь не тянут, но травяные настои и легкие заклинания лечения — вполне. Я выпила всё, стараясь не кривиться слишком сильно, и откинулась на подушку.

— А Алан где?

— Пошёл проверять лошадей, — ответил Рав. И, помедлив, добавил: — Он сказал, чтобы я присмотрел за тобой. Сказал, что у меня это получается лучше.

— А что, есть с кем сравнивать?

— Видимо да, — он отвёл глаза. — Алан вообще временами говорит загадками. Я уже перестал спрашивать.

Я закрыла глаза. В комнате было тихо — только треск дров в камине да звук перелистываемых страниц. Это успокаивало.

— Не уходи, — прошептала я, проваливаясь в дрему.

— Я здесь.

Сквозь полусон я почувствовала, как он смочил тряпицу в прохладной воде и осторожно положил мне на лоб. Его пальцы на секунду задержались на моём виске. Последнее, что я помню, — ощущение, что кто-то гладит меня по волосам, легко, почти невесомо.

Проснулась я уже под утро. Жар спал. На стуле, откинув голову к стене, спал Рав — книга выпала из его рук. Я осторожно укрыла его пледом и вернулась в кровать. Засыпая, я думала о том, что в моём мире ни один мужчина не сидел бы у моей постели всю ночь. И от этой мысли было тепло.

На следующий день, когда Рав поправлял мне подушку, он случайно сильно задел моё запястье. Я дёрнулась — резко, непроизвольно, как от ожога. Он замер, а я тут же отдёрнула руку, пряча её под одеяло. В комнате повисла тишина.

— Почему ты так реагируешь? — спросил он, наконец. В его голосе не было осуждения, только осторожность и что-то, похожее на боль. — Я заметил, что иногда, когда я касаюсь тебя, ты вздрагиваешь. Что с тобой было?

Я долго молчала, уставившись в потолок. Потом тихо заговорила:

— Там, в моём мире, был человек. Его звали Дима. Сначала он был нежным, говорил, что я особенная. А потом начал требовать, чтобы я стала для него удобной. Он не бил меня, нет. Но когда я пыталась уйти, или сделать что-то по-своему, он хватал за плечи — сильно, до синяков. Прижимал к стене. Удерживал, пока я не переставала вырываться. Этого было достаточно, чтобы я чувствовала себя беспомощной. И другое... тоже.

Рав молчал. Его кулаки медленно сжались.

— Мне удалось уйти, но я поклялась, что больше никогда не позволю никому так ко мне прикасаться. Поэтому, когда кто-то делает это слишком резко, я снова чувствую себя той девочкой, которую силой заставляют подчиниться. А я не хочу быть «удобной», когда моё мнение ничего не значит.

Он медленно выдохнул, подошёл к камину и долго стоял там, глядя в огонь.

— Я не знал, — сказал он глухо. — Прости. Я буду осторожнее.

— Ты уже осторожен, — заметила я. — Спасибо.

Он не обернулся, но я увидела, как его плечи слегка расслабились.

Алан уходил теперь почти сразу после ужина, оставляя нас с Равом вдвоём. В один из таких вечеров я порылась в своей сумке и извлекла на свет старую, слегка потрёпанную колоду карт.

— Что это? — Рав удивлённо уставился на прямоугольные кусочки картона с незнакомыми символами.

— Карты, — я развернула колоду веером. — Из моего мира. У нас это обычное дело — играть в карты. Тут играют во что-то подобное?

— Никогда таких не видел, — он осторожно взял одну карту, повертел. — У нас играют в кости, в руны, иногда в фигурки на доске. А это... забавно.

— Хочешь научиться? Правила простые, — и я быстро объяснила ему основы простейшей карточной игры на двоих. Он схватывал на лету, и уже через четверть часа мы сидели друг напротив друга с картами в руках.

— Скучно, — заявила я после нескольких партий. — Ты выигрываешь, я выигрываю — какая разница, если мы ничего не ставим?

— А ты азартна.

— Я реалистка. Игра без ставки — просто раскладывание бумажек. Давай, сыграем на желания. Без глупостей, без магии. Идёт?

— Идёт.

Первая партия осталась за мной. И я неожиданно, даже для себя, спросила его:

— Что ты чувствуешь прямо сейчас? Честно.

Он помолчал, вертя в пальцах карту.

— Странное спокойствие. Рядом с тобой я не чувствую себя Архимагом. Просто собой. И мне это... нравится.

Я смутилась и поспешно сдала карты. Следующую партию выиграл он.

— Расскажи мне о своём мире. О чём-то простом. О месте, где ты была счастлива.

Я начала рассказывать о море, о дощатом пирсе, о запахе водорослей, об отце, который учил меня плавать. Голос дрогнул, и я замолчала, чувствуя, как к глазам подступают слёзы.

— Спасибо, — тихо сказал он. — Я почти увидел это.

Третью партию выиграла я. Я посмотрела ему в глаза и спросила:

— Расскажи мне про Архимага. Я хочу понять, что это значит на самом деле.

Он отложил карты и начал рассказывать — о Совете магов, о «первом среди равных», о правителе, о политических интригах этого мира, о тех, кто может пострадать из-за этих интриг. Я слушала, не перебивая.

— Поэтому я и берегу тех, кто мне дорог, — закончил он и посмотрел мне прямо в глаза. Я почувствовала, как сердце пропустило удар.

— Ещё партию? — спросила я, чтобы сбросить напряжение.

— Нет. На сегодня хватит. Я и так проиграл больше, чем планировал.

— Это не проигрыш. Это честность.

— Спасибо за честность, Рика.

Он встал и пересел к камину — поближе к огню, который уже почти догорел. Я думала, что он, сейчас уйдёт к себе, а вместо него может быть в этот вечер будет дежурить Алан, но вместо этого он откинулся на спинку стула и, кажется, вовсе не собирался прощаться.

— Спасибо за эту честность, Рика.

— Ты уже говорил, — я слабо улыбнулась, всё ещё чувствуя странное тепло внутри.

— Знаю. Но иногда слова стоят того, чтобы их повторить.

Мы замолчали. Он смотрел в огонь, я — на него. Между нами повисла та самая тишина, которая за последние дни стала почти привычной — не неловкой, а скорее уютной, как старое одеяло, согревающее в метель. В камине треснуло полено, взметнув сноп искр, и Рав, встре-
пенувшись, поднялся.

— Поздно. Тебе нужно спать.

— А тебе?

— Я подежурю.

Он набросил свой плащ на спинку стула, устраиваясь поудобнее, и я поняла, что спорить бесполезно. Но прежде чем забраться под одеяло, я помедлила, покусывая губу. Слова застряли где-то в горле — не то чтобы мне было страшно, скорее неловко. Но видеть, как он снова сворачивается в неудобной позе на жёстком деревянном стуле, было выше моих сил.

— Рав, — позвала я тихо, почти шёпотом.

Он обернулся.

— Стул неудобный. А кровать большая. Если хочешь... ложись здесь. Только спать, — добавила я поспешно, чувствуя, как щёки заливают румянец. — Ты всю ночь дежуришь, спина заболит на стуле. Я просто... мне будет спокойнее. И ты, возможно, выспишься.

Он смотрел на меня несколько секунд, и я уже мысленно проклинала себя за эту дурацкую просьбу. Но потом он молча поднялся, снял сапоги и осторожно, словно боясь спугнуть, сел на край кровати.

— Спасибо, — сказал он так тихо, что я едва расслышала.

Я подвинулась, освобождая место, и легла, повернувшись на бок. Через минуту он тоже вытянулся, стараясь держаться как можно ближе к краю — благородно, почти целомудренно. Между нами оставалось расстояние, но я чувствовала тепло его тела, слышала его дыхание, и от этого в груди разливалось странное, непривычное спокойствие.

Я закрыла глаза и провалилась в сон без кошмаров.

Следующий день прошёл как в тумане. Метель, наконец, выдохлась, оставив после себя сугробы в человеческий рост и звенящую тишину. Алан ушёл проверять дорогу к конюшне, Рав возился с оружием, а я просто сидела у окна и смотрела, как солнце играет на снегу. Мы почти не разговаривали — каждый думал о своём, но это молчание не было тягостным. Оно было... правильным. Словно мы все трое, сами того не замечая, научились существовать рядом, не нарушая границ друг друга.

А вечером Алан ушёл особенно рано — бросил на ходу что-то про «проверить сбрую» и скрылся за дверью, прежде чем кто-то из нас успел ответить. Мы с Равом переглянулись, и я почувствовала, как уголки губ сами собой ползут вверх.

— Он это специально, — заметила я.

— Уже не сомневаюсь, — отозвался Рав с лёгкой усмешкой.

Мы с Равом остались вдвоём. Я сидела на кровати, закутавшись в плед, он устроился на стуле у огня.

— Иди сюда. Кровать большая, места хватит. Только без глупостей.

Он хмыкнул, но поднялся и сел на кровать, прислонившись спиной к изголовью. Я подвинулась, освобождая ему место, и мы оказались плечом к плечу.

— Так теплее, — заметила я.

— Теплее, — согласился он.

Мы замолчали. Я чувствовала тепло его тела, слышала ровное дыхание. Веки налились тяжестью. Моя голова сама собой склонилась, уткнулась в его плечо. Он замер на секунду, а потом осторожно положил ладонь на мои волосы и начал медленно перебирать пряди.

— Что ты делаешь? — пробормотала я, не открывая глаз.

— Не знаю. Просто приятно.

Я не стала спорить. В полусне я услышала его голос:

— Иногда мне кажется, что я знал тебя раньше. В какой-то другой жизни. Там, где были только снег и тишина.

— Может, так и было, — прошептала я.

Я заснула. Проснулась на рассвете: моя голова лежала у него на коленях, его пальцы всё ещё запутались в моих волосах. Я осторожно поднялась, укрыла его пледом. Сердце колотилось. Я запретила себе думать о том, что это значит. Но улыбка всё равно не сходила с губ.

Прошёл ещё день. Алан ушёл сразу после ужина, даже не придумывая предлога. На тумбочке стояла бутылка домашней настойки — подарок хозяина гостиницы.

— Будешь? — Рав кивнул на бутылку.

— Наливай, — я пододвинула кружку. — Я русская, меня настойкой не напугаешь. К тому же после того, что я пережила, мне пара глотков явно не помешает.

Он хмыкнул, разлил. Я отпила — терпкая, с травяным привкусом, приятно обжигает горло.

— Расскажи мне об Арануме, — попросила я. — Хочется понять, куда я попала.

— Аранум... — он задумался. — Это старый мир. Ему около десяти тысяч лет. Люди здесь живут бок о бок с аранумарцами, гномами, оборотнями. Когда-то были ещё драконы и единороги, но они ушли во время Великой войны с демонами.

— Великой войны?

— Шесть тысяч лет назад, — кивнул он. — Прорвались полчища. Мир чуть не погиб. Магические существа отдали жизни, чтобы закрыть порталы.

— Как Крааг.

— Крааг был не самым сильным. Бывают и похуже.

— За злость, — поднял он кружку.

— За злость, — эхом отозвалась я, и мы чокнулись.

Пауза затянулась. Я вдруг заметила, что Рав уже несколько минут сидит в неудобной позе, поджав под себя ногу, и то и дело морщится, разминая затёкшую шею. Стул у камина был старым, скрипучим и явно не рассчитанным на долгие посиделки.

— У тебя спина скоро отвалится, — заметила я. — Давай переместимся на кровать, пока ты не превратился в старика раньше времени.

Он усмехнулся, но спорить не стал. Мы перебрались на широкую гостиничную кровать, устланную мягким одеялом, и устроились, прислонившись спинами к деревянному изголовью. Бутылку я предусмотрительно захватила с собой и поставила на тумбочку. Ноги вытянули, укрыв их одним пледом — в комнате было тепло, но от окна всё равно тянуло холодом.

— Вот так-то лучше, — сказал он, откидывая голову на подушку. — Стул действительно был ужасным.

— А ты терпел, — я пихнула его локтем в бок. — Герой.

— Архимаг, — поправил он с лёгкой усмешкой. — Привычка.

— А что было дальше? — спросила я, подливая себе ещё настойки. — Как выжившие отстроились?

Рав сделал глоток и откинулся на подушки.

— Дальше началась новая эпоха. Аранумарцы, люди, гномы и оборотни — все, кто уцелел, — заключили Великий Союз и поделили земли. Аранум стал центром, потому что здесь сохранились самые сильные магические школы и древние библиотеки. Постепенно королевство разрослось, поглотив соседние княжества. Сейчас это самое могущественное государство на континенте. Но не единственное.

— А что за соседи? — я уже устроилась поудобнее, поджав ноги.

— На южном побережье — Вольная Лига. Это союз портовых городов-республик: Россерум, Арджентия, Маренция, Салёрна, Вентия и другие. У них нет короля, всё решают купеческие советы и выборные консулы. Богатые, как демоны, и такие же хитрые. Торгуют всем подряд — от пряностей до артефактов. Аранум с ними то воюет, то дружит, но, в открытую ссориться никто не хочет — слишком много денег на кону.

Он помолчал, покрутил кружку в пальцах.

— К востоку от нас, за Серебряными горами, лежит Королевство Сар. Там правят люди, но живут вперемешку с оборотнями и аранумарцами. Их столица Арк-Сар высечена прямо в скале — впечатляющее зрелище, я тебе скажу. А ещё дальше на восток, за Лесом Тысячи Теней, есть королевство Харад-Тар — там живут только оборотни, чистокровные. Они недолюбливают Аранум.

— Почему?

— Старая история. Земельные споры, ещё со времён Войны. Они считают, что Аранум захватил их исконные территории. И, честно говоря, они правы. Но с тех пор много воды утекло, а обиды остались.

Я задумчиво кивнула.

— А что ещё есть?

— Много чего, — он усмехнулся. — Под горами, что тянутся через весь континент, лежит Подгорное Королевство гномов. Они не любят «поверхностных жителей», но торгуют с нами охотно. Их рунная магия — лучшая в мире. Мечи, доспехи, артефакты — всё, что выковано гномами, ценится на вес золота. Буквально.

— А на севере?

— Там, за Ледяным Хребтом, — Нордхейм. Суровые ребята, живут набегам и рыбной ловлей. В прошлом веке их конунг даже пытался захватить северные провинции Аранума, но получил по зубам и с тех пор сидит тихо. Почти.

Он сделал ещё глоток и продолжил.

— На западе, за морем, есть ещё Империя Талмор. Очень большой остров. Они называют себя Владыками Морей. С ними Аранум соперничает за торговые пути. Столица у них — Сильверпорт, огромный порт, где сходятся корабли со всего света.

Я слушала, затаив дыхание. Оказывается, мир вокруг был гораздо больше, чем я представляла. А Рав продолжал рассказывать о королевствах, о пустынях и степях, о далёких восточных землях за горами. Я заснула под его голос. Проснулась на рассвете: моя голова лежала у него на коленях. Я осторожно поднялась, укрыла его одеялом. Сердце билось ровно. Впервые за долгое время я не боялась будущего.

На следующий вечер Алан не ушёл сразу. Он сидел в кресле у камина, точил кинжал и, казалось, совершенно не собирался покидать комнату. Я переводила взгляд с него на Рава, чувствуя, что между ними что-то происходит — какое-то молчаливое решение, принятое без меня.

Наконец Алан отложил кинжал и посмотрел прямо на меня.

— Рав рассказал мне, — произнёс он ровным голосом, в котором, однако, слышалось напряжение. — О том, что ты ему говорила. О том человеке из твоего мира. О Диме.

Я замерла. Рав сидел у окна, не вмешиваясь, но я видела, как он напряжён.

— Я не просил его рассказывать, — сказал Алан, заметив мой взгляд. — Но он счёл нужным. И я рад, что он это сделал. Потому что теперь я понимаю... многое.

Он поднялся, сделал несколько шагов по комнате, остановился.

— Ты боишься, что тебя снова подчинят. Что отнимут право выбирать. Что любое прикосновение без спроса к тебе — это насилие. — Он говорил спокойно, но каждое слово падало тяжело. — Я понял. Мы оба поняли.

— Вы..., — начала я, но он поднял руку.

— Дай договорить. То платье... мы не подумали. Мы привыкли решать за других: куда идти и что делать. Но ты не солдат и не подчинённый. Ты — слабая женщина, которую внезапно выдернули из её мира, и у тебя есть полное право злиться. И бояться.

Он посмотрел на Рава, потом снова на меня.

— Я хочу, чтобы ты знала: пока ты с нами, никто не посмеет тебя тронуть без твоего согласия. Ни я, ни Рав, ни кто-либо ещё. Если мы когда-нибудь переступим эту черту — можешь ударить нас, и мы не ответим.

— Я не..., — начала я, но голос дрогнул.

— Мы не идеальны, — тихо добавил Рав, не оборачиваясь от окна. — Но мы стараемся. И я, — он помедлил, — я никогда не сделаю тебе больно.

В комнате повисла тишина. Я смотрела на них — на Алана, который точил кинжал и говорил слова, которых я никогда не ожидала здесь услышать, и на Рава, который прятал глаза. И впервые за всё время, проведённое в этом мире, я почувствовала, что меня действительно слышали.

— Спасибо, — прошептала я, наконец. — Это значит для меня многое.

Алан кивнул и снова сел в кресло. Но прежде чем взять в руки кинжал, он бросил на Рава короткий взгляд — внимательный и, означавший, вероятно: «Ну вот, мы всё с ней выяснили. Теперь можно и о деле».

Прошло ещё два дня. Метель начала стихать, но дороги, по словам Алана, пока оставались непроходимыми. А я уже почти привыкла к заточению в гостинице, когда однажды вечером Алан вошёл в комнату с новым свёртком в руках.

— Только не кидайся им в камин сразу, — предупредил он сухо, но без прежней жёсткости. — Я объясню.

Я насторожилась. Он положил свёрток на стол и развернул. Внутри лежало платье. Темно-серое, из плотной шерсти, без цветочков и кружев. Простое, строгое, с длинными рукавами и высоким воротником. И плащ — серый, тёплый, на меховой подкладке.

— Портной сказал, что твои эскизы слишком сложны для него, — произнёс Алан. — Кожа, мех, особый покрой — в этой деревне такое не шьют. Но он смог сделать это. Цвет — то, что было. По крайней мере, не сиреневый.

Я взяла платье в руки. Ткань была мягкой, добротной. Да, это не были мои чёрные штаны и куртка. Но это было... достойно. И — я не могла не признать — заботливо.

— Спасибо, — сказала я тихо. — Оно... нормальное.

— Я рад, что ты оценила, — Алан позволил себе лёгкую улыбку. — Надень его, когда поедем. Выходить нам скоро.

Он вышел, оставив нас с Равом вдвоём.

Я сидела на стуле, всё ещё держа платье в руках, и молчала. Потом положила его рядом с собой и повернулась к Раву. Он смотрел на меня, не насмешливо, не грустно, а скорее выжидающе.

Я встала со стула так резко, что тот скрипнул по каменному полу, сама не понимая зачем. Что-то внутри — не благодарность, нет, скорее усталость от одиночества — толкнуло меня ближе к этому человеку, который, пусть и переступал иногда границы, но хотя бы пытался мне помочь. Я подошла почти вплотную, заглянула в его зелёные глаза и сказала едва слышно:

— Ты... ты правда всегда хочешь как лучше?

— Правда, — ответил Рав, не отводя взгляда.

И тогда я позволила себе на секунду расслабить плечи — ту самую секунду, когда его ладонь коснулась моей руки.

Мы стояли так несколько секунд. Я чувствовала тепло его ладони. Это было почти уютно. Почти.

А потом он наклонился и поцеловал меня.

Прямо в губы. Быстро, легко, почти невесомо — но это был поцелуй. Я почти ответила на этот поцелуй. Но прежде чем я успела опомниться, его руки сомкнулись у меня на спине — крепко, властно, не оставляя пространства для манёвра. Он прижимал меня к себе всё сильнее, и я не могла пошевелиться, не могла отстраниться, не могла даже повернуть голову. Его пальцы впились в ткань моей кофты, удерживая на месте, и от этого захвата — не грубого, но неумолимого — по телу пробежала дрожь.

Длилось это не больше нескольких секунд, но тут в моей голове словно взорвалась бомба.

«Что?! Мы же договаривались — никаких поцелуев! Он что, спятил? А если я сейчас его ударю? А если мне... понравилось? НЕТ! Не понравилось! Он держит меня! Он держит, а я не могу вырваться, как тогда, как с Димой!»

Я упёрлась ладонями в его грудь и рванулась изо всех сил. Я оттолкнула его с такой силой, что он сделал шаг назад и ударился спиной о стену.

— Ты охренел? — прошипела я, вытирая рот тыльной стороной ладони. — Какого лешего?!

— Аля, прости, — Рав поднял ладони в примирительном жесте, глаза его были полны раскаяния. — Я не хотел...

— Не хотел? А что ты хотел? — я повысила голос. — У нас был договор! Никаких поцелуев, никаких приставаний! А ты целуешь меня, как будто мы... не знаю... влюблённая парочка!

— Ты выглядела такой уязвимой, — сказал он, и его голос был полон искренней, почти жалкой ноты. — Мне показалось...

— А тебе не надо было казаться! Надо было думать головой!

— Что здесь происходит? — раздался голос Алана.

Он стоял на пороге, нахмурившись. Один взгляд на моё злое лицо и на растерянного Рава — и он всё понял.

— Рав, — сказал он жёстко.

— Да.

— Без разрешения?

— Я не подумал.

Алан закрыл глаза на секунду, и я увидела, как у него дёрнулся кадык. Он явно сдерживал себя.

— Аля, — обратился он ко мне уже мягче.

— Не надо, — я уже остыла, но в груди всё ещё klokотала обида. — Я хочу выйти отсюда, погулять, подышать.

— Не уходи, — попросил Рав. — Тебе пока нельзя выходить.

— А я не прошу разрешения выйти, — я машинально схватила свою сумку с вещами и направилась к двери. — Вы систематически нарушаете наши договорённости. Сначала переодели без спроса. Потом обнимали во сне — ладно, это я сама прилепилась, но и вы не ото-

двинулись. Потом купили уродливое платье. Потом дали денег взаймы, как будто я должница. А теперь этот поцелуй. Что дальше? Вы меня замуж возьмёте, пока я сплю?

— Аля, — Алан шагнул ко мне, загораживая дверь. — Остынь. Мы обсудим.

— Нечего обсуждать, — я отодвинула его плечом. — Мне нужен воздух. Не надо меня спасать, не надо защищать, не надо целовать. Я лучше прогуляюсь одна.

— Лейя! Нельзя! — крикнул Рав.

Я уже не помнила, как вылетела в коридор. Ноги сами несли меня, сердце колотилось где-то в горле, а перед глазами всё ещё стояло лицо Рава — растерянное, виноватое, но какое мне теперь до него дело?

Вниз по лестнице, мимо изумлённой прислуги, мимо какого-то постояльца с кубком в руке — он что-то крикнул мне вслед, но я не расслышала. Только ветер в ушах и гулкая пустота в груди.

Я выскочила на крыльцо — и мороз ударил в лицо, как пощёчина. Я даже не подумала одеться. На мне была только моя домашняя одежда: чёрные спортивные штаны с лампасами, мягкие кожаные сапоги на плоской подошве (те самые, которые я так и не успела сменить на местные) и старая серая кофта на молнии, которую я носила ещё в институте. В ней было тепло, пока я в помещении. А на улице — мороз, снег и ветер. Но мне было плевать.

Я побежала. Прочь от гостиницы, прочь от этих стен, где меня пытались сделать куклой. Колючий снег летел в лицо, сапоги скользили по насту, но я не останавливалась.

За углом, за углом, в переулок, потом вверх по улице — туда, где за крышами виднелся тёмный часток лес:

— Только бы не упасть. Только бы не оглядываться. Если я сейчас оглянусь и увижу, что они бегут за мной — я закричу. Или заплачу. Или и то, и другое.

А потом мне что-то послышалось. Голоса. Или не голоса — просто шум, треск за спиной. Я не знала, реально ли это, или нервы просто сдали. Но бежать стала быстрее. Сильнее. Почти не разбирая дороги, проваливаясь в сугробы, но только вперёд, подальше от всего, что там осталось.

Глава 4 "Русская закалка плюс здешняя магия".

Глава 4. «Русская закалка плюс здешняя магия».

*Бывали и в других землях товарищи,
но таких, как в Русской земле,
не было таких товарищей.
(Николай Гоголь, «Тарас Бульба»)*

Лес принял меня, как родной — ветвями, снегом, ледяной тишиной. Я провалилась в сугроб по колено, выбралась, побежала дальше. Пока лёгкие не начало жечь, пока в ушах не зашумело. Только тогда я остановилась. Потом просто упала на какой-то старый пенё, покрытый мхом и инеем.

Я сидела на старом, замшелом пне посреди заснеженной поляны. Ноги онемели от холода — сапоги промокли, пока я бежала по сугробам. Штаны на коленях потемнели от сырости. Кофта почти не грела, ветер пробирался под ткань и гулял по спине ледяными пальцами.

Я обхватила себя руками, зажмурилась и попыталась не дрожать. Не получалось. Меня трясло — от холода, от злости, от обиды. А может, от всего сразу.

Коленки сводило, пальцы на ногах я уже не чувствовала. В носу защипало от мороза, дыхание вырывалось белыми клубами и таяло в воздухе. Декабрь по местному календарю? Январь? Я не знала. Мне казалось, что я здесь вечность — сижу на этом проклятом пне, смотрю на чужое небо и не понимаю, как я вообще сюда попала.

— Дура, — сказала я себе. — Дура, дура, дура. Надо было стащить у них куртку. И шапку. И не выбегать на мороз в одной кофте.

Но в тот момент я думала только об одном — быть как можно дальше от них. От Рава с его поцелуями без спросу. От Алана с его холодными монетами. От их правильной, сиреневой, душащей меня заботы.

Слёзы застывали на ресницах. Я шмыгнула носом, поёжилась, поджала замёрзшие пальцы в сапогах. Лес молчал. Только снег тихо сыпался с веток, да где-то далеко ухал филин.

— А если я тут замёрзну насмерть? — подумала я вдруг. — Что тогда? Найдут меня весной? Или волки сожрут?

Мне стало страшно. Но сил встать и идти дальше не было.

Я просто сидела, стучала зубами и ждала чуда. Или конца.

И тут я разревелась.

Слёзы лились ручьями — солёные, обжигающие щёки на морозе. Я рыдала в голос, как маленькая, ни о чём не думая. Только чувствуя: обиду, одиночество, тоску по дому. По нормальной жизни, по людям, которые не будут целовать без спроса, лезть в душу, переодевать.

— Ой, надо же, сумку прихватила, — сквозь всхлипы пробормотала я, заметив, что моя сумка с вещами висит на плече. Рефлекс выживания сработал даже в слепой обиде.

В груди кольнуло: я им даже шоколадки хотела подарить — те ёлочки в яркой фольге, с орехами внутри. У нас же сегодня Рождество, кажется. По моему календарю. Или нет? А они и не знают, не увидят, не попробуют.

Всхлипывая, я уткнулась лицом в колени, позволяя рыданиям течь свободно. Лес молчал. Сосны шелестели хвоей. Птицы не пели. Только снег скрипел где-то вдалеке — кто-то приближался, громко ступая по насту.

Я подняла голову.

Прямо передо мной стоял мужик. Крепкий, лет пятидесяти, с седеющими спутанными волосами и лицом, изрезанным морщинами. Одежда на нём была грубая — домотканая рубаха, стёганные штаны, тулуп. Но глаза... серые, пронзительные. Совсем не местные.

— Девочка, — сказал он, и голос его сорвался на хрип. — Девочка... Ты... русская?!

Я замерла.

— Русская, — выдохнула я, едва веря своим ушам. — Русская. Аля. Из России. А вы? Откуда здесь ещё один русский? А как?

Мужик присел на корточки прямо передо мной, по-простому, по-деревенски, и взял меня за руку — крепко, по-отечески.

— Ты сейчас рыдала на весь лес вслух на русском языке. Я тоже русский, — сказал он. — Я дядя Миша. А по-здешнему — Михаль. Надо ж, землячка. Кто ж тебя такую маленькую обидел? Ты чего так рыдала-то душераздирающе?

Я хлюпнула носом и, уже не стесняясь, выложила ему всё.

Про аварию. Про демона Краага. Про пробуждение в гостинице. Про алтарь и жертвоприношение. Про парней, которые спасли, а потом переодели, купили уродливое сиреневое платье, дали займы денег — и поцеловали без спроса.

— А Рав этот, — спросил дядя Миша, — белобрысый? С зелёными глазами?

— Он самый.

— А второй — тёмненький, серьёзный, как сыч?

— Алан.

Дядя Миша крикнул, покачал головой и тяжело поднялся.

— Знаю я их, — сказал он. — Они вчера у меня были, спрашивали про тебя. А ты, выходит, от них сбежала. Ну, пойдём, милая. Ко мне в дом пойдём. Чайку попьем, обогреемся. Жена моя, Марица, человек добрый, умный. Придумаем, что с тобой делать. И домой вернуть — тоже поможем, чем можем.

Я кивнула, всхлипнула и подала ему руку.

Лес сомкнулся за нами, когда мы двинулись по тропинке, скрипящей под ногами. Впервые за много дней у меня появилась надежда — не на чудо, а на обыкновенное человеческое тепло. Тот, кто родился в России, поймёт: чужой мир перестаёт быть чужим, когда находишь в нём русскую речь и русскую душу.

Мы шли по лесу не спеша. Дядя Миша шагал уверенно, как человек, знающий в этом лесу каждую тропинку, каждый корень под снегом. Я плелась следом, иногда проваливаясь в сугробы, но он каждый раз оборачивался и подавал руку — молча, без лишних слов.

За полчаса пути он рассказал свою историю.

— В девяностые я служил начальником охраны у одного бандитского авторитета, — начал он, и в его голосе не было гордости, только простая констатация факта. — Типичный кадр той эпохи. Пушки, разборки, постоянная готовность к тому, что сегодня ты жив, а завтра — нет. В один из дней шёл я по периметру дачи, в руках — потрёпанный чемоданчик. Там у меня было оружие и направлялся я к оружейному хранилищу. И тут — взрыв.

Он помолчал, глядя куда-то в снежную даль.

— Привет от конкурентов. Очнулся я в этом самом лесу, на руках у красивой селянки. Она была знахаркой и дочкой местного старосты этой деревеньки. Марица её звать. Вылечила меня — раны затянулись под её заклинаниями и мазями. Потом я её от оборотня спас. Тварь вышла в ночи, но русская сила и военная выучка взяли верх.

Он усмехнулся, но усмешка вышла тёплой.

— Потом любовь случилась. Тихая, как лесной ручей, но крепкая. Поженились в маленькой часовне у реки. Нарожали детишек: Настеньку и Петрушу. А потом папенька супруги скоропостижно скончался — место старосты в деревне освободилось. Меня селяне и выбрали. Уважают за решимость. А я правлю твёрдой рукой, но справедливо. Жертвоприношения, например, запретил сразу. Как сказал — и без вариантов обсуждения.

Я вздрогнула при упоминании жертвоприношения. Дядя Миша заметил, но промолчал.

— И никто не спорил? — спросила я, осторожно переступая через упавшую ветку.

— А с кем спорить? — хмыкнул дядя Миша. — Фигура у меня внушительная, плечи широкие, кулаки тяжёлые.

— Лет пять назад здесь начались вторжения демонов, — продолжил он. — Чёрные трещины в реальности рвутся, как паутина, выпуская тьму. Логика нет никакой: демоны появляются хаотично, то у малой деревушки, то в чистом поле. Моя Земляничка, ну деревенька эта — одно из мест, где твари возникают чаще других. Поэтому маги из столицы здесь частые гости. Вчера, например, как говорят, Краага убили двое — один светлый, другой тёмный. Твои, выходит, спасители.

— Алан и Рав.

— Они самые. — дядя Миша кивнул. — Хорошие парни, между прочим. Я с ними парой слов перекинулся вчера, когда они тебя искали. Переживали, между прочим. Ты чего от них убежала?

— Ты уже спрашивал, — вздохнула я. — Платье, поцелуй, самоуправство. Долгая история.

— Ну и ладно, — он не стал давить. — Не хочешь — не рассказывай. Главное, что ты жива.

Мы вышли на опушку, и я увидела дом. Бревенчатый, крепкий, с резными наличниками на окнах. Крыша утопала в снегу, из печной трубы вился дымок. Двор был чисто убран, дрова аккуратно сложены поленницей. Всё говорило о хозяйском глазе и твёрдой руке.

На крыльце стояла женщина в тёплом платке, а рядом с ней — двое детей. Девочка лет восьми, с русыми косичками и любопытными глазами, и мальчик лет пяти, крепыш, в валенках и полушубке.

— Папка! — закричали они хором и бросились к нам.

Дядя Миша подхватил их обоих, расцеловал в щёки, поставил на землю.

— Знакомьтесь, — сказал он. — Это Аля. Она из России, как и я. Будет у нас сегодня в гостях. Вы там не шалите, поняли?

— Поняли, — девочка уставилась на меня с восторгом. — А ты демона когда-нибудь видела?

— Настенька! — прикрикнула женщина с крыльца. — Не приставай к человеку.

Она спустилась к нам, вытирая руки о фартук. Марица оказалась именно такой, как описывал дядя Миша: тёплая, с мягкими чертами лица и улыбкой, которая разгоняла любые тени. Ей было под сорок, но глаза оставались молодыми и живыми.

— Здравствуй, милая, — сказала она, беря меня за руку. — Проходи в дом. Замерзла небось. Обед уже на столе. Борщ с чесноком, хлеб свежий, наливочка ягодная. А там и поговорим.

— Спасибо, — выдохнула я, чувствуя, как к горлу подступает комок.

— Идиллия, — сказал дядя Миша, подмигивая.

— Ага, — кивнула Марица. — Идиллия с перчиком.

Внутри дом оказался ещё уютнее, чем снаружи. Большая русская печь занимала половину избы, от неё шло густое, ласковое тепло. Пахло хлебом, травами и чем-то сладким — то ли мёдом, то ли сушёными яблоками.

Я скинула сапоги, прошла к столу. Стол был массивный, дубовый, покрытый домотканой скатертью с вышитыми рунами и цветами. На нём уже дымилась миска с борщом, стоял каравай хлеба, соленья, квашеная капуста. В глиняном кувшине — наливка.

— Садись, — Марица пододвинула мне лавку. — Ешь, а потом и поговорим.

Я села. Дети — Настенька и Петруша — уже управились со своей едой и теперь сидели в горнице у окна с книжками. Дядя Миша занял место во главе стола, налил себе мутноватой жидкости из другого кувшина — самогон, как поняла я.

— А ты что будешь? — спросила Марица.

— Наливку, — сказала я. — Если можно.

— Конечно.

Я отхлебнула. Ягодная, сладкая, с лёгкой кислинкой. По телу разлилось приятное тепло.

— Хорошо, — выдохнула я.

— Ешь, — повторила Марица. — Всё потом.

Я ела. Борщ был густым, красным, с ломтиками сала и зеленью. Хлеб — с хрустящей корочкой и мягким мякишем. Соленья — хрустящие, пахнущие укропом. Я не помнила, когда в последний раз ела так спокойно, не оглядываясь, не боясь, что сейчас кто-то войдёт и что-то потребует.

Дядя Миша молчал. Марица хлопотала у печи, поправляла горшки. Только когда я доела вторую миску и отодвинулась, тяжело вздохнув, они переглянулись.

— Ну, — сказал дядя Миша. — Рассказывай теперь всё по порядку. С самого начала.

Я рассказала. Про аварию, про пробуждение в пещере, про демона Краага, про алтарь, про ритуал, про спасение, про гостиницу, про сиреневое платье, про поцелуй, про побег. Про то, что у меня больше нет ни дома, ни документов, ни денег. Про то, что я хочу вернуться.

Марица слушала молча, кивая, иногда вздыхала. Дети в горнице шелестели страницами. На улице начинало темнеть, в избе зажгли свечи.

— Тяжёлая у тебя история, — сказала, наконец, Марица. — Но ты жива, и это главное. А живой человек всегда может начать сначала.

— А как? — спросила я. — У меня ничего нет. Даже имени, если не считать шуточного.

— Шуточного? — поднял бровь дядя Миша.

— Лейа. Я так для здешних назвалась. В честь принцессы из космической сказки.

— Принцесса, значит, — он усмехнулся. — Ну что ж, Лейа так Лейа. Имя красивое, нездешнее. Никто не заподозрит.

Он замолчал на несколько секунд, пристально глядя на меня поверх кружки. Я поймала его взгляд — серый, пронзительный, оценивающий. А потом он поставил кружку на стол и сказал:

— Слушай, Аля... вернее, Лейа. Я тут подумал. Ты пришла из нашего мира, но ничего об этом не знаешь. Парни твои — они тебя спасли, но, как я вижу, многого не рассказали. А ты ведь должна понимать, куда попала и с кем имеешь дело.

Я насторожилась.

— Ты о чём?

— О том, — он понизил голос, хотя мы были в доме одни, — что в этом королевстве не всё так просто, как кажется. Демоны, маги — это только верхушка. Если ты собираешься здесь выжить и найти дорогу домой, тебе нужно знать правду. Всю правду. Не приукрашенную.

— Почему ты мне это рассказываешь? — спросила я, чувствуя, как моё сердце начинает биться чаще.

— Потому что своих надо предупреждать, — просто ответил дядя Миша. — Я тоже чужак здесь. Двадцать лет прожил, а всё равно помню, как страшно было в первые дни. Если бы мне кто-то тогда объяснил, что к чему — может, я быстрее освоился, меньше ошибок наделал. А у тебя времени нет на ошибки, девочка. Тебя ищут, а ты — как слепой котёнок. Так что слушай и запоминай.

Он отодвинул пустую миску и положил руки на стол:

— Слушай сюда, Аля. Ты находишься в королевстве Аранум. Правит им племя аранумарцев — раса красивых созданий, похожих на эльфов из наших старых сказок. Маги, воины, поэты. Аранумарцы держат власть уже много веков.

— И вот что я тебе ещё скажу, — дядя Миша понизил голос, хотя в избе никого, кроме нас, не было. — Как я понял, из вчерашней беседы с твоими магами, Совет магов этого коро-

левства уже каким-то образом прознал про тебя и ищет тебя тоже. Так что ты теперь не только от своих спасителей бежишь, и они, выходит, не просто так тебя разыскивали.

— Зачем?

— Пока неясно. Совет раскололся. Одни считают тебя опасной — твой голос перебивает любого демона. Другие хотят защитить, думают, что ты ключ к затворению демонских трещин. А третьи просто хотят посадить тебя в башню и изучать. А знаешь, откуда я про совет магов узнал? — он отодвинул кружку. — Я вчера случайно их разговор услышал, когда они на коней садились. Твои-то парни, Рав и Алан, между собой переговаривались, а я неподалеку в сарайке был.

— Спасибо, перспектива у меня огонь. А эти сектанты? — спросила я, грея руки о кружку с горячим травяным чаем. — Откуда они вообще взялись в вашей тихой деревне? Вы же говорили, что жертвоприношений не было.

Дядя Миша помрачнел, отодвинул пустую тарелку.

— Не было, — подтвердил он. — До тех пор, пока в округе не появились демоны. Крааг — не первый, кто пришёл через трещину. Сначала были мелкие твари — пакостили по ночам, пугали скотину. Селяне терпели, ставили защитные знаки. А потом, как я выяснил, кто-то из пришлых прохиндеев, торговец или бродячий маг, пустил слух: мол, демонов можно задобрить жертвой. Дескать, если отдать одного человека — остальные будут жить в покое.

— И поверили?

— А куда деваться? — дядя Миша развёл руками. — Люди тёмные, грамоты нет, магии боятся. Вот и ухватились за эту идею, как за соломинку.

Меня передёрнуло.

— А где они сейчас? Те, кто слух пустил?

— Сбежали, — дядя Миша сплюнул в сторону. — Как только маги приехали из столицы — Краага убили и начали расследование. Эти твари испарились, будто их и не было. Но я уверен: они не из местных. У нас каждый человек на виду, каждый — сосед. А эти появились ниоткуда и исчезли в никуда. Я не успел — больше трёх дней их не видели, а спрашивать теперь не с кого.

— Значит, они не из Землянички, — я осмелилась предположить. — Пришлые. Может, их кто-то намеренно прислал?

— Прислал? — дядя Миша нахмурился. — Зачем?

— Не знаю. Чтобы проверить, как отреагируют маги? Или чтобы... открыть порталы для демонов? Вдруг жертвоприношения — это часть какого-то большого плана?

Дядя Миша долго молчал, потом кивнул.

— Ты умная девчонка, Аля. Я тоже об этом думал. Но доказательств нет. А без доказательств у нас только догадки.

Мы замолчали. В печке потрескивали дрова, и в этом звуке мне слышался далёкий, зловеющий шёпот — тех, кто всё ещё где-то рядом, кто ждёт своего часа.

— Не падай духом. — дядя Миша налил себе ещё самогона. — У меня кажется есть для тебя план.

Марица подсела ближе.

— Здесь есть небольшой приморский городок — Рябинка. А в Рябинке есть магическая школа, — сказал он. — Называется **Litterarum Magnus** — дословно «Великое Книгохранилище». Туда принимают всех, у кого есть хоть малая искра дара. Учат бытовой магии, травам, зельям, основам защиты. А ещё там — огромные библиотеки. Свитки, манускрипты, книги на сотнях языков.

— Я не умею колдовать, — возразила я.

— Умеешь, — твёрдо сказала Марица. — Волосы же сама себе перекрасила, это чувствуется. Это бытовая магия. Не осознанная, но это твой дар. Если его развить — сможешь и не такое.

— А лучших учеников, — добавил дядя Миша, — отправляют в столицу. В **Primus Litterarum Magnus**. Главный магический университет. Там такие библиотеки — башни из книг. Если где и есть ответ, как тебе вернуться домой — то там.

— Но у меня нет документов, — возразила я. — Нет местной родни. Никто никого ни в каком мире не возьмёт в школу без официальных бумаг.

— А вот тут, — дядя Миша усмехнулся, — я тебя прикрою.

Он рассказал про свою дальнюю племянницу. Эрику — Рiku для домашних. Сирота из Дальнего графства, жила у дальних родственников в деревеньке у городка Загорье. Несколько месяцев назад туда, по слухам, нагрянули оборотни — целое нашествие, твари рвали всех подряд. Деревеньку снесли подчистую, никого в живых не осталось. А Рика как раз в это время собиралась в Litterarum Magnus — документы уже оформила, место забронировала, но не успела.

— Я её редко видел, — сказал дядя Миша. — Но родня есть родня. Когда пришла весть о гибели, Марица тогда очень плакала. И вот я подумал: почему бы нам сейчас не использовать её бумаги? В школе Рiku никто в лицо не знал. А ты — девушка примерно того же возраста. Чем не Рика?

— Но я не похожа на неё, — возразила я.

— И не надо быть похожей. В лицо не видели. Главное — документ. Имя — **Эрика луву Лесная**. Внешность... ну, мало ли, стресс, магия — волосы перекрасились. От оборотней убегала, пережила ужас. Никто с допросом не пристанет.

— А возраст? Мне двадцать четыре, а Рике...

— Рике было двадцать, — спокойно ответил дядя Миша. — Но ты без макияжа выглядишь на девятнадцать. Не заметят. Место в школе оплачено, общежитие закреплено. Тебе останется только прийти, предъявить бумагу и пройти вступительное тестирование. А там — библиотеки и твой шанс найти дорогу домой.

— А если разоблачат? — я посмотрела на них.

— Не разоблачат, — твёрдо сказал дядя Миша. — Потому что ты и есть Рика. Сирота, выжившая после нашествия оборотней, с характером и с даром к бытовой магии. Ты в это сама поверь — и остальные поверят тоже.

Я выдохнула. Хорошо.

Я больше не Аля и не Лейя. Я — Рика. По крайней мере, до тех пор, пока не найду дорогу домой.

Вечер опускался на лес, свечи догорали, а я сидела за дубовым столом в избе русского старосты деревеньки иного мира и чувствовала, как страх понемногу отпускает. Рядом были свои.

Догорающие свечи отбрасывали пляшущие тени на бревенчатые стены. Я сидела за столом, чувствуя, как тепло от печки проникает в самые заколоченные уголки души. Марица убрала посуду, дети уже ушли спать, и мы остались втроём — я, дядя Миша и его жена.

— Ну что, — сказала Марица, вытирая руки о фартук. — Раз решили, что ты теперь Рика, надо делать тебя Рикой снаружи. Волосы у тебя красивые, медовые, но слишком заметные. Парни твои видели тебя с таким цветом. Да и в школе могут спросить — почему ученица из Загорья, где большинство рыжие, а ты вдруг блондинка?

— Я и не блондинка, — возразила я. — Мой медовый — это русый с золотом.

— Для здешних — слишком светлый, — махнула рукой Марица. — А настоящая Рика была ярко-рыжей, как пламя. И кудрявой. Прямые волосы у нас редкость, только у аранумарцев. Так что придётся тебя... колдануть немного.

— Колдануть?

— Бытовая магия. Я ж знахарка. Травы, коренья, отвары. Есть у меня один рецепт — стойкая краска на основе корня марены и лепестков календулы. Волосы не портит, цвет даёт огненный, держится месяц. Потом обновишь, я тебе с собой её дам.

Она подошла к сундуку, достала глиняную плошку с густой пастой, пахнувшей мёдом и лесом, и поставила на стол.

— Раздевайся до пояса, — скомандовала она. — Запачкаешь одежду.

Я сняла свою спортивную кофту, оставшись в футболке — кусочке моего мира, который всё ещё был при мне. Марица окинула меня взглядом без осуждения, покачала головой.

— Худая ты, милая. Кормить надо.

— Знаю, — буркнула я.

— Посиди немного смирно.

Она нанесла пасту на мои волосы, втирая её от корней до самых кончиков. Пальцы у неё были тёплые, движения — уверенные, привычные. Я закрыла глаза и позволила себе ничего не решать хотя бы на эти полчаса. А дядя Миша тем временем вышел во двор — проверять лошадей.

— Теперь ждём, — сказала Марица, укутывая мою голову в полотенце. — Полчаса. Можешь пока подремать.

— Я не усну, — ответила я, но глаза слипались сами собой. Тепло, тишина, запах трав... Впервые за несколько дней моё тело не требовало быть настороже.

Через полчаса Марица сняла полотенце, подвела меня к медному умывальнику с тёплой водой и начала смывать пасту. Я смотрела в воду — коричнево-рыжие разводы уходили в слив, а на смену им приходил новый цвет.

— Готово, — сказала она, вытирая мои волосы льняным полотенцем. — Глянь.

Она поднесла к моему лицу полированное медное зеркальце. Я ахнула.

Из зеркала на меня глядела незнакомка. Огненно-рыжие кудри, крупные, как языки пламени, торчали во все стороны. Волосы стали гуще, объёмнее, и отливали медью. Я провела рукой — они были мягкими, шелковистыми, совсем не похожими на жёсткую паклю, которую я ожидала.

— Теперь заплетём в косы, — сказала Марица. — Две. С ленточками. Так у нас деревенские девушки носят.

Она ловко разделила волосы на две части, заплела тугие косы, вплела вязанные ленточки песчаного цвета. Я снова посмотрела в зеркало. Теперь из него на меня смотрела простая деревенская девушка — ничего примечательного, ничего угрожающего.

— Осталось одеть, — Марица подошла к сундуку и достала стопку одежды. — Это для Рики приготовили. Она как раз твоего роста и примерно такой же комплекции. Всё практичное, деревенское, без излишеств.

Она разложила вещи на лавке: юбка до пола, широкая, из грубой шерсти песчаного цвета; белая блузка с длинными рукавами-фонариками, вышитая мелкими васильками по вороту; тёплая безрукавка на овчине; короткий полушубок из овчины, крытый коричневой тканью; вязанный платок; шапка-ушанка серого меха; красные черевички на кожаной невысокой подошве.

— Нижнее бельё, — Марица протянула мне льняную сорочку, что-то похожее на льняные шорты и шерстяные чулки. — Переодевайся.

Я натянула всё это на себя, чувствуя, как чужая ткань прилегает к телу. Сначала было неудобно — после удобных спортивных штанов и футболок юбка казалась бесконечной, мешала двигаться. Но шерсть оказалась мягкой, не колючей, а полушубок — неожиданно тёплым и лёгким.

— Теперь сапоги, — Марица помогла мне зашнуровать черевички. — В них удобно, проверено. Рика сама выбирала.

Я встала, сделала несколько шагов. Юбка шуршала, сапоги не скрипели. Я повернулась перед маленьким настенным зеркалом — оттуда на меня смотрела чужая девушка. Рыжая, кудрявая, в скромной деревенской одежде, с красными черевичками и вязаным платком на плечах.

— Ну как? — спросила я.

— Идеально, — сказал дядя Миша, возвращаясь с мороза. — Никто не узнает.

— Я похожа на деревенскую дурочку, — вздохнула я.

— Ты похожа на местную, — поправил он. — А это главное. Потом, в школе, можно будет и штаны носить, и куртку. У них есть такие правила для студенток. А пока — учись быть незаметной.

Марица принесла ещё один свёрток.

— Это твои личные вещи, — сказала она. — Документы, немного денег, которые мы скопили для Рики. Скажешь, что ехала издалека, устала. Никто не будет копаться.

— А мои... мои земные вещи? — спросила я, глядя на свой рюкзак, оставленный в углу.

— В тайник, под пол, — дядя Миша постучал ногой по половице. — Здесь они в безопасности. Вернёшься — заберёшь.

Я кивнула. Дневник и ручку я спрятала в нагрудный карман блузки — без них было никак.

Когда сборы подошли к концу, дядя Миша отозвал меня в угол.

— Держи, — он протянул мне свёрток тёмной ткани.

Я развернула — и замерла. Пистолет. Чёрный, компактный, с коротким стволом и удобной рукояткой. Два запасных магазина, туго набитые патронами. «Гюрза» — легендарное оружие, о котором я слышала только в рассказах отца.

— Откуда? — выдохнула я.

— Со мной было, когда я сюда попал, — дядя Миша потупился. — Хранил на всякий случай. У меня в тайнике ещё есть стволы, так что не обеднею. А тебе будет нужнее. Стрелять умеешь?

— В тире стреляла, — я проверила предохранитель, выщелкнула магазин, защелкнула обратно. — Папа учил.

— Значит, пригодится. Спрячь в потайной карман юбки — Марица тебе его пришила. И помни: пользоваться только в крайнем случае. Демонов им вряд ли убьёшь, а вот от людей и магов защититься можно.

Я спрятала пистолет — он уютно лёг в специальный карман, слегка оттягивая ткань. Деньги — серебряные монеты с рунами — уложила в другой карман.

— Спасибо, — сказала я, и голос мой дрогнул. — Я верну. И деньги, и оружие.

— Деньги — это подарок, — усмехнулся дядя Миша. — Пистолет — подарок. У нас тут не специальных магазинов, а вот сволочи иногда попадают. Пригодится.

Он глянул в окно, на темнеющее небо, и добавил:

— А выезжать надо прямо сейчас. К тому же, чем скорее ты уедёшь из этих мест, тем меньше шансов, что твои парни или маги из Совета нападут на твой след. Ночью на дорогах пусто — никто не увидит, не запомнит. Так что, Аля — прощайся с Марицей, и в седло.

Мы вышли на крыльцо. Уже стемнело, но луна светила ярко, заливая деревню серебряным светом. Снег искрился, как алмазная крошка. У коновязи стояли две лошади — гнедая кобыла для меня и вороной жеребец для дяди Миши.

— Ехать нам до утра, — сказал он. — В Рябинке будем к полудню. А оттуда до школы — рукой подать.

Я подошла к кобыле, погладила её морду. Лошадь фыркнула, доверчиво ткнулась носом в ладонь.

— Боязно? — спросил дядя Миша.

— Немного, — призналась я.

— Это нормально. Кто не боится, тот не выживает.

В дверях показалась Марица с корзиной в руках.

— Возьми в дорогу, — сказала она. — Пирог с капустой, сушёное мясо, яблоки, хлеб. Чай на травах заварю в *термос* — вернее, в глиняный кувшин с закливанием сохранения тепла. Миша рассказал, а я сделала.

Я приняла корзину, привязала к седлу.

— Марица, спасибо вам, — сказала я. — Я даже не знаю, как вас всех отблагодарить.

— Выживи, — ответила она просто. — Вернись домой. А нам с Мишей будет что внукам рассказать: как русскую девочку из другого мира спасали.

Марица протянула мне маленький холщовый мешочек:

— Оберег. От дурного глаза. Носи с собой.

Я повесила мешочек на шею под блузку.

— У меня тоже кое-что есть, — я порылась в кармане и достала шоколадные плитки в фольге, которые всё это время лежали в моей спортивной сумке. — Это вам. У нас сегодня Рождество, кажется. Или было вчера, или завтра. Не знаю уже. Но это праздничное. Детям.

Я протянула ей шоколад. Марица ахнула, попробовала кусочек, зажмурилась от удовольствия. Дядя Миша крикнул, пряча улыбку.

— Сладкое, — сказал он. — Но это приятно. Это по-нашему. Спасибо, дочка.

«Дочка». Это слово прожгло меня насквозь. Но я не заплакала при них — только крепче сжала поводья.

— Ну, с богом, — сказал дядя Миша, ловко вскакивая в седло. — Трогаем.

Я подошла к кобыле, взялась за луку седла, поставила ногу в стремя и — вжух — оказалась в седле, раньше, чем успела испугаться.

— Молодец! — присвистнул дядя Миша. — Откуда умеешь?

— Лето в деревне у бабушки, — ответила я, поправляя юбку. — И один вредный жеребец, который сбрасывал меня раз десять. На одиннадцатый раз я уже не падала.

Марица перекрестила нас по-русски на дорогу. Мы выехали со двора и лес сомкнулся за спиной. Луна светила сквозь ветви, отбрасывая причудливые тени. Копыта лошадей стучали по мерзлomu снегу глухо и ровно. Я смотрела на спину дяди Миши, на его широкие плечи, и чувствовала себя почти в безопасности.

— Дядь Миш, — спросила я через полчаса пути. — А что насчёт демонов? Я всё думаю — это не случайно. Слишком системно. Сначала мелкие твари, потом Крааг, потом оборотни, которые вырезают целые деревеньки. Кто-то проверяет вашу боеспособность. Готовит вторжение.

— Я тоже так думаю, — серьёзно ответил он, не оборачиваясь. — Поэтому и держу деревню в боевой готовности. Учения раз в неделю, ловушки в лесу. Мы не сломаемся. Русская закалка плюс здешняя магия — крепче стали.

— А те... парни, — я помедлила, но всё же спросила. — Рав и Алан. Они могут быть на нашей стороне?

— Могут, — дядя Миша повернул голову, и луна осветила его морщинистое лицо. — Но не факт. Они не свободны в своих решениях, как мы. Если Совет решит, что ты опасна — они не смогут тебя защитить. Даже если захотят.

— Я их не просила защищать, — буркнула я.

— А они и не спрашивали, — усмехнулся он. — Так уж мужчины устроены. Мы сначала делаем, потом думаем. Ты на них не злишься слишком сильно. Они может правда хотели, как лучше.

— Лучшее — враг хорошего, — вздохнула я.

— Это точно.

Дорога вилась между соснами. Где-то вдалеке ухнула сова. Мороз крепчал, но в полушубке и под двойной юбкой было тепло.

— А если я в школе не смогу? — спросила я. — Если магия не проснётся? Если меня выгонят?

— Значит, придумаем другой план, — спокойно сказал дядя Миша. — Мир большой, Аля. Даже этот, средневековый. Здесь есть не только маги и демоны. Есть деревни, где нужны рабочие руки. Есть города, где нужны люди с головой. Есть и другие места. Найдём способ.

— Спасибо, — сказала я тихо. — За всё.

— Не благодари, — он махнул рукой. — Земляки должны помогать друг другу. Своих своих не бросают. Иначе кто нам поможет?

Мы ехали дальше. Луна поднялась высоко, освещая нам путь. Я смотрела на звёзды — такие же, как в моём мире? Или другие? Я не знала. Но впервые за много дней я не боялась того, что ждёт впереди.

Мы ехали всю ночь. Луна то пряталась за облаками, то снова выходила, освещая заснеженную дорогу. Дядя Миша ехал впереди, уверенно выбирая путь, я — за ним, стараясь не отставать и не думать о том, что каждая минута приближает меня к новой жизни, о которой я ничего не знаю.

Лошади шли ровно, не сбиваясь с шага. Подковы звонко цокали по мёрзлой земле. Мороз крепчал к полуночи, но в полушубке и под двойной юбкой было тепло, а ещё Марица засунула мне в карман небольшую грелку — мешочек с горячими углями, который сохранял тепло благодаря магии. Он лежал у меня на животе, и я чувствовала, как маленький островок уюта согревает изнутри.

— Почти доехали, — сказал дядя Миша, когда небо на востоке начало светлеть. — Вон, за теми холмами — Рябинка. Не ожидала? Это не деревня, а целый портовый город на северном побережье.

— Порт? — удивилась я. — Ты говорил «городок».

— Я скромничал, — усмехнулся он. — Здесь корабли приходят из-за моря, везут ткани, пряности, магические артефакты. Рынки шумные, народу много. Тебе будет проще затеряться.

Мы взобрались на холм, и Рябинка открылась передо мной. Я ахнула. Город раскинулся внизу, спускаясь террасами к синему морскому заливу. Дома — каменные, в два и три этажа, с черепичными крышами — теснились вдоль узких улочек. Над ними возвышались башни ратуши и шпили храмов. А вдали, у самой воды, толпились мачты кораблей.

— Ничего себе, — выдохнула я.

— Ничего себе, — согласился дядя Миша. — Но мы не в город, а сразу в школу. Она на другом конце, на скалистом мысе. Видишь?

Он указал на северо-запад, и я разглядела за городскими крышами массивные серые стены. Над ними возвышались башни — не одна-две, а целых семь, с зубчатыми парапетами и остроконечными крышами. Комплекс был огромен; он занимал весь мыс, а у подножия скалы пенились морские волны.

— Это... школа? — не поверила я.

— Litterarum Magnus. Один из старейших магических замков королевства. Здесь учатся бытовой магии, травам, лекарскому делу. Внутри — внутренние дворы, сады, несколько корпусов. А под землёй — библиотеки, о которых ты мечтаешь.

— Библиотеки под землёй?

— Тысячи книг. Некоторые — ещё с тех времён, когда демоны впервые появились в этом мире. Если там и есть ответ, как тебе вернуться домой — то он там.

Я смотрела на замок, и сердце моё билось где-то в горле. Он был прекрасен в своей суровой мощи — и пугал до мурашек.

Дорога к замку вилась вдоль городской стены, потом резко сворачивала в гору. Мы проехали через массивные ворота с подъёмной решёткой и оказались на внешнем дворе.

Здесь было просторно. Слева тянулись конюшни, казалось, на сотню лошадей, справа — кузница и хозяйственные постройки. Прямо возвышался главный корпус: три этажа серого камня, узкие окна-бойницы, мощные контрфорсы. От него в разные стороны расходились жилые флигели и учебные башни.

— Похоже на крепость, — заметила я.

— Так и есть, — кивнул дядя Миша. — Здесь и защищаться можно, если что. Лет пять назад, когда случился прорыв демонов прямо у стен, студенты и преподаватели встали на стены с мечами и заклинаниями. Отбились.

Из конюшни вышел старый конюх, принял у нас лошадей. Мы с дядей Мишей направились к главному входу, где нас встретил привратник — не старик, как я ожидала, а молодой маг в синей мантии, с цепким взглядом.

— Вы к кому? — спросил он.

— Я Михаль, староста Землянички, — дядя Миша протянул свиток с печатью. — Привёз племянницу на учёбу. Она Эрика луву Лесная, из Загорья. Нам нужно к члену школьного совета.

Привратник изучил документ, кивнул и провёл нас через массивную дубовую дверь внутрь.

Главный холл замка поражал размерами. Каменные своды уходили вверх на несколько этажей, вдоль стен висели гобелены с изображениями битв магов с демонами. Горели магические светильники — стеклянные шары с ровным золотистым светом. Нас встретил секретарь и проводил в приёмную, где мы ждали не больше пяти минут.

Затем дверь открылась, и нас пригласили войти.

Кабинет члена школьного совета оказался не таким помпезным, как я ожидала. Обычная комната с высоким окном, выходящим на море. У стола — кресла для посетителей. Вдоль стен — шкафы с фолиантами.

Сам советник — мужчина на вид лет сорока пяти, с проседью в тёмных волосах, одетый в дорогой, но без излишеств камзол тёмно-зелёного цвета с умным, чуть усталым лицом и серыми глазами, которые смотрели на нас сейчас проницательно, но без злости.

— Господин Корвин, — представился он, поднимаясь навстречу. — Член Совета школы, курирую зачисление. Вы, должно быть, Эрика?

Я сделала реверанс, как учила Марица.

— Да, господин Корвин.

— Садитесь, прошу вас, — он указал на стулья. — Михаль, вы останетесь здесь на несколько дней?

— Нет, — сказал дядя Миша. — Я только привёз племянницу и хочу убедиться, что её примут. Дела в деревне меня ждут.

— Примут, если пройдёт испытание, — Корвин посмотрел на меня. — Вы знаете, что мы проверяем магический потенциал? Если дара нет — мы не можем принять на обучение. Однако даже слабый дар к бытовой магии или травам — уже основание для зачисления.

— Я понимаю, — сказала я.

— Хорошо. Тогда пройдёте в зал испытаний.

Зал испытаний находился в одной из башен. Это была круглая комната с низким сводом, посреди которой на полу был выложен мозаичный круг из разноцветных камней. В воздухе пахло травами и древностью.

— Встаньте в центр, — велел Корвин.

Я шагнула в круг. Дядя Миша остался у двери, сложив руки на груди. Член совета подошёл к стене, достал с полки небольшой, но явно очень старый хрустальный шар, который тускло мерцал изнутри.

— Закройте глаза, — сказал Корвин. — Дышите ровно. Вспомните что-то, что согревает вас изнутри. Не думайте о магии. Просто о тепле.

Я закрыла глаза. И я представила маму на кухне, папу с его дурацкими шарфами, нашу старую квартиру, книги, запах бабушкиных пирогов, моих смешливых друзей. Тепло разлилось по груди — слабое, но настоящее.

— Откройте глаза, — услышала я.

Хрустальный шар в руках Корвина слабо светился зелёным. Член совета смотрел на него, потом на меня.

— Ваш дар, Эрика, слабый, но он есть. Бытовой уровень, склонность к травничеству и зельям. Этого достаточно, чтобы учиться. Поздравляю, вы зачислены.

Я выдохнула с таким облегчением, что чуть не села на пол.

— Спасибо, — сказала я. — Большое спасибо.

— Ваша комната — в жилом корпусе «Белый павлин», это флигель справа от главного здания, третий этаж, окно во внутренний сад. Сегодня отдыхайте, пройдите регистрацию в канцелярии, ознакомьтесь с расписанием. Завтра с утра — начало занятий.

Он повернулся к дяде Мише.

— Михаль, вы можете оставить вещи вашей племянницы и быть свободны. Она в надёжных руках.

— Я верю, — кивнул дядя Миша. — Но, если что, я приеду.

Мы вышли ко внутреннему двору. Я впервые увидела школу почти целиком — замок действительно был огромным. Кроме главного корпуса, здесь были жилые флигели, столовая, учебные башни и даже небольшая часовня. В центре двора — сад, пусть и заснеженный, но ухоженный, с каменными скамьями и фонтаном (замёрзшим, но красивым). Ходили люди. А за стенами шумело море.

— Ну что, Рика, — дядя Миша остановился у входа в жилой корпус. — Прибыли.

— Прибыли, — эхом отозвалась я.

Он обнял меня по-отечески, крепко, как умеют только те, кто знает, что такое терять.

— Пиши письма, — сказал он на прощание. — По-русски, коротко. Отправляй с торговцами, я отвечу. Не высовывайся, слушайся старших, но если кто обидит — знай, я приеду и не посмотрю, что они маги.

— Дядь Миш, спасибо вам за всё, — я вытерла слезу.

— Вот и хорошо. Живи, учись, а там и домой вернёшься. Главное — не сдавайся.

Он сел на коня и выехал за ворота. Я смотрела, как он удаляется по дороге к городу, пока фигура его не скрылась за снежной пеленой.

Потом я подняла глаза, посмотрела на стены замка, на тёмные окна, на сады и башни — и шагнула внутрь.

Новая жизнь начиналась.

Глава 5 «Экзамены, раны и несданный зачет по чувствам».

Глава 5 . «Экзамены, раны и несданный зачет по чувствам».

«Все зачёты сданы.

Кроме одного —

на право не скучать по тебе».

(мысли Али)

Дядя Миша скрылся за воротами, и я осталась одна посреди огромного замкового двора. Вокруг сновали люди — в мантиях, в простой одежде, с книгами и сумками. Никто не обращал на меня внимания. Хорошо. Значит, маскировка работает.

Я глубоко вздохнула, подняла свой нехитрый скарб — корзинку с гостинцами перемётную сумку с деревенскими вещами Рики — и направилась к канцелярии. Она находилась в главном корпусе, на первом этаже, за массивной дубовой дверью с гербом школы.

Внутри было тесно от столов, бумаг и спешащих куда-то людей. Я встала в очередь. Впереди топталась девочка на вид лет шестнадцати с косичками и испуганными глазами — она то и дело оглядывалась, но не решалась заговорить. Потом подбежала к столу, получила свёрток бумаг и ключ — и вылетела, едва не сбив меня с ног.

— Следующая, — рявкнул писарь.

Я шагнула вперёд.

— Имя?

— Эрика луву Лесная, из Загорья.

— А, — он равнодушно полистал толстую книгу, нашел запись. — Место оплачено, комната есть. Держите ключ. Распишитесь.

Я расписалась — непривычными аккуратными буквами на местном языке Э.Л.Л. — и взяла ключ. На медной бирке ключа было выбито: *«Корпус Белый павлин, этаж 3, комната 17»*.

Корпус «Белый павлин» оказался жилым флигелем, соединённым с главным зданием тёплым переходом. Внутри было чисто и тихо. Каменные полы устланы домоткаными половиками, в коридорах пахло сушёными травами и пчелиным воском. Масляные лампы на стенах горели ровным уютным светом, практически не мерцая, возможно, не без участия магии.

Я поднялась на третий этаж, отыскала семнадцатую дверь. Ключ в замке повернулся мягко, без скрипа.

Комната, в которую я вошла, оказалась небольшой, но на удивление уютной. Широкое окно выходило во внутренний сад — сейчас за стеклом темнели голые ветви и снег, но в помещении было тепло. В углу тихо потрескивала маленькая изразцовая печь, от которой разливалось сухое приятное тепло.

У стены стояла деревянная кровать с прикроватным столиком. Матрац, когда я машинально на него присела, оказался удобным, пружинистым. Поверх — пуховое одеяло и вышитая подушка. У окна — письменный стол с лампой, чернильница, перо. Рядом — платяной шкаф и книжная полка, уже почти заполненная: какие-то учебники, сборники травников, пара романов для легкого чтения. На подоконнике — глиняный горшок с засохшим растением, видимо, прежняя хозяйка комнаты забыла полить.

Всё внутри было скромным, но продуманным до мелочей. Чувствовалось, что здесь живут, а не просто отбывают срок.

— Намного лучше, чем я ожидала, — подумала я, вдруг почувствовав облегчение.

Я бросила сумку на кровать, поставила корзину с гостинцами Марицы рядом и подошла к окну. Сад внизу был засыпан снегом, но угадывались дорожки, скамейки и маленький фонтан — сейчас замёрзший, сосульки свисали с края чаши. За садом возвышались крепостные стены, а за ними скрывалось море и я почти услышала шум прибоя.

— Я здесь, — сказала я себе. — Я выжила. Я настоящая ученица магической школы в другом мире. Если это сон, пусть он поможет вернуться мне домой.

До ужина оставалось время, и я решила осмотреть замок сама, без провожатых. Вышла из комнаты и спустилась во внутренний двор. Здесь уже зажгли, судя по всему магические светильники — они висели в воздухе, как маленькие золотые солнца, и от них светил только ровный, тёплый свет.

Я побрела наугад, сворачивая то в одну арку, то в другую. Прошла мимо столовой — огромного зала с длинными столами и высокими сводчатыми потолками; оттуда вкусно пахло хлебом и жареным мясом, и я мысленно отметила про себя, что голодна. Прошла мимо учебных корпусов и я, улыбнувшись, на секунду представила себя сидящей на деревянной скамье с пером в руке, записывающей заклинания.

Потом я набрела на библиотеку. Она оказалась в отдельной башне — массивная дверь, окованная железом, с замысловатым замком. Рядом на стене — табличка: *«Часы работы — от рассвета до заката. Вход по читательскому билету»*.

Я попыталась дёрнуть ручку — заперто. Конечно. Меня не пустят без читательского билета после заката. Я отошла, но мысленно пообещала себе, что обязательно попаду туда. Обязательно попаду! Где-то там, в глубине этих подземелий, среди тысяч свитков и фолиантов, лежит ответ на мой главный вопрос — как вернуться домой в мой мир.

Рядом с библиотекой обнаружился небольшой внутренний садик — не тот, что виден из моего окна, а другой, более дикий. Здесь даже зимой было что-то живое: несколько вечнозелёных кустов, усыпанных красными ягодами, скамейка под каменным навесом, защищающим от снега. На скамейке сидела пожилая женщина в тёплой шали и читала книгу. Она подняла голову, когда я проходила мимо, и молча кивнула мне в приветствии. Я кивнула в ответ, не замедляя шага.

— Здесь всё не так, как в той гостинице, — думала я, бредя дальше. — Здесь можно остаться незамеченной. Никто не смотрит косо, не задаёт лишних вопросов. Никто не пытается переодеть меня в сиреневое или поцеловать без спроса.

Я свернула в узкий проход между двумя учебными корпусами и оказалась у крепостной стены. Взгляд наткнулся на широкую каменную лестницу, уводящую вверх, к зубчатому парапету. Туда, где, наверное, открывался вид на море. Я замерла на секунду — внутри кольнул привычный страх высоты. В моём мире я никогда не подходила близко к краю обрыва или балкона выше второго этажа. Но здесь, в этом чужом месте, мне вдруг отчаянно захотелось посмотреть на что-то большое, бескрайнее, чтобы почувствовать, что я ещё жива. Ноги сами понесли меня, перебарывая дрожь в коленях. Я не очень любила высоту и простор, но сейчас, когда внутри всё сжималось от тоски по дому, эта боязнь казалась такой мелкой, такой ненужной. Ступени были скользкими от снега, но я поднималась быстро, держась за холодные перила и стараясь не смотреть вниз.

Я остановилась у смотровой площадки на крепостной стене. Сердце колотилось где-то в горле — от подъёма, от страха, от отчаяния. Внизу, далеко внизу, плескалось море — тёмное, холодное, с белыми барашками пены. Я зажмурилась на секунду, потом всё же заставила себя открыть глаза. Ветер трепал мои рыжие косы, и я вдруг почувствовала странную смесь печали и свободы. Я одна. Совсем одна в этом огромном мире. И это одновременно пугало и воодушевляло.

Я постояла ещё немного, пока пальцы не окоченели, а щёки не заледенели от ветра. Потом, переборов желание остаться здесь навсегда, глядя на бесконечную воду, развернулась и

начала спускаться. Ступени были такими же скользкими, но теперь я шла медленнее, осторожнее, держась за перила обеими руками. Страх высоты никуда не делся, но мне удалось загнать его глубоко внутрь, туда, где жила обида на парней и тоска по дому. Когда ноги коснулись твёрдой земли внутреннего двора, я выдохнула с облегчением и поплелась в сторону столовой — живот напомнил, что я не ела с самого завтрака.

На ужин в столовой давали тушёную баранину с овощами и свежий хлеб. Я села в уголке, за маленький столик, предназначенный для одного. Никто не подсел ко мне, и я была рада этому. Я ела молча, наблюдая за другими ученицами — они смеялись, перешёптывались, кто-то грыз гранит науки за соседним столом, уткнувшись в учебник. Обычная школьная жизнь, только с магическим отливом.

После ужина я вернулась в свою комнату. Зажгла свечу, села за стол, вытащила дневник. Чистые страницы всё ещё пахли моим миром — типографской краской и домом.

Я писала долго, не торопясь. Про дядю Мишу, про дорогу, про замок магической школы, про испытание с хрустальным шаром. Про сады и море. Про то, как тихо и спокойно здесь. Про парней. Я не знала, где они сейчас. Может, ищут меня. Может, уже забыли. Может, рады, что избавились от такой обузы.

«День первый в школе. Никто меня не узнал. Я теперь Рика — сирота из Загорья, с даром к травам и бытовой магии. Библиотеку откроют только через неделю. Надо продержаться.

Замок огромный, но я запомню все переходы. Комната удобная, тепло, тихо. Никто не лезет с разговорами. Это хорошо. Мне нужно время, чтобы привыкнуть и высмотреть, где искать ответы.

Парни... не знаю. Иногда я злюсь на них, когда думаю о сиреневом платье и поцелуе. А иногда хочется, чтобы они были рядом. Особенно Рав. Я злюсь на него за то, что поцеловал без спроса, за его самоуверенность, за то, что он смотрит на меня так, будто читает меня насквозь. Но сейчас, когда я сижу одна в этой комнате, когда за окном шумит чужое море и каждая звезда здесь не моя — я ловлю себя на том, что вспоминаю, как он, обнимая, гладил меня по спине и называл «госпожа-чудачка». Как его рука лежала на моей талии, и это было... спокойно. Тепло. Безопасно.

И я ненавижу себя за это. За то, что скучаю по человеку, который нарушил договорённости. За то, что мне хочется увидеть его зелёные глаза и услышать его голос — даже если он снова скажет что-нибудь не то.

Но я не позволю себе это чувство. Чувствам доверять нельзя. Нельзя доверять никому, кто может сделать больно. Даже если от их рук пахнет лесом и теплом.

Домой попаду сама. Найду про нужный портал в библиотеке. И вернусь домой. Обязательно».

Я захлопнула дневник, спрятала его под матрас, а пуховое одеяло — оно оказалось на удивление мягким. Задула свечу и долго лежала в темноте, слушая, как потрескивает печь и где-то далеко, за толстыми стенами, шумит море.

Звезды здесь были другими. Чужими. Но я не плакала.

Я засыпала с мыслью, что завтра — первый учебный день. И я не опозорюсь. А после — библиотека. И дорога домой.

Я проснулась от того, что в окно бил яркий солнечный свет. Снег за ночь выпал свежий, и отражённое сияние заливало комнату, делая её почти праздничной. Печь давно прогорела, но в комнате всё ещё было тепло — толстые стены хорошо держали тепло.

Я потянулась, чувствуя, как непривычно мягок матрас и как хорошо спалось в полной тишине. Ничьих рук на талии, ничьих ног, перекинутых через красивых мужчин. Никаких «госпожа-чудачка» на ухо.

— Свобода, — подумала я с лёгкой грустью, сама не зная, почему грусть примешивается к этому слову.

Я встала, умылась холодной водой в уборной, прилегавшей к комнате, — оделась в своё новое деревенское: юбка, блузка, полушубок, черевички. Волосы заплела в две косы, как вчера. В карман положила оберег от Марицы и горсть монет на всякий случай. В другой карман — завернутую в тряпицу «Гюрзу». Не то чтобы я ожидала нападения на первом занятии, но с пистолетом мне было как-то спокойнее.

На завтрак в столовой давали овсяную кашу с мёдом и тёплое молоко. Я села за тот же маленький столик в углу и ела медленно, наблюдая за залом. Студенты — в основном девушки, но были и парни, — разбивались на группы. Шумели, смеялись. Кто-то листал учебники перед первым занятием, кто-то жаловался на домашнее задание. Всё как в обычной школе, только вместо рюкзаков — сумки из кожи, а вместо тетрадей — пачки бумаги и перья.

Я чувствовала себя чужой. Не потому, что меня не замечали — наоборот, несколько раз кто-то ловил мой взгляд и приветливо кивал, а одна девушка даже предложила сесть вместе. Я вежливо отказалась. Мне нужно было оставаться незаметной. Чем меньше связей, тем меньше вопросов.

Расписание висело на доске у входа. Первый урок — «Основы травологии», аудитория 7, второй флигель. Второй — «Бытовая магия: теория и практика», аудитория 12. После обеда — «Этика мага и местное законодательство». Скучно, но терпимо.

Травология оказалась самой обычной ботаникой, только с магическим уклоном. Преподавательница — сухая пожилая женщина с острым носом и колючими глазами — водила нас по оранжерее, где даже зимой цвели растения. Запахи стояли густые, пряные. Она показывала нам корни магических растений, листья сон-травы, стебли огнецвета.

— У нас всего три занятия в неделю, — говорила она, — но к концу первого курса вы должны будете безошибочно определять двадцать основных трав, знать их свойства и уметь составлять простейшие отвары. Кто не сдаст зачёт — отчисляется.

По аудитории пробежал шепоток. Я сидела смирно, слушала и запоминала. Всё это было похоже на то, чему Марица учила меня прошлым вечером, только системнее. Я даже смогла ответить на вопрос преподавательницы про ромашку и календулу — и та посмотрела на меня с одобрением.

— Из Загорья, значит? — спросила она. — Там сейчас тяжело, говорят.

— Да, — коротко ответила я, не вдаваясь в подробности.

Она не стала расспрашивать дальше. Спасибо ей за это.

Второй урок — бытовая магия — оказался самым странным. Преподаватель, молодой мужчина в синей мантии, объяснял основы. Оказывается, бытовая магия — это не только ускоренное заваривание чая или мытьё посуды без рук. Это ещё и умение создать малый источник света, нагреть воду, освежить одежду, заморозить продукты, быстро высушить волосы после мытья.

— В каждой женщине, — сказал он, — живёт природный дар к этой магии. Мужчины с ним почти не рождаются, поэтому большинство бытовых магов — женщины.

Я усмехнулась про себя. Так вот почему Рав и Алан не могли магически постирать мои вещи без моей помощи.

Нам дали попробовать зажечь маленький огонёк на кончике пальца. У половины группы получилось сразу. У меня — нет. Пальцы холодели, искорка выскакивала и тут же гасла. Я злилась, но не показывала виду. «Бытовой уровень дара», — сказал Корвин. Значит, должно получиться. Просто не сразу.

Преподаватель подошёл ко мне, посмотрел на руки, на лицо. Ничего не сказал, просто положил свою ладонь на мою и тихо произнёс:

— Не напрягайся. Представь, что это как выдохнуть. Тепло идёт изнутри.

Я закрыла глаза, представила мамины руки, когда она месила тесто. Тёплые, мягкие. Искра вспыхнула — маленькая, золотая, но настоящая. Она горела на моём указательном пальце целых пять секунд.

— Хорошо, — сказал преподаватель. — Практикуйтесь дома. Со временем будет получаться дольше.

Я кивнула, пряча улыбку. Получилось! Настоящая магия, пусть и крошечная.

Обедать я пошла не в столовую, а к себе в комнату. Достала припасённый пирог с капустой от Марицы, съела его с большим удовольствием, запивая водой из кувшина. В окно всё так же светило солнце, снег искрился. Где-то внизу, в саду, хрустели дорожками другие ученицы.

Я сидела на кровати, обхватив колени руками, и думала.

«Первый день почти прошёл. Никто меня не узнал. Преподаватели не подозревают. Соседи не лезут в душу — потому что соседей пока нет, комнату дали для меня одной. Наверное, это просто повезло.

Магия... она есть. Слабая, но есть. Если я смогу зажечь огонёк, то смогу и большие. Может, со временем доберусь до заклинаний поиска порталов.

Библиотеку откроют через неделю. Мне нужно продержаться, не выдать себя, не сорваться. И потихоньку искать.

А парни... — я помедлила, прикусив кончик ручки, повертела в руках край одеяла. — Наверное, они далеко. Ищут или не ищут — не так важно. Я не могу на них рассчитывать. Я должна рассчитывать только на себя».

Я достала дневник и написала ещё несколько строк:

«Вечер первого учебного дня. Зажгла магический огонёк на пальце. Пять секунд. Марица бы похвалила.

Здесь хорошо. Тихо. Никто не смотрит косо. Я могу быть тихой, незаметной девушкой Эрикой. Никто не знает, что внутри меня прежняя Аля, злая, колючая, потерявшая дом.

Я скучаю по дому. По маминому чаю. По папиным дурацким шарфам. По моей комнате, которую я вечно не убирала. По запаху нового года и ёлки.

Но здесь у меня тоже есть цель. Я найду способ вернуться. Или... или приму этот мир, если другого выхода не будет. Но пока я не сдаюсь».

Я захлопнула дневник и спрятала под подушку.

Последний урок на сегодня — Этика мага и местное законодательство — оказался самым скучным. Старый маг в потрёпанной мантии рассказывал о том, что магам запрещено навредить порчу на простых людей без крайней необходимости, что за убийство даже демона нужно отчитываться перед Советом, а за использование магии в личных целях (например, чтобы приворовать соседа) можно получить срок в исправительной башне.

Я слушала вполуха, больше наблюдая за другими ученицами. Кто-то старательно записывал, кто-то рисовал на полях, кто-то клевал носом. Обычная школа. Даже в другом мире ничего не меняется.

После занятий я снова пошла к библиотеке. Она была закрыта, но на двери висело объявление: «Читательские билеты выдаются в канцелярии после истечения испытательного срока — 7 дней. Для получения допуска необходимо успешно сдать первый тест по травологии».

Семь дней. Всего семь дней. Я выдержу.

Я постояла у дверей, прижавшись лбом к холодному дереву. Представила, что там, за этой дверью, — тысячи книг. Сотни свитков. Десятки карт порталов. Где-то среди них — мой путь домой.

— Я найду тебя, — мысленно пообещала я. — Я не успокоюсь, пока не найду.

Вечером, перед сном, я вышла во внутренний сад. Луна была почти полной, звёзды мерцали холодно и ярко. Морской ветер доносил запах соли и водорослей. Я стояла на заснежен-

ной дорожке и смотрела вверх, туда, где среди чужих созвездий, возможно, было и моё — забытое, покинутое.

— Не сдавайся, Аля, — сказала я себе шёпотом по-русски. — Ты выжила. Ты справишься.

Потом я вернулась в комнату, разделась, забралась под пуховое одеяло. Печь ещё не погасла, угли тлели, отбрасывая тёплый, уютный свет на стены.

Я закрыла глаза и заснула без снов — крепко, спокойно, впервые за много дней.

Завтра будет новый день. Новые уроки. Новые возможности.

Я готова.

Первый учебный день остался позади, а впереди была длинная зима. Я быстро освоилась в замке: утром подъём по магическому будильнику (стеклянный шар, который начинал светиться за полчаса до занятий и тихо пищать), затем завтрак в общей столовой, лекции, обед, практикумы, ужин, самостоятельные занятия в комнате или библиотеке, и отбой — ровно в десять вечера. Я удивилась, когда узнала, что здесь, в Арануме, тоже двадцать четыре часа в сутках, а в году двенадцать месяцев. Сутки делились на часы, минуты и секунды — маятниковые часы в коридорах отбивали время так же, как в моём мире.

Месяцы назывались иначе, но длились столько же дней. Декабрь был месяцем Снежного Волка, январь — Месяцем Морозной Звезды, февраль — Ветреного Коня, март — Пробуждения Земли, апрель — Цветущих трав, май — Ягодного сока, июнь — Светлого Неба, июль — Знойной Пыли, август — Созревшего Колоса, сентябрь — Листопада, октябрь — Туманного Берега, ноябрь — Первого Снега. Я запомнила их не сразу, но к концу первого семестра уже ориентировалась.

Первые недели давались тяжело. Я путала листья огнецвета с листьями искровника — преподавательница травологии, госпожа Торн, была беспощадна к таким ошибкам. На бытовой магии мои огоньки гасли быстрее, чем у любой первокурсницы. На этике меня чуть не завалили за вопрос, можно ли использовать заклинание принуждения, чтобы соседка по комнате перестала храпеть (соседки у меня не было, я жила одна, но вопрос был гипотетическим). Оказалось, нельзя. Но главное потрясение ждало меня в середине января, когда лорд Рейвен объявил, что женщины в Арануме не имеют права использовать боевую магию.

— Это закон королевства, — сказал он спокойно, словно речь шла о погоде. — Женщины могут изучать бытовую магию, травологию, лекарское дело, теорию эфира, но боевые заклинания — только для мужчин. Это... традиция.

Я сидела и сжимала кулаки под партой. Традиция. Та же самая традиция, из-за которой меня чуть не принесли в жертву демону. Я хотела закричать, возразить, но вовремя прикусила язык. Я здесь — Эрика, скромная сирота из Загорья, а не бунтарка из другого мира.

— А если женщина сама обороняется от демона? — спросила я нейтральным тоном.

— На крайний случай разрешены защитные заклинания — щиты, отвод глаз, слабые обездвиживающие чары. Но нападать — нет, — ответил лорд Рейвен. — Таков закон.

Я замолчала. Но про себя поклялась, что если меня снова попытаются принести в жертву, я буду использовать всё, что умею — законно или нет. А пока нужно было учиться тому, что разрешено.

К счастью, вместо боевой магии нам предложили очень полезный курс: способы лечения ран, нанесённых демонами. Это была обязательная дисциплина для всех учениц. Госпожа Торн объясняла:

— Демоны оставляют особые раны. Они не заживают обычными мазями и заклинаниями. В когтях и зубах тварей содержится **тёмная эссенция** — магический яд, который препятствует регенерации. Если вовремя не нейтрализовать его, рана будет гноиться, а человек — умирать медленно и мучительно.

Я слушала, затаив дыхание. Вспомнила Краага — его когти, его пасть. Если бы тогда меня не спасли маги, если бы я не успела убить его первой, то никакое лечение не помогло бы. Но теперь я училась помогать другим.

Нас учили готовить антидотные компрессы из корня серебряной ивы, цветов календулы и порошка из высушенных светлячков (их магия нейтрализовала тёмную эссенцию). Мы тренировались накладывать очищающие повязки — с заклинанием, которое буквально вытягивало яд из раны. Это было сложно: требовалось одновременно держать огонёк на пальцах (чтобы согреть компресс) и шептать формулу очищения.

— Ты слишком сильно жжёшь, Эрика, — поправляла меня госпожа Торн. — Тёплый, а не горячий. И не шепчи, а представляй. Мыслеобраз важнее слов.

Я злилась, но переучивалась. К концу февраля я научилась правильно накладывать очищающую повязку. Одна из старших учениц, по имени Лия, поранилась о ржавый гвоздь на конюшне (не демон, конечно), и я в порядке тренировки обработала рану после того, как ей вытащили занозу. Зажило за два часа — вместо двух дней.

— Молодец, — похвалила госпожа Торн. — Из тебя выйдет хорошая лекарка.

Мне было всё равно, кем выйду. Я просто хотела знать, что смогу помочь, если рядом снова окажется кто-то, кого ранил демон.

Февраль вообще выдался богатым на события. Я, наконец, запомнила все двадцать обязательных растений и сдала зачёт по травологии на твёрдую «хорошо». Госпожа Торн даже похвалила мой отвар из корня мандрагоры — правда, заметила, что я переборщила с дозой, и пациент будет спать трое суток. Но формула была верной, и это главное.

— У тебя хорошие руки, Эрика, — сказала она однажды. — Чувствуешь травы. Это не каждому дано.

Я кивнула, пряча улыбку. Марица говорила мне о том же.

А ещё в феврале я получила первое письмо от дяди Миши. Оно пришло с торговым караваном — короткая записка по-русски, крупными буквами:

«Аля, жива? У нас всё нормально. Марица шлёт поклон. Дети скучают. Парни тебя не нашли — уехали в столицу. Не высовывайся. Пиши. Дядя Миша».

Я перечитала его пять раз. Парни уехали. Не искали. Или искали, но не нашли. Я почувствовала странное облегчение и тут же — глухую, нелепую обиду. Им что, наплевать? Или они поняли, что я не хочу, чтобы меня находили? Я ответила коротко: *«Жива, учусь. Передавай всем привет. Рада, что не ищут».*

Март. Месяц Пробуждения Земли. Снег начал таять, но в замке всё ещё было холодно. На бытовой магии я, наконец, научилась держать огонёк на пальце целых три минуты. Лорд Рейвен заметил мой прогресс и оставил после занятия.

— У тебя дар, — сказал он, глядя на мои руки. — Необычный. Не сильный, но... глубокий. Как будто ты черпаешь энергию не извне, а изнутри, из памяти. Из того, что потеряла.

Я не спросила, откуда он знает. Может, угадал. А может, маги чувствуют такие вещи.

— Продолжай практиковаться, — добавил он. — И не злись на себя. Гнев тушит огонь. А тепло, наоборот, разжигает.

Тепло. Я думала об этом часто. О том утре, когда проснулась в объятиях Рава. О его руке на моей спине. О том, как он учил меня писать и читать, как терпеливо выводил буквы на бумаге. Я злилась на него за поцелуй, но тепло осталось. Оно жило где-то глубоко, под слоями обиды и подозрительности, и иногда напоминало о себе. Я запрещала себе думать о нём. Но запреты не работали.

К апрелю — месяцу Цветущих трав — замок ожил. Во внутренних дворах зазеленела трава, в садах распустились первые цветы. Мы углубились в демоническую медицину. Теперь нас учили не только компрессам, но и диагностике: определять степень отравления тёмной

эссенцией по цвету раны, по пульсу пациента, по запаху выделений. Это было похоже на детективную работу.

— Если рана сине-фиолетовая, эссенция проникла глубоко, — объясняла госпожа Торн. — Требуется не только повязка, но и внутреннее противоядие. А если рана чернеет по краям — пациент может потерять конечность. Тогда нужно ампутировать, пока яд не пошёл выше.

Я старалась не бледнеть. В моём мире о таком я знала только из кино. Здесь это была реальность, с которой я могла столкнуться в любой момент.

В конце апреля мы сдавали промежуточный зачёт по демонической медицине — на манекенах с магической симуляцией раны. Мне досталась глубокая рваная рана на предплечье со средней концентрацией яда. Я не волновалась. Просто делала то, чему училась: очистка порошком светлячков, компресс из серебряной ивы и календулы, наложение повязки с мыслеобразом «вытягиваю тьму». Тепло в пальцах было ровным, уверенным.

— Готово, — сказала я через пятнадцать минут.

Госпожа Торн провела диагностическим кристаллом над манекеном.

— Яда не осталось. Рана начала заживать. Хорошо, Эрика. Зачёт сдан.

Я выдохнула. Ещё один шаг.

Май — месяц Ягодного Сока — был самым напряжённым. Нам предстояло сдать итоговые экзамены по всем предметам.

Травология — «хорошо» с плюсом.

Бытовая магия — «хорошо» (огонь, нагрев воды, сушка одежды — всё стабильно).

Теория эфира — «удовлетворительно» (профессор Элиан был сух и педантичен, но я хотя бы не провалилась).

Этика мага — «отлично» (я выучила все законы королевства, включая тот, что женщинам запрещена боевая магия, и теперь понимала, почему нас не учат файерболам; но также запомнила, что защитные заклинания и лечение — это наше право и обязанность).

Четыре экзамена позади. Я сидела в своей комнате, перебирала конспекты и чувствовала, как внутри постепенно отпускает напряжение. Травология, бытовая магия, теория эфира, этика — всё сдано. Ни одного провала. Даже «удовлетворительно» от профессора Элиана меня не расстроило. Главное — я не вылетела, не опозорилась, не выдала себя. Но впереди оставался последний, самый страшный рубеж. Практикум по демонической медицине. Экзамен, который принимала лично госпожа Торн — и где нельзя было ошибиться. Одна неточная пропорция — и рана не заживёт. Одно неверное движение — и яд останется в теле. Я повторила формулы в который раз, перебрала мысленно порядок наложения повязки, заставила себя лечь спать пораньше. Завтра решит многое.

Остался последний и самый важный экзамен — практикум по демонической медицине. Нам выдавали реальные муляжи с разными типами ран, и нужно было за отведённое время провести полное лечение: диагностику, приготовление компресса, наложение повязки, активацию заклинания.

Я вытянула билет с раной на ноге — рваной, с явными признаками тёмной эссенции (муляж был сделан так искусно, что даже пахло гнилью). Не теряя ни секунды, я начала работать. Корень серебряной ивы растёрла в ступке, смешала с календулой, добавила порошок светлячков — пропорции я помнила наизусть. Потом, пропитав повязку отваром, наложила на рану.

— Очищаю, — шепнула я, представляя, как свет вытягивает тьму.

Тепло разлилось по пальцам. Повязка на секунду засветилась бледно-золотым и потухла.

Диагностический кристалл госпожи Торн показал ноль.

— Отлично, — сказала она, и это было единственное «отлично», которое я от неё слышала. — Ты справилась быстрее всех в группе. У тебя редкое чутьё на концентрацию яда.

Я не знала, что ответить. Просто кивнула и вышла из класса.

Прислонилась к холодной каменной стене коридора, закрыла глаза. Слёзы — не грустные, а какие-то светлые — наворачивались на глаза. Я сделала это. Сдала всё. Не провалилась. Выжила.

— Поздравляю, — раздался голос за спиной.

Я открыла глаза. Рядом стоял господин Корвин, член школьного совета.

— Спасибо, — выдохнула я.

— У вас есть потенциал, Эрика. Не только в лечении, но и в защитной магии — щитах, отводе глаз. Женщинам это разрешено, и вы могли бы преуспеть. Если продолжите в том же духе, через год сможете подать заявку на перевод в *Primus Litterarum Magnus*. В столицу. Там и библиотеки больше, и курсы по защите сильнее. И там... — он помедлил, — можно найти ответы на вопросы, которые вы не задаёте нам вслух, но ответы на которые вы возможно ищете.

Сердце ёкнуло. Он что-то знает? Или просто угадывает? Я быстро взяла себя в руки.

— Спасибо, — повторила я более твёрдо. — Я постараюсь.

Он кивнул и ушёл.

Лето началось в июне — месяце Светлого Неба. Большинство учениц разъехались по домам, но я осталась в замке. Не потому, что некуда было ехать — дядя Миша звал в Земляничку, — а потому, что боялась. Вдруг парни ещё ищут меня и наведаются в деревню? Или, что ещё больнее, вдруг они меня не ищут, и я только зря надеюсь?

Я проводила дни в библиотеке. Читательский билет давал мне доступ к огромному подземному хранилищу — тысячи книг, свитков, дневников магов прошлого. Я искала любые упоминания о порталах между мирами. Нашла несколько древних легенд о «зеркалах, открывающих путь в бездну», о «призывающих ритуалах», о «разрывах ткани реальности». Ни одного конкретного заклинания. Ни одной карты. Только намёки, которые я записывала в дневник, чтобы не забыть.

По вечерам я выходила на крепостную стену — туда, где когда-то стояла, боясь высоты. Страх никуда не делся, но я научилась с ним жить. Я смотрела на море, на горизонт, и думала, что где-то там, за линией воды, может быть, есть проход. В мой мир. Домой.

Письма дяде Мише я писала по-русски, короткие, отрывистые. Он отвечал так же: *«Всё спокойно. Демонов не было. Парни не появлялись. Марица печёт пироги. Приезжай, когда сможешь»*. Я не приезжала. Стыдилась? Боялась разочаровать? Или просто не хотела видеть деревню, где могли внезапно оказаться мои парни?

К концу июня — Светлого Неба — мне выдали итоговую ведомость: успешная сдача всех зачётов и экзаменов, допуск ко второму курсу, рекомендация на факультатив по защитной магии и лечению глубоких демонических ран. Я держала этот лист в руках и улыбалась. Впервые за много месяцев — без горечи, без надрыва, без скрытой боли. Я справилась.

В своей комнате — всё той же, уютной, с тёплой печкой и видом на сад — я сидела на кровати, смотрела в окно на белые ночи. Звезды здесь были чужими, но я уже привыкла.

Достала дневник, написала новую запись:

«Первый семестр закончен. Я сдала всё. Экзамены — позади. Магия у меня слабая, но я умею лечить раны от демонов. Хотя боевая магия женищинам запрещена, я не расстраиваюсь — лечить нужнее.

В библиотеке пока ничего не нашла о порталах домой. Но у меня есть время. Ещё один семестр — и я попробую перевестись в столицу. Господин Корвин сказал, там и библиотеки больше, и защитные курсы сильнее.

Парни... я скучаю. Не перестаю злиться, но скучаю. Особенно по Раву.

По его голосу — низкому, чуть хриловатому, когда он говорил мне «госпожа-чудачка». По его терпению, когда он выводил буквы на бумаге. По его рукам — тёплым, уверенным, когда они лежали на моей талии и я притворялась, что не замечаю, как замирает сердце.

Я вспоминаю, как он учил меня писать слово «Лейа» — и его палец скользил по моей ладони, повторяя буквы. Как он однажды случайно коснулся моей щеки, когда поправлял выбившуюся прядь, и мы оба замерли. Как он смотрел на меня — не как на «проклятую пришелицу» или «сироту из Загорья», а просто на меня. На Алю. На ту, которая сейчас прячется под маской Эрики и деревенской юбкой.

Здесь, в замке, среди чужих стен и чужих людей, я иногда ловлю себя на том, что ищу его в толпе. Мне кажется, вот-вот повернусь — а он стоит в дверях библиотеки, опирается плечом о косяк и улыбается. Но никого нет. Только серые стены и магические светильники.

Я бы хотела, чтобы он был здесь. Чтобы сказал: «Я нашёл тебя. Прости. Я больше не буду целовать без спроса». И я бы, наверное, не удержалась и ответила на поцелуй — впервые без злости, без желания ударить, а просто потому, что соскучилась.

Но он не придёт. Я сама от него сбежала. Сама сказала: «Идите вы оба». И теперь сижу в этом замке, учусь лечить демонические раны, пишу письма дяде Мише и делаю вид, что мне всё равно.

И я не пойду искать. Потому что боюсь. Боюсь, что он не простил мне побега. Боюсь, что он уже забыл меня. Боюсь, что если я увижу его снова — рассыплюсь на кусочки, как тот хрустальный шар на экзамене, который не выдержал напора магии.

Но я скучаю. Каждую ночь, когда гашу свет и слышу, как за окном шумит море. Каждое утро, когда просыпаюсь и на секунду забываю, что я одна. Скучаю так, что зубы сводит.

И ненавижу себя за это.

У меня есть цель. Библиотека. Портал. Дом.

Я справлюсь. Я всегда справлялась».

Я закрыла дневник, спрятала под матрас — туда же, куда и пистолет «Гюрза», который ни разу не пригодился, но лежал рядом, успокаивая. В этом мире женщины не имели права на боевую магию, но пистолет — это не магия. Это был мой козырь, о котором никто не знал.

Лето было в разгаре. Впереди были свобода, чтение, прогулки по замку и потихоньку — подготовка ко второму семестру. И тихая, глупая надежда, что однажды, когда я буду готова, дорога домой откроется сама. Или кто-то откроет её для меня.

Глава 6 «Студенчество – лучшие годы жизни...»

Глава 6. «Студенчество – лучшие годы жизни...»

Студенчество – лучшие годы жизни.

Выпустился с одной каторги

и еще не устроился на другую.

(народная мудрость)

Лето тянулось долго. Днями я бродила по замку, привыкая к мысли, что второй семестр начнётся со дня на день.

В моём мире уже наступил бы июль, жара, арбузы, долгие вечера на балконе. Здесь же Месяц Светлого Неба медленно катился к закату, и я почти привыкла к чужим созвездиям. Почти.

Денег, которые дал мне дядя Миша, пока на текущие расходы хватало. Госпожа Ширли, наша экономка, как-то встретила меня в коридоре, оглядела с ног до головы и фыркнула:

— Девонька, вижу, ты здесь на каникулах одна торчишь. Делать нечего — помоги мне по хозяйству. Плачу медяками, работой не загоню.

Я согласилась не раздумывая. Скука сводила с ума, а в компании ведра и швабры я хотя бы чувствовала себя полезной.

Но в середине лета я всё же выбралась в город. Рябинка — большой портовый город, здесь можно найти почти всё. Я отыскала в городе портного по рекомендации госпожи Ширли и потратила почти все накопленные медяки и немного серебра на то, чтобы сшить себе нормальную одежду. Не те деревенские юбки с фартуками, не сиреневые платья с цветочками, а то, в чём я привыкла ходить дома в родном мире: удобные брюки из плотной чёрной ткани, рубашки с длинным рукавом, тёплые жилеты на подкладе, лёгкую куртку на осень и более тёплую — на зиму, а также сапоги на низком каблучке и ботинки для повседневной носки. Портной оказался понятливым — после того как я показала ему эскизы (спасибо Раву за заклинание, навык рисования никуда не делся), он только крикнул и сказал: «Необычно, но удобно. Для девушки, которая не хочет путаться в юбке, — в самый раз».

Когда я в первый раз вышла в обновках во внутренний двор, несколько студентов удивлённо обернулись, но я только усмехнулась. Моё тело — мои правила.

А потом каникулы почти кончились. Начало второго семестра — через несколько дней. Студенты съезжались, в парках снова сталолюдно, а я, получив очередное задание от госпожи Ширли, брела по аллее, уткнувшись носом в расписание. На мне были новые чёрные брюки, мягкие ботинки и тёмно-зелёная рубашка под лёгким жилетом. Волосы заплела в низкий хвост, чтобы не мешали. Я даже чувствовала себя почти человеком.

Листья уже начали желтеть, хотя до настоящих холодов было ещё далеко.

Я шла спокойно по парку. Листья шуршали под ногами, где-то вдалеке пели поздние птицы, и я даже на минуту забыла о своей ноше — ведре, тряпке, швабре, — погружённая в список моих будущих лекций: «Зельеварение для продвинутых», «Тёмная эссенция: диагностика», «Защитные чары для женщин». Так бы и дошла до комнаты, если бы не грубые голоса и звуки ударов.

Сначала я подумала, что показалось. Но нет — хруст веток, глухие удары, сдавленное «отпусти». Я сунула расписание в карман брюк и осторожно, стараясь не звякнуть ведром, выглянула из-за куста.

Какая-то малоприятная компания — пятеро здоровых парней в богатых, но безвкусных камзолах — волокла за собой высокого рыжего парнишку. Его руки были скручены за спиной, голова низко опущена, и он не сопротивлялся — как будто смирился. Только иногда вздрагивал от пинков.

— Вот уроды, — прошептала я. — Эх, взять бы автомат да разрядить обстановку... Зря они с ним так!

Я вообще по жизни всегда была защитником слабых и угнетённых. Это свойство и вылилось в мой дикий вопль на весь парк:

— Эй, вы, твари ублюдочные! Пацана отпустили!

И только когда крик затих в ветвях, я подумала: «Может, зря я так крикнула?» Какая-то я сверхсмелая в последнее время — обстоятельства сказываются... Хотя фраза «Эй, твари ублюдочные!», произнесённая с чувством, толком и расстановкой, всегда оказывала волшебное действие на представителей мужского пола. Правда, с отягчающими последствиями... для произнесшей фразу.

Но не в этот раз. Лидер мерзкой компаши — высокий, статный, с утончёнными, почти аристократическими чертами, тёмноволосый — обернулся ко мне с видом «И что это там за мошка жужжит?». Удивлённо поднял бровь, скользнул взглядом по моей странной одежде — брюки, жилет, ботинки, — явно не понял, что это за чучело, и тут же отвернулся, продолжая пинать рыжего.

— Зря он отвернулся, — подумала я. — Как говаривал д'Артаньян: дерусь просто потому, что я дерусь.

Ведро полетело первым. Метко, с размаху — брякнулось о плечо лидера, громко звякнув. Он развернулся, и гримаса злобы исказила его красивое лицо. Но я тоже не ждала, успела подбежать и ткнуть его шваброй в живот, а он согнулся пополам, выпустив из рук рыжего.

А потом во мне проснулась «маленькая сволочь», которая от души добавила основательный пинок по самому сокровенному месту поверженного врага.

— Я тебе, мерзкий ублюдок, сейчас устрою бой без правил! — зашипела я, глядя, как он корчится в листьях. — Ты у меня на ближайшее тысячелетие размножаться забудешь! Про секс только в любовных романах читать сможешь! Я тебе сейчас бесплатную депортацию в ад устрою!

Его подручные остолбенели. Такая наглая, растрёпанная девица, похожая на пугало с ведром и шваброй, посмела ударить их «короля»?

Они пришли в себя — и двинулись на меня. Вчетвером. У меня внутри всё оборвалось. Но отступить было поздно.

— Стоять, гады! — задрала я палец к небу, надеясь на чудо. — В жаб превращу, и ваши мужские достоинства усохнут на корню!

Парк замер. Листья зашелестели тише, птицы умолкли. Рыжий парнишка поднял голову — в его глазах мелькнуло удивление, смешанное с благодарностью.

И чудо случилось.

Не потому, что моя угроза подействовала (хотя кто знает). А потому, что из-за поворота аллеи вышел старец в белых, словно снежные вихри, одеждах — длинное одеяние с серебряными рунами. Он опирался на резной посох, который тихо постукивал по земле, и двигался с удивительной для его почтенного облика проворностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.